КЛАССИКА В ШКОЛЕ

Сказки

зарубежных писателей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которую собраны все произведения, изучаемые в начальной и средней школе. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу включены сказки зарубежных писателей для начальных классов и средней школы.

- Сказки зарубежных писателей
  - Ганс Христиан Андерсен
    - Гадкий утёнок
    - Дюймовочка
    - Новое платье короля
    - Огниво
    - Принцесса на горошине
    - Русалочка
    - Снежная Королева
      - Сказка первая,
      - Сказка вторая
      - Сказка третья
      - Сказка четвертая
      - Сказка пятая
      - Сказка шестая
      - Сказка седьмая
    - Соловей
  - Вильгельм Гауф
    - Калиф-аист
      - I
      - II
      - III
      - IV
      - V
    - Маленький Мук
  - Якоб Гримм (1785–1863)
    - Бременские уличные музыканты
    - Госпожа Метелица
    - Золотой гусь
    - Сладкая каша
    - Три брата

- Храбрый портняжка
- Шарль Перро
  - Кот в сапогах
  - Красная Шапочка
  - Подарки феи
  - Спящая красавица
- Цакариас Топелиус
  - Зимняя сказка
  - Кнут-музыкант
  - Сампо-лопаренок
  - Солнечный Луч в ноябре
- Оскар Уайльд
  - Великан-эгоист
  - Замечательная Ракета
  - Мальчик-звезда

Сказки зарубежных писателей

Ганс Христиан Андерсен (1805–1875)

Гадкий утёнок

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу шагал аист на длинных красных ногах и болтал по-египетски – этому языку его научила мать. За полями и лугами раскинулся большой лес, в чаще его таились глубокие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце озаряло старинную усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой; вся полоса земли между этими канавами и каменной оградой заросла лопухом, да таким высоким, что малые ребята могли стоять под самыми крупными его листьями выпрямившись во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то и сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело, потому что навещали ее редко, – другим уткам было скучно торчать в лопухе да крякать вместе с нею, им больше нравилось плавать по канавам.

Но вот, наконец, яичные скорлупки треснули. «Пи-и! Пи-и!» – послышалось из них. Это зародыши стали утятами и высунули головки из скорлупок.

– Скорей! Скорей! – закрякала утка.

И утята заторопились, кое-как выкарабкались на волю и стали осматриваться и разглядывать зеленые листья лопуха. Мать им не мешала: зеленый свет полезен для глаз.

– Как велик мир! – закрякали утята.

Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

– Уж не думаете ли вы, что мир весь тут? – сказала мать. – Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к пасторскому полю, но там я никогда в жизни не бывала… Ну, вы все здесь? – И она встала. – Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целехонько! Да когда же это кончится? Вот незадача! До чего мне это надоело!

И она опять уселась.

– Ну, как дела? – спросила, заглянув к ней, одна старая утка.

– Да вот еще яйцо осталось, – ответила молодая утка. – Сижу, сижу, а оно все не лопается! Но ты посмотри на деток – до чего хороши! Ужасно похожи на отца! А он, беспутный, и не навестил меня ни разу!

– Дай, я осмотрю яйцо, которое еще не треснуло, – сказала старая утка. – Наверное, индюшечье! Меня тоже надули раз. Ну и маялась же я, когда вывела индюшат! Они ведь страсть как боятся воды; уж я и крякала, и звала, и толкала их в воду – не идут, да и только! Дай же мне взглянуть на яйцо. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось его; лучше учи своих утят плавать.

– Нет, пожалуй, все-таки посижу, – отозвалась молодая утка. – Столько просидела, что потерплю еще немножко.

– Ну, как знаешь, – сказала старая утка и ушла.

Наконец, треснула скорлупа самого большого яйца. «Пи-и! Пи-и!» – и вывалился огромный безобразный птенец. Утка оглядела его.

– Вот так верзила! – крякнула она. – И ничуть не похож на остальных. Неужели это индюшонок? Ну, плавать он у меня все равно будет: заупрямится – столкну в воду.

На другой день погода выдалась чудесная, зеленый лопух был весь залит солнцем. Утка забрала всю свою семью и заковыляла к канаве. Бултых! – утка шлепнулась в воду.

– За мной! Скорей! – крикнула она утятам, и те один за другим посыпались в воду.

Сначала они скрылись под водой, но тотчас вынырнули и весело поплыли, лапки у них усердно работали; и безобразный серый утенок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой родной сын! И, право же, недурен собой, надо только присмотреться к нему. Ну, скорей, скорей, за мной! Сейчас отправимся на птичий двор, я буду вводить вас в общество. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь на вас не наступил, да остерегайтесь кошки.

Вскоре утка с утятами добралась до птичьего двора. Ну и шум тут стоял, ну и гам! Две семьи дрались из-за головки угря, но она в конце концов досталась кошке.

– Вот как бывает в жизни! – сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать рыбьей головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – приказала она утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь самая знатная. Испанской породы, потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? До чего красив! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Он означает, что хозяева не хотят с ней расставаться; по этому лоскутку ее узнают и люди и животные. Ну, скорей! Да не держите лапки рядышком. Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и вкось, как их держат ваши родители. Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Утята поклонились и крякнули, но другие утки только оглядывали их и говорили громко:

– Ну вот, еще целая орава! Будто нас мало было! А один-то какой безобразный! Нет, этого мы не примем!

И одна утка мгновенно подскочила и клюнула утенка в затылок.

– Не трогайте его! – сказала утка-мать. – Что он вам сделал? Ведь он никому не мешает.

– Так-то так, но очень уж он велик, да и чудной какой-то! – заметила утка-забияка. – Надо ему задать хорошую трепку!

– Славные у тебя детки! – проговорила старая утка с красным лоскутком на лапке. – Все очень милы, кроме одного… Этот не удался! Хорошо бы его переделать.

– Никак нельзя, ваша милость! – возразила утка-мать. – Правда, он некрасив, но сердце у него доброе, да и плавает он не хуже, пожалуй, даже лучше других. Может, он со временем похорошеет или хоть ростом поменьше станет. Залежался в скорлупе, оттого и не совсем удался. – И она провела носиком по перышкам большого утенка. – К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Вырастет – пробьет себе дорогу!

– Остальные утята очень, очень милы! – сказала старая утка. – Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного безобразного утенка – того, что вылупился позже других, – обитатели птичьего двора клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все – и утки и куры.

– Больно уж он велик! – говорили они.

А индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, налетел на утенка и залопотал так сердито, что гребешок у него налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. Надо же ему было родиться таким безобразным, что весь птичий двор его на смех поднимает!

Так прошел первый день; потом стало еще хуже. Все гнали беднягу, даже братья и сестры сердито кричали на него:

– Хоть бы тебя утащила кошка, урод несчастный!

А мать добавляла:

– Глаза бы мои на тебя не глядели!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, что кормила домашнюю птицу, толкала утенка ногой.

Но вот утенок вдруг перебежал двор и перелетел через изгородь! Маленькие птички испуганно выпорхнули из кустов.

«Меня испугались, – вот какой я безобразный!» – подумал утенок и пустился наутек, сам не зная куда. Бежал-бежал, пока не попал на большое болото, где жили дикие утки. Усталый и печальный, он просидел там всю ночь.

Утром дикие утки вылетели из гнезд и увидели новичка.

– Ты кто такой? – спросили они; но утенок только вертелся да раскланивался, как умел.

– Вот безобразный! – сказали дикие утки. – Впрочем, это не наше дело. Только смотри не вздумай с нами породниться!

Бедняжка! Где же ему было думать о женитьбе! Лишь бы позволили ему просидеть тут в камышах да попить болотной водицы – вот и все, о чем он мечтал.

Два дня провел он на болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

– Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой безобразный, что, право, даже нравишься нам. Хочешь летать с нами? Будешь вольной птицей. Недалеко отсюда, на другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Хоть ты и урод, но – кто знает? – может, и найдешь свое счастье.

«Пиф! Паф!» – раздалось вдруг над болотом, и гусаки замертво рухнули в камыши, а вода окрасилась кровью. «Пиф! Паф!» – раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пальба разгорелась. Охотники оцепили все болото, некоторые укрылись в ветвях нависших над ним деревьев. Клубы голубого дыма окутывали деревья и стлались над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки и, пробиваясь сквозь камыш, раскачивали его из стороны в сторону. Бедный утенок, ни живой ни мертвый от страха, хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг над ним склонилась охотничья собака, высунув язык и сверкая злыми глазами. Она разинула пасть, оскалила острые зубы, но… шлеп! шлеп! – побежала дальше.

– Пронесло! – И утенок перевел дух. – Пронесло! Вот, значит, какой я безобразный, – собаке и той противно до меня дотронуться.

И он притаился в камышах, а над головой его то и дело гремели выстрелы, пролетали дробинки.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок еще долго боялся пошевельнуться. Прошло несколько часов, и наконец он осмелился встать, оглядеться и снова тронуться в путь по полям и лугам. Дул ветер, да такой сильный, что утенок с трудом подвигался вперед.

К ночи он добрался до какой-то убогой избушки. Она так обветшала, что готова была упасть, только не решила еще, на какой бок ей падать, и потому держалась. Утенка так и подхватывало ветром, – приходилось садиться на землю.

А ветер все крепчал. Что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит криво, – сквозь эту щель нетрудно было проскользнуть внутрь. Так он и сделал.

В этой избушке жила старушка хозяйка с котом и курицей.

Кота она звала «сыночком»; он умел выгибать спинку, мурлыкать, а когда его гладили против шерсти, от него даже летели искры. У курицы были маленькие, коротенькие ножки – вот ее и прозвали «коротконожкой»; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром пришельца заметили: кот принялся мурлыкать, а курица кудахтать.

– Что там такое? – спросила старушка, осмотрелась, заметила утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дома.

– Вот так находка! – сказала она. – Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да поживем – увидим!

И утенка приняли на испытание. Но прошло недели три, а он так и не снес ни одного яйца. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Себя они считали половиной всего света, притом лучшей его половиной. Утенку же казалось, что на этот счет можно быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

– Умеешь ты нести яйца? – спросила она утенка.

– Нет.

– Так и держи язык за зубами.

А кот спросил:

– Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

– Нет.

– Так и не суйся со своим мнением, когда говорят те, кто умнее тебя.

Так утенок все и сидел в углу, нахохлившись. Как-то раз вспомнил он свежий воздух и солнце, и ему до смерти захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

– Ишь чего выдумал! – отозвалась она. – Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка лучше яйца или мурлычь – вот дурь-то и пройдет!

– Ах, как мне было приятно плавать! – сказал утенок. – А что за наслаждение нырять в самую глубину!

– Хорошо наслаждение! – воскликнула курица. – Ну, конечно, ты совсем рехнулся! Спроси кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж и не говорю. Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее ее нет никого на свете. По-твоему, и ей хочется плавать и нырять?

– Не понять вам меня! – сказал утенок.

– Если уж нам не понять, так кто же тебя поймет? Может, ты хочешь быть умней и кота и хозяйки, не говоря уж обо мне? Не глупи, а благодари лучше создателя за все, что для тебя сделали.

Приютили тебя, пригрели, приняли в свою компанию, – и ты от нас многому можешь научиться, но с таким пустоголовым, как ты, и говорить-то не стоит. Ты мне поверь, я тебе добра желаю, потому и браню тебя, – истинные друзья всегда так делают. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! – сказал утенок.

– Скатертью дорога! – отозвалась курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за уродливость.

Настала осень, листья на деревьях пожелтели и побурели, ветер подхватывал и кружил их; наверху, в небе, стало холодно; нависли тяжелые облака, из которых сыпалась снежная крупа. Ворон, сидя на изгороди, во все горло каркал от холода: «Крра-а! Крра-а!» От одной мысли о такой стуже можно было замерзнуть. Плохо приходилось бедному утенку.

Как-то раз, под вечер, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась стая чудесных больших птиц, утенок в жизни не видывал таких красивых – белоснежные, с длинными гибкими шеями! То были лебеди. Они закричали какими-то странными голосами, взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края на синие озера. Высоко-высоко поднялись они, а бедного безобразного утенка охватило смутное волнение. Он волчком завертелся в воде, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудесные птицы не выходили у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул, но все никак не мог прийти в себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц и куда они улетели, но полюбил их так, как не любил до сих пор никого на свете. Он не завидовал их красоте. Быть похожим на них? Нет, ему это и в голову не могло прийти! Он был бы рад, если бы хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть, но с каждой ночью свободное ото льда пространство все уменьшалось. Морозило так, что лед трещал. Утенок без устали работал лапками, но под конец обессилел, замер и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин и увидел замерзшего утенка. Он пробил лед своими деревянными башмаками, отнёс утёнка домой и отдал его жене. В доме крестьянина утёнка отогрели.

Но вот дети как-то раз задумали поиграть с утенком, а он вообразил, что они хотят его обидеть, и со страха шарахнулся

прямо в миску с молоком. Молоко расплескалось, хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок взлетел и угодил в кадку с маслом, а потом в бочонок с мукой. Ох, на что он стал похож! Крестьянка кричала и гонялась за ним с щипцами для угля, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали, визжали. Хорошо, что дверь была открыта: утенок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежевыпавший снег, и долго-долго лежал в оцепенении.

Грустно было бы описывать все злоключения утенка в течение этой суровой зимы. Когда же солнце стало снова пригревать землю своими теплыми лучами, он залег в болото, в камыши. Вот запели и жаворонки. Наступила весна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел. Теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего, – не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони тут стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весною! Вдруг из зарослей выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, словно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам! Они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, – ну и пусть! Лучше пусть они меня прогонят, чем сносить щипки уток и кур и пинки птичницы да терпеть холод и голод зимой».

И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, а те, завидев его, тоже устремились к нему.

– Убейте меня! – сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти.

Но что же он увидел в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение. И теперь он был уже не безобразной темно-серой птицей, а лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца.

Теперь он был рад, что перенес столько горя: он лучше мог оценить свое счастье и всю красоту, что его окружала. Большие лебеди плавали около него и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети, они стали бросать лебедям зерна и хлебные крошки, а самый младший закричал:

– Новый, новый!

Остальные подхватили: «Да, новый, новый!» – и захлопали в ладоши, приплясывая от радости, потом побежали за отцом и матерью и стали снова бросать в воду крошки хлеба и пирожного.

И все говорили, что новый лебедь – самый красивый. Такой молоденький, такой чудесный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и невольно спрятал голову под крыло. Он не знал, что делать. Он был невыразимо счастлив, но ничуть не возгордился, – доброму сердцу чуждо высокомерие. Он помнил то время, когда все его презирали и преследовали; теперь же все говорили, что он прекраснейший между прекрасными! Сирень склонила к нему в воду свои душистые ветви, солнце ласкало его и грело… И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

– Мог ли я мечтать о таком счастье, когда был гадким утенком!

Дюймовочка

Жила на свете одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось иметь ребенка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала: «Мне очень хочется ребеночка; может, ты скажешь, где мне его взять?»

– Ну что ж, горю твоему можно помочь! – ответила колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

– Спасибо тебе! – сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой.

Дома она посадила в цветочный горшок ячменное зерно, и из него тотчас же вырос прекрасный большой цветок, похожий на тюльпан, только лепестки у него были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой красивый цветок! – воскликнула женщина и поцеловала прелестные, красные с желтым, лепестки; но не успела она их поцеловать, как в цветке что-то щелкнуло, и он весь раскрылся, – теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зеленом пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка, ростом не больше дюйма. Поэтому ее и назвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупа грецкого ореха служила ей колыбелькой, голубые фиалки – тюфяком, а лепесток розы – одеялом. Ночью она спала в колыбели, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и положила в нее цветы так, что стебельки их были погружены в воду, а чашечки венком лежали по краям; на воду она пустила большой лепесток тюльпана, – на него часто садилась Дюймовочка и плавала от одного края тарелки до другого, два белых конских волоса заменяли ей весла. Все это было прелестно! Еще Дюймовочка умела петь, да таким нежным и красивым голоском, какого никто на свете не слыхивал.

Однажды ночью, когда она лежала в своей хорошенькой колыбели, в разбитое окно вскочила отвратительная жаба, большая и мокрая. Она прыгнула прямо на стол, где под лепестком розы спала Дюймовочка.

– Вот славная жена для моего сынка! – квакнула жаба и, схватив скорлупку с девочкой, выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекал большой, широкий ручей; берега у него были топкие, болотистые, и здесь-то, в тине, и жила жаба со своим сыном. У! Какой он был гадкий и противный! Вылитая мать!

«Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!» – вот все, что он мог проквакать, когда увидел прелестную девочку в ореховой скорлупе.

– Тише! Не то она проснется и убежит от нас! – остановила его старая жаба. – Она ведь легче лебединого пуха. Посадим ее на середину ручья, на широкий лист кувшинки, такой крошке он покажется целым островом. С листа она убежать не сможет, а мы тем временем приготовим в тине удобное гнездышко, в котором вы будете жить.

В ручье росло много белых кувшинок, и их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Старая жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку с Дюймовочкой. Рано утром бедная крошка проснулась и, увидев, куда она попала, горько заплакала, – кругом, куда ни посмотришь, вода да вода, а берег чуть виднеется вдали.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками, – ей хотелось порадовать будущую невестку. Покончив с приготовлениями к свадьбе, она поплыла со своим безобразным сынком к листу, на котором стояла Дюймовочка, чтобы забрать её нарядную кроватку и заранее поставить в спальню будущих новобрачных. Приблизившись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

– Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. И вы славно заживете у нас в тине.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – проквакал сынок.

Жабы взяли нарядную кроватку и куда-то уплыли с ней. А Дюймовочка сидела одна на зеленом листе и горько-горько плакала, – очень уж ей не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали в воде под листом, видели жабу и слышали ее слова, и теперь они высунули головы из воды, чтобы поглядеть на Дюймовочку. Как только они ее увидели, им стало очень грустно, что такой прелестной девочке придется жить у гадкой жабы. «Так не бывать же этому!» – решили рыбки и, подплыв к листу кувшинки, на котором стояла Дюймовочка, перекусили его зеленый стебель. И вот лист с Дюймовочкой быстро поплыл по течению, – теперь жаба не могла бы догнать девочку.

Дюймовочка плыла все дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на нее и пели: «Какая прелестная маленькая девочка!» А лист все плыл да плыл, и, наконец, Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки все время порхал красивый белый мотылек и, наконец, опустился на ее лист – уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не

может ее догнать, что все вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото. Дюймовочка сняла с себя пояс, один его конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу – и лист поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев девочку, он обхватил ее лапкой за тонкую талию и унес на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек, – он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил ее и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за прекрасного белого мотылька, которого привязала к листу, – она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрет с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил ее сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости – другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

– У нее только две ножки! Какое убожество!

– У нее даже нет усиков!

– Какая у нее тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! – твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принес ее на дерево; но, когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать ее у себя: пусть идет куда знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил ее на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая, – даже майские жуки не захотели принять ее к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Все лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинешенька в большом лесу. Она сплела себе из травинок кроватку и подвесила ее под лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень; приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в теплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в трубочку. Платьице Дюймовочки изорвалось, и она все время зябла; а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замерзнуть. Пошел снег, и каждая

снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то ведь большие, а она была всего в дюйм ростом. Она завернулась было в сухой листок, но он разорвался, и бедняжка дрожала от холода.

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле; хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мерзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как в густом лесу, и холод пронизывал ее. Наконец, она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь; амбары ее были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зернышка, – вот уже два дня, как у нее крошки во рту не было.

– Ах ты, бедняжка! – сказала полевая мышь, она была добрая старуха. – Ну, иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыши, что та предложила:

– Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убирай мои комнаты и рассказывай мне сказки, – я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась; она все делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

– Скоро у нас будут гости, – сказала однажды полевая мышь, – раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живет еще лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из черного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа, – ведь он был крот. Вскоре он пришел к полевой мыши с визитом, одетый в черную бархатную шубку.

– Он такой важный, ученый, богатый, – говорила полевая мышь, – дом его в двадцать раз больше моей норки; но он ненавидит солнце и цветы, считает их отвратительными, – он ведь никогда их не видел.

Мышь приказала Дюймовочке что-нибудь спеть; и она спела две песенки, да так мило, что крот, очарованный ее прелестным голосом, сразу в нее влюбился. Но он не сказал ни слова – ведь он был мужчина степенный.

Немного погодя он прорыл длинный подземный ход от своего дома до жилья полевой мыши и разрешил ей и Дюймовочке гулять по этому коридору, когда им вздумается. Однако он

предупредил их, чтобы они не пугались мертвой птицы – самой настоящей птицы, с перьями и клювом, – которая умерла, должно быть, совсем недавно, в начале зимы, и была похоронена как раз в том месте, где он прорыл свой ход.

Крот взял в зубы кусок гнилушки – она ведь светится в темноте – и пошел вперед, освещая длинный темный коридор. Когда они дошли до того места, где лежала мертвая птица, крот ткнул мордой в земляной потолок и пробил в нем большую дыру, через которую в коридор проник дневной свет.

Дюймовочка увидела мертвую ласточку: ее красивые крылышки были крепко прижаты к телу, голову и лапки она втянула, и, прикрытые перьями, они не были видны; скорей всего, бедная птичка умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее – ведь она так любила птичек, которые целое лето утешали ее своими песенками. А крот толкнул мертвую ласточку короткими лапами и сказал:

– Наконец-то перестала пищать! Нет ничего хуже, чем родиться птицей. Слава Богу, детям моим не грозит эта участь. Птицы только и умеют что чирикать да щебетать, а придет зима – что им делать, как не помирать с голоду.

– Вам хорошо говорить, вы человек благоразумный, – отозвалась полевая мышь. – Вполне с вами согласна: что проку от чириканья, когда придет зима! Песнями сыт не будешь, а чириканьем не согреешься. Потому-то птицы и умирают от голода и холода. Впрочем, это судьба всех бедных, но благородных людей.

Дюймовочка не сказала ни слова; когда же крот с мышью повернулись спиной, она наклонилась над ласточкой, раздвинула ее перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, – подумала она. – Как много радости доставила она мне, милая красивая птичка!»

Потом крот опять заделал дыру, сквозь которую проникал дневной свет, и проводил своих дам домой. Ночью Дюймовочка никак не могла уснуть. Она встала с постели, сплела из сухих былинок большое красивое одеяло и, войдя в коридор, укрыла мертвую птичку, потом принесла из мышиной норки цветочных тычинок, лёгких, как вата, и обложила ими ласточку, чтобы ей не так холодно было лежать в сырой земле.

– Прощай, прелестная птичка! – сказала Дюймовочка. – Прощай и спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые и нам ласково светило солнце!

Потом она склонила головку на грудь птички и вздрогнула, услышав: «Стук! Стук!» – это забилось сердце ласточки.

Оказывается, она вовсе не умерла, только окоченела, а теперь отогрелась и ожила.

Осенью все ласточки улетают в теплые края; и если одна из них опоздает улететь, то вскоре коченеет, как мертвая, падает на землю, и ее засыпает холодным снегом.

Дюймовочка дрожала от страха: ведь птичка была просто великаншей по сравнению с ней, такой крошкой, – но все-таки собралась с духом, потеплей укутала ласточку и прикрыла ей голову листом мяты, которым всегда укрывалась сама.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Теперь бедняжка совсем ожила, но все еще была очень слаба и, чуть приоткрыв глаза, смотрела на Дюймовочку, которая стояла перед ней с гнилушкой в руках вместо фонарика.

– Спасибо тебе, милая крошка! – чирикнула больная ласточка. – Я так хорошо согрелась! Скоро совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

– Ах, – сказала Дюймовочка, – сейчас на дворе мороз и снег идет! Лежи лучше в теплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

И она принесла ласточке воды в чашечке цветка. Птичка попила и рассказала Дюймовочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не смогла улететь в теплые края вместе с другими ласточками. Когда настали холода, она окоченела и упала на землю, – больше ничего она не помнила и не знала, как попала сюда.

Всю зиму она просидела в подземном коридоре, а Дюймовочка ухаживала за ней. Она очень привязалась к птичке. Полевая мышь и крот ни о чем не догадывались: они чувствовали отвращение к ласточке и не ходили туда, где она лежала.

Как только настала весна и солнце пригрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой. Девочка сделала отверстие в потолке – там, где его заделал крот, – солнышко заглянуло в темный коридор, и ласточка спросила, не хочет ли Дюймовочка сесть ей на спину и полететь с нею в зеленый лес. Но девочка не захотела покинуть старую полевую мышь, зная, что это очень огорчит ее.

– Нет, я не могу лететь с тобой, – сказала она ласточке.

– Прощай, прощай, добрая, прелестная девочка! – прощебетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка поглядела ей вслед, и глаза ее наполнились слезами, – уж очень она полюбила бедную птичку.

– Кви-вить! Кви-вить! – прочирикала птичка и улетела в зеленый лес.

Дюймовочке было очень грустно, ведь ее никогда не пускали

погреться на солнышке, а хлеб, который посеяли на поле вокруг норки полевой мыши, так разросся, что казался малютке огромным лесом.

– Ты теперь невеста, Дюймовочка, – сказала однажды мышь. – К тебе посватался наш сосед. Какое тебе счастье выпало, бедняжка! Теперь придется тебе шить приданое – и шерстяные платья, и белье; надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, когда ты будешь женой крота.

И Дюймовочке пришлось прясть целыми днями; а мышь наняла четырех пауков-ткачей, и они ткали круглые сутки. Крот каждый вечер приходил в гости и все болтал о том, что скоро-де конец лету и солнце перестанет палить; это хорошо – и без того земля стала твердой, как камень. А когда кончится лето, они сыграют свадьбу.

Но Дюймовочка вовсе этому не радовалась, она ни капельки не любила скучного крота. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате она выскальзывала на порог мышиной норки и, когда ветер раздвигал колосья, видела кусочек неба. Дюймовочка думала тогда: «Как хорошо и светло там, на воле!» И ей очень хотелось увидеть милую ласточку. Но птички нигде не было видно; наверное, она улетела далеко-далеко, в зеленый лес.

Когда наступила осень, все приданое Дюймовочки было готово.

– Свадьба твоя будет через месяц, – заявила ей как-то полевая мышь.

Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить за скучного крота.

– Глупости! – отрезала мышь. – Перестань упрямиться, а не то я укушу тебя. У тебя будет прекрасный муж! Такой черной бархатной шубы у самой королевы нету. Все закрома и подвалы у него полным-полны. Бога надо благодарить за такого мужа!

И вот настал день свадьбы. Крот пришел за невестой, чтобы увести ее к себе глубоко под землю, куда не проникал свет ясного солнышка, потому что крот его терпеть не мог. Тяжело было бедной девочке навсегда распроститься с ясным солнышком, и она с разрешения полевой мыши вышла полюбоваться им в последний раз.

– Прощай, красное солнышко! – сказала Дюймовочка, стоя на пороге норки, и протянула вверх руки. Немного погодя она вышла на поле; хлеб здесь был уже убран, из земли торчали только сухие соломинки. – Прощай и ты, – сказала она и обняла красный цветочек, который уцелел случайно. – Поклонись от меня милой ласточке, если увидишь её.

– Кви-вить, кви-вить! – послышалось вдруг где-то в вышине.

Дюймовочка подняла глаза и увидела пролетавшую мимо ласточку. Птичка очень обрадовалась, узнав Дюймовочку, а та, обливаясь слезами, рассказала, как ей не хочется выходить замуж за уродливого крота и жить под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

– Наступает холодная зима, – сказала ласточка. – Я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой подальше от противного крота и его темного подземелья. Мы полетим над горами в жаркие страны, где солнце светит ярче, чем здесь, где круглый год продолжается лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая Дюймовочка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной холодной земле.

– Да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка.

Она уселась птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и привязала себя поясом к самому большому перу. Ласточка стрелой взвилась в воздух и полетела над лесом и морем, над высокими снежными горами. Дюймовочке стало очень холодно, и она зарылась в теплые перья ласточки, высунув лишь головку, чтобы полюбоваться красотой земли, над которой они летели.

Но вот и теплые края. Солнце здесь светило гораздо ярче, небо было в два раза выше, чем у нас, а вдоль изгородей рос чудесный зеленый и черный виноград. В лесах зрели апельсины и лимоны, пахло миртами и мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше, и места, над которыми она летела теперь, были еще красивее. На берегу голубого озера стоял, сверкая белым мрамором, старинный замок, окруженный пышными зелеными деревьями. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а на самом верху, под крышей, лепились гнезда ласточек. В одном из них и жила та ласточка, которая сейчас несла Дюймовочку.

– Вот мой дом! – сказала она. – А ты выбери себе внизу самый красивый цветок. Я отнесу тебя туда, где он растет, и ты поселишься в нем; там тебе будет уютно.

– Ах, как хорошо! – воскликнула девочка и захлопала крошечными ручонками.

Внизу лежала большая разбитая мраморная колонна; падая на землю, она раскололась на три куска, и между обломками выросли чудесные крупные белые цветы. Ласточка посадила Дюймовочку на широкий лепесток одного цветка. Но что за чудо: в чашечке цветка сидел крошечный человечек, ростом не выше Дюймовочки и совсем прозрачный, – казалось, он был из

хрусталя! На голове у него была красивая золотая корона, а за плечами сверкали блестящие крылья. Это был эльф. Такие же эльфы – юноши или девушки – жили в каждом цветке, а этот был королевский сын.

– Боже, как он красив! – шепнула Дюймовочка ласточке.

Та подлетела к цветку, и маленький принц очень испугался – ведь по сравнению с ней он был совсем крошечный и слабый. Но, увидев Дюймовочку, он пришел в восторг, – такой хорошенькой девушки он еще никогда не видел. И вот он снял с себя корону и надел ее на Дюймовочку, потом спросил, как ее зовут и не хочет ли она выйти за него замуж и сделаться царицей цветов? Вот это был настоящий жених! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе. Поэтому Дюймовочка дала согласие красивому принцу. Из всех цветов вылетели эльфы – юноши и девушки, такие прелестные, что Дюймовочка никак не могла на них налюбоваться. Каждый преподнес невесте подарок, и больше всего ей понравились прозрачные крылья большой стрекозы. Их надели Дюймовочке на спину, и теперь она тоже могла перелетать с цветка на цветок. То-то была радость! Ласточка сидела высоко в своем гнезде. Ее попросили спеть свадебную песню, и она старалась петь как можно лучше, но втайне все-таки грустила, потому что любила Дюймовочку и не хотела с ней расставаться.

– Тебя больше не будут звать Дюймовочкой, – сказал невесте эльф. – Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Тебя будут звать Майей.

– Прощай, прощай! – прошептала ласточка и с тяжелым сердцем улетела из теплых стран на родину, в далекую Данию. Там у нее было гнездышко, как раз над окном того человека, который умеет рассказывать сказки. Он услыхал ее «кви-вить, кви-вить», а от него и мы узнали всю эту историю.

Новое платье короля

Много лет назад жил король, который так любил красивые и новые платья, что все деньги тратил на одежду. Он не заботился о своих войсках, не интересовался театром, не любил гулять, и если ходил на военные парады, в театр или на прогулку, то лишь затем, чтобы показаться в новом платье. Для каждого часа суток у него был особый наряд; и если о некоторых королях часто говорят: «Король в совете», то о нем говорили: «Король в гардеробной».

В том большом городе, где он жил, люди проводили время весело, и туда каждый день приезжали иностранцы. Однажды явились и два обманщика, которые выдавали себя за ткачей и уверяли, будто могут выткать такую чудесную ткань, какой еще свет не видывал. Не говоря уж о замечательно красивых красках и узоре этой ткани, сшитые из нее платья обладают удивительным свойством: их не может видеть человек, который не справляется со своими служебными обязанностями или же просто очень глуп, – для такого они превращаются в невидимки.

«Вот так платья! – подумал король, когда услышал об этом. – Надену такое и сразу узнаю, кто из моих подданных не справляется со своими обязанностями, а кроме того, сумею отличить умных от глупых. Надо, чтобы для меня немедленно начали ткать эту ткань!» И он дал обманщикам много денег вперед, с тем чтобы они тотчас приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и стали делать вид, что работают, хотя на станках у них ровно ничего не было. То и дело требовали они тончайшей и отборной золотой пряжи, а получив ее, прятали по карманам и продолжали работать на пустых станках; и так с утра и до поздней ночи.

«Хотелось бы мне знать, много ли они наткали», – подумал король, но все же ему было как-то не по себе при мысли о том, что ни один дурак, ни один человек, который не справляется со своими обязанностями, не увидит ткани. Конечно, за себя ему нечего беспокоиться, думал он, но не лучше ли послать кого-нибудь другого посмотреть работу ткачей? Весь город знает, каким чудесным свойством обладает их ткань, и всем не терпится поскорее узнать, очень ли глуп и плох сосед.

«Пошлю-ка я к ткачам своего старого честного министра, – подумал король, – он лучше всех разбирается в достоинствах ткани. Он и умен, он и должности своей соответствует как нельзя лучше».

И вот престарелый почтенный министр вошел в зал, где

перед пустыми станками сидели обманщики, взглянул на станки и вытаращил глаза. «Боже мой! Что же это такое? – думает. – Ничего не вижу! Никакой ткани!» Однако он умолчал об этом.

Обманщики попросили его подойти поближе, для того-де, чтобы хорошенько рассмотреть красочный узор ткани, и принялись показывать пальцами в пустое пространство. Бедный старик только таращил глаза, но никакой ткани не видел, потому что ее и не было!

«Боже мой! – подумал он. – Неужели я глуп? Вот никогда не подозревал! Но никто не должен об этом узнать. Или, может быть, я не справляюсь со своими служебными обязанностями? Нет, нельзя признаваться, что я не вижу ткани».

– Ну, как ваше мнение? – спросил один из ткачей.

– Чудесно! Восхитительно! – ответил старик и сквозь очки устремил глаза на пустые станки. – Какой узор, какие краски! Я передам королю, что ткань понравилась мне чрезвычайно!

– Очень приятно слышать! – сказали ткачи и стали подробно описывать ткань – и краски ее и затейливый узор. Старый министр внимательно слушал, чтобы потом в точности передать королю их слова.

Ткачи потребовали еще денег, шелка и золота, – для того-де, чтобы продолжать работу. Но, получив все это, положили себе в карман, а на станках не появилось ни одной нитки. По-прежнему обманщики ткали на пустых станках.

Немного погодя король послал другого почтенного сановника посмотреть, как подвигается работа и скоро ли будет готова ткань. Однако с ним случилось то же, что и с министром: он смотрел, смотрел, но так ничего и не увидел, кроме пустых станков.

– Как хорош этот кусок ткани, правда? – воскликнули обманщики и принялись показывать пальцами на станок, расхваливая красивые узоры, которых и в помине не было.

«Я безусловно не глуп, – подумал сановник. – Но если так, значит, я не справляюсь со своими обязанностями? Вот так история! Однако я и виду не подам, что сам это понимаю». И он принялся расхваливать ткань, которой не видел, уверяя, что это настоящее счастье – любоваться столь чудесными красками и узорами.

– Прелестно! – сказал и он королю.

Весь город только и говорил, что о великолепной ткани.

Наконец, и сам король захотел поглядеть на новую ткань, пока ее еще не сняли со станков. С целой свитой избранных царедворцев, среди которых были и оба старых почтенных сановника, отправился он к хитрым обманщикам. А те «ткали» с

великим усердием, но по-прежнему на их станках не было ни единого волоконца.

– Правда, великолепно? – воскликнули почтенные сановники, уже побывавшие здесь. – Не угодно ли вашему величеству обратить внимание на краски и узоры? – И они показали на пустой станок, уверенные, что все присутствующие видят на нем ткань.

«Что такое? – подумал король. – Я ничего не вижу! Какой ужас! Значит, я глуп? Или я никуда не годный король? Это было бы хуже всего!» Но вслух он сказал:

– Очень красиво! Подобное мастерство заслуживает величайшей похвалы!

И он с довольной улыбкой стал кивать головой, делая вид, что любуется тканью, – ведь он не хотел признаться, что ничего не видит.

Свита его во все глаза глядела на станки, но видела не больше остальных; однако все твердили вслед за королем, что ткань превосходная, и советовали ему сшить себе из этой великолепной ткани платье для предстоящего торжественного шествия.

– О, как чудесно! Роскошно! Изящно! – слышалось со всех сторон, и все выражали полное удовлетворение.

Король наградил обманщиков орденом, приказав носить его в петлице, и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь перед торжеством обманщики работали при свете шестнадцати свечей, ни разу даже не прилегли отдохнуть: ведь народ должен был видеть, что они заканчивают новое платье короля. Они сделали вид, что сняли ткань со станков, и принялись кроить воздух большими ножницами, а потом шить иголкой без нитки.

– Ну вот, платье готово! – сказали они наконец.

Тогда король в сопровождении самых знатных своих придворных пришел к ним, чтобы облачиться в новый наряд, а ткачи-обманщики протягивали руки, словно подавая ему что-то.

– Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! – приговаривали они. – И все легонькое, как паутинка! Наденешь, и кажется, будто на теле ничего нет, но в этом-то и вся прелесть!

– Да! – в один голос подтвердили придворные, хотя никакого платья не видели, так как его и не было.

– Теперь пусть ваше величество соблаговолит снять с себя старое платье, – сказали обманщики. – Мы оденем вас в новое вот тут, перед большим зеркалом.

Король разделся догола, а обманщики сделали вид, будто одну за другой подают ему разные принадлежности его нового

туалета, потом – будто прикрепляют ему длинный шлейф. А король поворачивался во все стороны и вертелся перед зеркалом.

– Боже, как вам идет это платье! Как оно чудесно сидит! – говорили все. – Какой узор! Какие краски! Что за роскошный наряд!

– Ваше величество, внизу вас ждет балдахин. Его понесут над вами во время процессии, – доложил обер-церемониймейстер.

– Я готов! – отозвался король. – Правда, хорошо сидит?

И он снова повернулся перед зеркалом. Этим он хотел показать, что еще раз внимательно осматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф, стали хватать руками воздух, делая вид, будто поднимают шлейф с полу, а следуя за королем, не опускали рук, не желая признаться, что не видят никакого шлейфа.

И вот король шествовал в процессии под роскошным балдахином, а все люди, стоявшие на улицах и смотревшие из окон, говорили:

– Боже, как оно красиво, это новое платье короля! Как оно хорошо сидит! Какой чудесный шлейф у мантии!

Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно из платьев короля не имело такого успеха.

– Но ведь он голый! – воскликнул вдруг один ребенок.

– Послушайте-ка, послушайте, что говорит невинное дитя! – сказал его отец; и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

– А король-то голый! Ребенок говорит, что на нем ничего нет!

– На нем ничего нет! – закричал наконец весь народ.

Король содрогнулся – ему показалось, что люди правы, однако он все же решил довести церемонию до конца. И он принял еще более гордый вид, а камергеры шли за ним следом, притворяясь, будто несут шлейф, хотя на самом деле никакого шлейфа не было.

Огниво

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Шел он домой с войны. По дороге встретилась ему старая ведьма, безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

– Здорово, служивый! – буркнула она. – Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну, сейчас я тебе отвалю денег, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо тебе, старая ведьма! – сказал солдат.

– Видишь вон то старое дерево? – проговорила ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. – Внутри оно пустое. Влезь наверх – увидишь дупло, спустись в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обвяжу веревкой вокруг пояса, а когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

– Но зачем мне туда лезть? – спросил солдат.

– За деньгами! – ответила ведьма. – Надо тебе знать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; в нем горит больше трехсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери; можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку; глаза у нее величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, а ты расстели его на полу, быстренько подойди и схвати собаку; посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; захочешь серебра – ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колеса, но ты не пугайся, посади ее на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, которая сидит там на деревянном сундуке, глаза с Круглую башню[*Круглая башня* – эта башня была воздвигнута в Копенгагене астрономом Тихо Браге, который устроил в ней обсерваторию.]. Собака эта очень злая, можешь мне поверить! Но ты и ее не бойся. Посади ее на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота сколько хочешь!

– Оно бы недурно! – сказал солдат. – Но что же ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не сделаешь.

– Ни гроша я с тебя не возьму, – ответила ведьма. – Только принеси мне старое огниво, – там его позабыла моя бабушка, когда спускалась туда в прошлый раз.

– Ну, обвязывай меня веревкой! – приказал солдат.

– Готово! – сказала ведьма. – А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, забрался в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращила их на солдата.

– Молодчина! – сказал солдат и, посадив собаку на ведьмин передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешел в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами, как мельничные колеса.

– Ну, нечего таращить на меня глаза, а то еще заболят! – сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба кармана и ранец серебром. Затем он перешел в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, которая там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались будто колеса.

– Добрый вечер! – сказал солдат и взял под козырек.

Такой собаки он еще не видывал.

Впрочем, смотрел он на нее недолго, а взял да и посадил ее на передник, потом открыл сундук. Боже! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговок сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! Денег была уйма. Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Ну, наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

– Тащи меня, старая ведьма!

– Огниво взял? – спросила ведьма.

– Ах черт, чуть было не забыл! – ответил солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

– Зачем тебе это огниво? – спросил солдат.

– Не твое дело! – ответила ведьма. – Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдавай мне огниво!

– Как бы не так! – сказал солдат. – Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

– Не скажу! – уперлась ведьма.

Ну солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на

землю мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город.

Город этот был богатый. Солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда, – ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат ещё не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и дорогую одежду.

Теперь солдат сделался настоящим барином, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

– Как бы ее увидеть? – спросил солдат.

– Это невозможно! – ответили ему. – Она живет в огромном медном замке, окруженном высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти в замок, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

«Вот бы на нее поглядеть!» – подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его стороны, ведь он по себе знал, как трудно сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Но так как он все только тратил деньги, а новых ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал, – уж очень высоко было к нему подниматься!

Однажды темным вечером солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек, который он взял вместе с огнивом в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но, как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

– Что угодно, господин? – пролаяла она.

– Вот так история! – сказал солдат. – Огниво-то, выходит, прелюбопытная штучка: теперь я смогу получить все, что захочу!

Эй ты, добудь-ка мне денег! – приказал он собаке – и… раз – ее уж и след простыл; два – она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудодейственное у него огниво. Ударишь по кремню раз – является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два – является та, что сидела на серебре; ударишь три – прибегает та, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты и стал носить богатую одежду, а все его друзья немедленно узнали его и крепко полюбили вновь.

Вот раз ему и пришло в голову: «Как это глупо, что нельзя повидать принцессу! Такая красавица, говорят, а что толку? Весь век сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями! Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?» – и он ударил по кремню раз. В тот же миг перед ним предстала собака с глазами, как чайные чашки.

– Теперь, правда, уже ночь, – сказал солдат, – но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она вернулась с принцессой. Принцесса сидела на спине у собаки и спала. Она была чудо как хороша – всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса; и солдат не утерпел и поцеловал ее, – он ведь был бравый воин, настоящий солдат.

Потом собака отнесла принцессу назад; и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она нынче видела удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

– Вот так история! – воскликнула королева. На следующую ночь в спальню принцессы отрядили старуху фрейлину с приказом разузнать, был ли то сон или явь.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью снова явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть к солдату; но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидев, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» – начертила большой крест на воротах и отправилась домой спать. Но собака на обратном пути заметила этот крест, сейчас же взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла найти нужные ворота, раз на всех остальных тоже белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли узнать, куда ездила принцесса ночью.

– Вот куда! – сказал король, увидев первые ворота с крестом.

– Нет, вот куда, муженек! – возразила королева, заметив крест на других воротах.

– Крест и здесь, и здесь… – зашумели придворные, увидев кресты на других воротах. Тут все поняли, что не добиться им толку.

Но королева была женщина умная – она умела не только в каретах разъезжать. И вот взяла она большие золотые ножницы, разрезала кусок шелковой материи на несколько лоскутов и сшила крошечный хорошенький мешочек; в тот мешочек она насыпала мелкой гречневой крупы и привязала его на спину дочке, а потом прорезала в нем дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, по которой поедет принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу себе на спину и побежала к солдату, а солдат до того влюбился в принцессу, что начал жалеть, почему он не принц, – так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой, за нею сыпалась крупа. Уже рано утром король и королева узнали, куда ездила их дочь, и солдата посадили в тюрьму. Как там было темно и тоскливо! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это. А огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку своей камеры и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все бежали бегом; бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и стукнула прямо в стену, у которой стоял солдат, глядя сквозь решетку.

– Эй, ты куда торопишься? – сказал солдат мальчику. – Без меня ведь дело не обойдется! А вот если ты сбегаешь туда, где я жил раньше, за моим огнивом, ты получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и… а вот сейчас узнаем, что было потом!

За городом была построена огромная виселица, а вокруг стояли солдаты и многие сотни тысяч людей. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить

преступника, всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему очень хотелось бы выкурить трубочку табаку, ведь это будет его последняя трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в такой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три – и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как Круглая башня.

– Ну-ка, помогите мне избавиться от петли! – приказал им солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги схватили, того за нос, да и подбросили ввысь. Все упали и разбились вдребезги!

– Не надо! – закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

– Служивый, будь нашим королем и женись на прекрасной принцессе!

И вот солдата посадили в королевскую карету. Карета катилась, а все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и захотелось ему жениться на принцессе, но только самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашел. Принцесс-то было сколько угодно, да были ли они настоящие? Так и вернулся принц домой ни с чем и загоревал – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молнии так и сверкали, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки туфель и вытекала из-под каблуков, а она все-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы проверим!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а поверх тюфяков набросала еще двадцать перинок из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – вздохнула принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чем-то таком твердом, что у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и перинок – такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней – наконец-то он не сомневался, что нашел настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто ее не украл.

Знай, что это истинная история!

Русалочка

В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якори не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки.

Не подумайте, что там только голый белый песок, – нет, на дне растут удивительные деревья и цветы, с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. В этой чаще шныряют маленькие и большие рыбы, точь-в-точь как у нас птицы в лесу. На самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с кровлей из раковин, которые то открываются, то закрываются, в зависимости от прилива и отлива. Это дивное зрелище, ибо в каждой раковине лежат блестящие жемчужины такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и царским хозяйством заправляла его старуха мать, женщина умная, но очень гордившаяся свой знатностью, – на хвосте у нее сидела целая дюжина устриц, тогда как вельможам полагалось только по шести. Вообще же она была женщина достойная, особенно потому, что очень любила маленьких морских принцесс, своих внучек. Их было шестеро, и все прехорошенькие, а младшая – лучше всех: кожа у нее была нежная и прозрачная, как лепесток розы, а глаза синие, как глубокое море. Но у нее, как и у других русалок, не было ножек, их заменял рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где на стенах росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как в наши окна иной раз влетают ласточки. Рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был разбит большой сад, в котором росло много огненно-красных и синих деревьев; их ветви и листья всегда колыхались, плоды сверкали, как золото, а цветы пылали, как костер. Сама земля там была усыпана мелким песком цвета серного пламени, и потому дно морское отливало каким-то удивительным голубоватым блеском, – можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причем небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, венчик

которого излучал свет.

В саду у каждой принцессы было свое местечко; тут они копали землю и сажали цветы, какие хотели. Одна сделала себе цветочную клумбу в виде кита; другой захотелось, чтобы ее клумба походила на русалочку; а младшая сестра сделала клумбу круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странная девочка была эта русалочка – такая тихая, задумчивая… Другие сестры украшали свои садики разными разностями, добытыми на затонувших кораблях, а в ее саду были только алые цветы, похожие на далекое солнце, да прекрасная статуя мальчика из чистого белого мрамора, упавшая на дно моря с какого-то погибшего судна. Русалочка посадила у статуи розовую плакучую иву, и она пышно разрослась: длинные тонкие ветви ее, окутав статую, почти касались голубого песка, на котором колебалась их фиолетовая тень. Так вершина и корни, казалось, играли, пытаясь поцеловать друг друга.

Больше всего любила русалочка слушать про людей, что живут наверху, на земле, и бабушка должна была рассказывать ей все, что только знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, – не то что здесь, в море! – что леса там зеленые, а рыбки, которые живут на земных деревьях, поют очень звонко и красиво. Бабушка называла «рыбками» птичек, иначе внучки не поняли бы ее: они никогда в жизни не видели птиц.

– Как только одной из вас минет пятнадцать лет, – говорила бабушка, – ей разрешат подниматься на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли; она увидит земные леса и города.

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, а другим сестрам – все они были погодки – приходилось еще ждать того дня, когда им разрешат всплыть наверх; и дольше всех должна была ждать младшая. Но каждая обещала рассказать сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, – им было мало рассказов бабушки и хотелось знать обо всем на свете как можно подробнее.

Никого так не тянуло на поверхность моря, как младшую сестру, тихую, задумчивую русалочку, которой пришлось ждать дольше всех. Сколько ночей она провела у открытого окна, глядя вверх, сквозь синеву морской воды, в которой стаи рыбок шевелили своими плавниками и хвостами! Она даже могла разглядеть месяц и звезды: они, конечно, светили совсем тускло, но зато казались гораздо крупнее, чем кажутся нам. Случалось, что их затмевало что-то вроде большой тучи, но русалочка знала, что это плывет над нею кит или проходит корабль с толпами

людей. Эти люди и не подозревали, что там, в глубине моря, стоит прелестная русалочка и протягивает к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего ей понравилось лежать при свете месяца на песчаной отмели и нежиться, любуясь раскинувшимся на берегу городом: там, словно сотни звезд, горели огни, играла музыка, тарахтели повозки, шумели люди, высились колокольни и звонили колокола. Ей нельзя было попасть туда, потому-то ее так и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и глядя вверх сквозь темно-синюю воду, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей даже слышался колокольный звон.

Прошел год, и второй сестре тоже позволили подняться на поверхность моря и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака… тут у нее даже слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро летели по небу, но еще быстрее мчалась к солнцу стая лебедей, похожая на длинную белую вуаль. Русалочка тоже было поплыла к солнцу, но оно погрузилось в море, а на воде и на облаках погас розовый отблеск.

Прошел еще год – и вынырнула третья сестра. Эта была смелее всех и поплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные красивыми рощами, в которых пели птицы. Солнце светило ярко и так припекало, что ей не раз пришлось нырнуть в воду, чтобы освежить пылающее лицо. В маленькой бухте плескалась целая толпа голеньких человеческих детей. Русалка хотела было поиграть с ними, но они испугались и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и принялся на нее тявкать, да так грозно, что она в страхе уплыла. Зверек этот был просто-напросто собачкой, но русалка ведь еще не видела собак. Вернувшись домой, она не переставала вспоминать чудесные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьих хвостов.

Четвертая сестра оказалась не такой смелой – она держалась больше в открытом море и потом говорила, что это лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг только вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол.

Большие корабли она видела только издали, и ей они казались похожими на чаек; вокруг нее играли и кувыркались забавные дельфины, а громадные киты пускали фонтаны из ноздрей.

Потом настал черед пятой сестры; ее день рождения был зимой, и она увидела то, чего не видели другие. Море теперь было зеленоватого цвета, повсюду плавали ледяные горы, похожие на огромные жемчужины, но только они были гораздо выше самых высоких колоколен, построенных людьми. Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую ледяную гору, и ветер развевал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили эту гору стороной. К вечеру небо заволокло тучами, засверкала молния, загремел гром, и темное море принялось кидаться ледяными глыбами, которые ярко сверкали при красном свете молний. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и трепете, а русалка спокойно плыла вдаль, сидя на ледяной горе и любуясь на огненные зигзаги молний, которые, прорезав небо, падали в мерцающее море.

Да и все сестры восхищались тем, что увидели впервые, – все это было ново и потому нравилось им. Но когда они стали взрослыми девушками и им разрешили плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему, что видели, и спустя месяц стали уже говорить, что везде хорошо, но дома лучше.

По вечерам все пять сестер поднимались рука об руку на поверхность воды. Они были одарены великолепными голосами, каких не бывает у людей, – и вот когда начиналась буря и опасность нависала над кораблями, русалки подплывали к ним и пели песни о чудесах подводного царства, уговаривая моряков не бояться попасть к ним на дно. Но моряки не могли разобрать слов – им казалось, что это просто шумит буря. Впрочем, если б они и попали на дно морское, им все равно не удалось бы увидеть там никаких чудес, – ведь, когда корабль шел на дно, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мертвыми.

В то время как русалки рука об руку всплывали на поверхность моря, младшая их сестра сидела одна-одинешенька, глядя им вслед, и ей очень хотелось заплакать. Но русалки не могут плакать, и им от этого еще тяжелее переносить страдания.

– Ах, если бы мне уже было пятнадцать лет! – говорила она. – Я знаю, что очень полюблю тот верхний мир и людей, которые в нем живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала ей бабушка, вдовствующая королева. – Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер.

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, каждый их лепесток был сделан из половинки жемчужины; потом приказала восьмерым устрицам прицепиться к ее хвосту, – это было знаком отличия ее сана.

– Мне больно! – проговорила русалочка.

– Ради красоты стоит потерпеть! – изрекла старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венец, – алые цветы из ее садика шли ей гораздо больше. Но делать нечего!

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, как прозрачный пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще пылали, пурпурные и золотые, и в розовом небе зажглась вечерняя звезда. Воздух был мягок и свеж, а море словно замерло. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, – на море не было ни малейшего ветерка. На вантах и реях сидели матросы, с палубы доносились звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветили сотни разноцветных фонариков, – казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к зеркальным иллюминаторам кают-компании и заглядывала туда всякий раз, как ее приподнимала волна. В кают-компании собралось много нарядных людей, но красивее всех был черноглазый принц, юноша лет шестнадцати, не больше. В тот день праздновали его рождение, оттого-то на корабле и шло такое веселье. На палубе плясали матросы, а когда к ним вышел молодой принц, взвились сотни ракет, и стало светло, как днем, – русалочка даже испугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула головку, и ей почудилось, будто это звездочки упали с неба к ней в море. Никогда еще не видела она подобной игры огней: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили хвостами в воздухе – и все это отражалось в недвижной светлой воде. На корабле же было так светло, что можно было различить канат в его снастях, а людей и подавно. Ах, до чего хорош собою был молодой принц! Он пожимал руки людям и улыбался, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огни погасли, ракеты больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы – зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем, то и дело заглядывая в кают-компанию, а корабль мчался все быстрей и быстрей, паруса развертывались один за другим. Но вот началось

волнение, сгустились тучи и засверкала молния. Разыгралась буря, и матросы бросились убирать паруса. Сильная качка трепала огромный корабль, а ветер мчал его по бушующим волнам. Вокруг вырастали высокие черные водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами, но корабль, как лебедь, падал в бездну между водяными стенами, потом снова взлетал на валы, громоздящиеся друг на друга. Русалочке такое плавание очень нравилось, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски гнулись под сильными ударами, волны перекатывались через палубу. Вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лег набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла, какая опасность грозит кораблю; ей и самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. Как темно вдруг стало, хоть глаз выколи! Но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех людей на корабле: каждый спасался, как мог. Она постаралась отыскать глазами принца и увидела, когда корабль развалился, что юноша тонет. Сначала русалочка очень обрадовалась, поняв, что теперь он попадет к ним на дно, но потом вспомнила, что люди в воде жить не могут и если он и попадет во дворец ее отца, то лишь мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, позабыв о том, что они в любую минуту могут ее раздавить. Пришлось ей то нырять вглубь, то высоко взлетать вместе с волнами, но вот наконец она догнала принца, который уже почти выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю. Руки и ноги отказались ему служить, глаза закрылись, и он бы погиб, не явись на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и понеслась вместе с ним по воле волн.

К утру непогода стихла. От корабля не осталось и щепки, а солнце, красное и пылающее, опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живой румянец, но глаза юноши все еще не открывались.

Русалочка откинула мокрые волосы с его лба и поцеловала этот высокий, красивый лоб. Ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, украшающего ее садик. Она поцеловала его снова и от всего сердца пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец показался берег и вздымавшиеся на нем высокие, синеватые, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. Внизу, у самого берега, зеленели густые леса, неподалеку высилось какое-то здание – видимо, церковь или монастырь. В саду, окружающем здание, росли апельсинные и лимонные деревья, а у ворот стояли высокие пальмы. Море вдавалось в белый песчаный берег небольшим

глубоким заливом, где вода была совсем спокойна. Сюда-то и приплыла русалочка. Она положила принца на песок и позаботилась о том, чтобы голова его лежала повыше, освещенная теплыми лучами солнца.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной – теперь никто не различил бы в этой пене ее светлого личика – и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла молодая девушка и сначала очень испугалась, но быстро успокоилась, созвала людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем тем, кто стоял вокруг него. А ей не улыбнулся, – он ведь не знал, что это она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке. И когда принца увели в большое белое здание, она, печальная, нырнула в воду и уплыла домой.

Она всегда была тихой и задумчивой, а теперь стала еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела на море, но она молчала.

Не раз, и вечером и утром, подплывала она к тому месту, где оставила принца; видела, как созрели и были сорваны плоды в садах, видела, как на высоких горах стаял снег, – но принц не появлялся; и с каждым разом грустя все больше и больше, она возвращалась домой. Единственной ее отрадой было сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца. За цветами она больше не ухаживала, они росли по своей воле, даже на дорожках, переплетаясь длинными стеблями и листьями с ветвями деревьев; и вскоре в запущенный садик совсем перестал проникать свет.

Наконец русалка не выдержала – рассказала обо всем одной из сестер; от нее о принце сейчас же узнали и все остальные сестры. Но больше никто, – не считая еще двух-трех русалок, которые никому об этом не говорили, кроме как самым близким своим подругам. Одна из русалок тоже видела и праздник на корабле, и самого принца и даже знала, где находятся его владения.

– Поплывем вместе, сестрица! – сказали русалке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где находился дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах между колоннами, окружавшими все здание, стояли

мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь прозрачные стекла высоких окон были видны роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавески, всюду были разостланы ковры, а стены украшали большие картины, которые так интересно было рассматривать. Посреди огромного зала журчал большой фонтан, и струи его били высоко-высоко под потолок. Потолок был в виде стеклянного купола, и лучи солнца проникали сквозь него внутрь, освещая воду и чудные растения, которые росли в обширном водоеме.

Теперь русалочка знала, где живет принц; и вот она стала часто приплывать ко дворцу вечерами или ночью. Ни одна из сестер не осмеливалась так близко подплывать к земле, как младшая, – она вплывала даже в узкий канал, который протекал прямо под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца; а тот был уверен, что сидит при свете месяца в полном одиночестве.

Много раз видела русалочка, как он катается с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной реющими флагами. Она выглядывала из зарослей зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся на ветру, то принимали ее за лебедя, расправляющего крылья.

Не раз также слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего. И русалочка, радуясь, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, швыряли волны, вспоминала о том, как крепко она прижимала тогда к груди его голову и как нежно целовала его. А он ничего об этом не знал, она даже и присниться ему не могла.

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильней и сильней тянуло ее к ним. Их мир казался ей гораздо более широким, чем ее мир: они могли переплывать море на своих кораблях, могли взбираться на высокие горы к самым облакам, а земли, которыми они владели, их леса и поля тянулись так далеко, что она не могла охватить их взглядом. Ей так хотелось побольше узнать о людях, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обратилась к бабушке. Старуха хорошо знала «высший мир», как она правильно называла землю, лежавшую над морем.

– А те люди, что не тонут, – спрашивала русалочка, – они живут вечно? Они не умирают, как умираем мы тут внизу, в море?

– Вовсе нет! – отвечала старуха. – Они тоже умирают. И век их даже короче нашего. Но хоть мы и живем триста лет, а когда

нам приходит конец, от нас остается лишь пена морская, и нет у нас могил наших близких, мы не одарены бессмертной душой, и наша русалочья жизнь кончается со смертью тела. Мы – как этот тростник: срезанный стебель его уже не зазеленеет вновь! А у людей есть душа, которая живет вечно, она живет и после того, как тело превратится в прах, и тогда улетает в прозрачную высь, к сверкающим звездам. Как мы всплываем на поверхность моря и видим землю, где живут люди, так и они поднимаются в неведомые блаженные страны, которых нам не увидеть никогда!

– Ах, почему у нас нет бессмертной души! – грустно проговорила русалочка. – Я бы все свои сотни лет отдала за один день человеческой жизни, чтобы потом вкусить небесного блаженства.

– Что за вздор! – сказала старуха. – Ты об этом и не думай. Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле.

– Неужели и я после смерти превращусь в морскую пену и не услышу больше музыки волн, не увижу прекрасных цветов и огненного солнца! Неужели мне никак не удастся обрести вечную душу?

– Нет, – ответила бабушка. – Но если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если он отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и попросит священника соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу – тогда его душа перейдет в твое тело и ты тоже познаешь небесное блаженство, доступное людям. Этот человек вдохнет в тебя душу и сохранит свою. Но с тобой этого никогда не будет: твой рыбий хвост, который у нас считается красивым, люди находят безобразным. Ведь они мало смыслят в красоте; по их мнению, нельзя быть красивым без двух неуклюжих подпорок – «ног», как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить да радоваться! – сказала старуха. – Повеселимся вволю свои триста лет, а это немалый срок! Тем слаще покажется нам отдых после смерти. Сегодня вечером у нас при дворе будет бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок громадного танцевального зала были из толстого, но прозрачного стекла, а вдоль стен рядами лежали сотни огромных розовых и травяно-зеленых раковин с голубыми огоньками внутри. Огни эти ярко освещали весь зал и, проникая сквозь стеклянные стены, озаряли само море. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, сверкающих то пурпурной, то золотистой или серебристой чешуей.

Посреди зала вода мчалась широким потоком, и в ней танцевали водяные и русалки под свое чудесное пение. У людей таких дивных голосов не бывает. Русалочка пела лучше всех, и весь двор ей рукоплескал. На минуту ей стало весело, когда она подумала о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала вспоминать о надводном мире, о прекрасном принце и грустить о том, что у нее нет бессмертной души. Вскоре она незаметно выскользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своем садике; сквозь толщу воды к ней доносились звуки музыки. И она думала: «Вот он опять, наверное, катается в лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Мысленно я постоянно с ним, ему я охотно вверила бы свое счастье, всю свою жизнь! Ради него и бессмертной души я пошла бы на все! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда ее боялась, но, может быть, она теперь что-нибудь посоветует и как-нибудь поможет мне».

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось плыть этой дорогой. Тут не росло ни цветов, ни даже водорослей, всюду был только голый серый песок. Вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, увлекая за собой в глубину все, что встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между этими бурлящими водоворотами. Потом на пути к логову ведьмы ей встретилось еще большее пространство, покрытое горячим пузырившимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним показалось и жилье ведьмы, окруженное каким-то диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем были полипы – полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, выросших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам, а пальцы извивались, как черви. Полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими ветвями от корня до самой верхушки, гибкими щупальцами они впивались во всё, что только им попадалось, и уже не выпускали добычи. Русалочка испуганно остановилась, и сердце её застучало от страха. Она уже готова была уплыть обратно, но вспомнила о принце, о бессмертной душе – и к ней вернулось мужество. Крепко обмотав вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не зацепили полипы, она скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между чудовищами, которые протягивали к ней свои извивающиеся щупальца. Она видела, до чего крепко, словно железными клещами, держали они всё, что удалось схватить: белые скелеты утопленников, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже

одну русалочку: полипы поймали и задушили её. Это было, пожалуй, страшнее всего!

Но вот наша русалочка очутилась на болотистой лесной поляне, где кувыркались большие жирные водяные ужи, показывая свое противное светло-желтое брюхо. Посреди поляны стоял дом, выстроенный из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма, кормившая изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она называла «цыплятками» и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости затеваешь! Ну, да я исполню твое желание, потому что это принесет тебе горе, красавица! Ты хочешь взамен рыбьего хвоста получить две подпорки и ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц тебя полюбил, а ты получила и его, и бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и безобразно, что и жаба и ужи свалились с нее и растянулись на песке.

– Ну ладно, пришла ты вовремя! – продолжала ведьма. – А приди ты завтра поутру, было бы уже поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше, чем в будущем году. Я приготовлю тебе питье, а ты возьмешь его, подплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли. Тогда твой хвост раздвоится и превратится в две очаровательные, как скажут люди, ножки, но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато каждый, кто тебя увидит, скажет, что такой прелестной девушки он в жизни не видывал! Ты сохранишь свою легкую, скользящую походку, – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но знай, что каждый твой шаг будет тебе причинять такую боль, как будто ты ступаешь по острым ножам, как будто кровь сочится из твоих ножек. Если ты согласна все это вытерпеть, я тебе помогу.

– Да! – ответила русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

– Знай также, – продолжала ведьма, – что, если ты примешь человеческий образ, тебе уже не быть русалкой никогда. Ты больше не сможешь спускаться к сестрам и во дворец отца. И если принц не полюбит тебя так, что ради тебя забудет отца и мать, если он не прилепится к тебе душой и телом и не попросит священника соединить ваши руки, чтобы вам стать мужем и женой, – ты не обретешь бессмертной души. Если же он возьмет в жены другую, то на первой же заре после их брака сердце твое разорвется на части и ты превратишься в морскую пену.

– Пусть! – проговорила русалочка и побледнела как смерть.

– Кроме того, ты должна заплатить мне за помощь! – сказала ведьма. – А я возьму недешево. Здесь, на дне морском, ни у кого нет голоса красивее твоего, и им ты надеешься обворожить принца, – но ты должна отдать свой голос мне. За свой драгоценный напиток я возьму самое лучшее, что у тебя есть: я ведь должна приправить этот напиток своей собственной кровью, для того чтобы он стал острый, как лезвие меча!

– Если ты возьмешь мой голос, что же у меня останется? – спросила русалочка.

– Твое прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза, – этого вполне достаточно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну полно, не бойся: ты высунешь язычок, а я его отрежу в уплату за волшебный напиток.

– Пусть будет так! – сказала русалочка.

И ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтерла котел связкой живых ужей, потом расцарапала себе грудь, и черная кровь закапала в котел, над которым вскоре заклубился пар, принимавший столь причудливые формы, что страшно было смотреть на него. Ведьма поминутно бросала в котел все новые и новые снадобья; и когда питье закипело, послышались звуки, похожие на плач крокодила. Наконец зелье сварилось; на вид оно казалось прозрачной водой.

– На, бери! – буркнула ведьма, отдавая его русалочке, которая не могла больше ни петь, ни говорить.

– Если полипы захотят тебя схватить, когда ты поплывешь назад моим лесом, – сказала ведьма, – брызни на них только одну каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусков.

Но русалочке это не понадобилось: полипы с ужасом отворачивались, едва завидев напиток, сверкавший в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она по лесу, миновала болотистую низину и бурлящие водовороты.

Но вот и отцовский дворец; огни в большом зале были потушены: вероятно, все уже спали. Русалочка не посмела войти во дворец – ведь она была немая и собиралась навеки покинуть отчий дом. Сердце ее было готово разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад и, сорвав по цветку с клумбы каждой своей сестры, послала родным тысячу воздушных поцелуев, потом стала подниматься наверх сквозь толщу темно-голубой воды.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на нижнюю ступеньку великолепной мраморной лестницы, озаренной волшебным голубым сиянием месяца. Русалочка выпила огненный, острый напиток, и ей

показалось, что ее нежное тело пронзил обоюдоострый меч; она потеряла сознание и упала замертво. Очнулась она, когда над морем уже сияло солнце, и сразу ощутила жгучую боль; зато перед ней стоял юный красавец принц и смотрел на нее своими черными, как уголь, глазами. Русалочка потупилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у нее теперь выросли две восхитительные белые ножки, маленькие, как у девочки. Но она была совсем нагая и поскорее закуталась в свои длинные густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только грустно и кротко смотрела на него своими темно-голубыми глазами – говорить она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочке чудилось, будто она наступает на иглы или острые ножи; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем, легкая, светлая, как мыльный пузырек; принц и все окружающие не могли надивиться на ее прелестную скользящую походку.

Русалочку нарядили в дорогие муслиновые и шелковые платья, и она стала первой красавицей при дворе, но по-прежнему оставалась немой – не могла ни петь, ни говорить. Однажды красивые рабыни, все в шелку и золоте, предстали перед принцем и его царственными родителями и запели песню. Одна рабыня пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Русалочке стало очень грустно, ведь когда-то и она могла петь, и пела гораздо лучше! «Ах, если бы он только знал, что я навсегда рассталась со своим голосом для того, чтобы вечно быть возле него, моего любимого!» – думала она.

Потом рабыни стали танцевать под звуки чарующей музыки. Тут и русалочка подняла свои хорошенькие белые ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком воздушном танце, – так не танцевал еще никто. Каждое движение подчеркивало ее красоту, а русалочьи глаза говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все пришли в восторг, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найденышем. Она все танцевала и танцевала, хотя всякий раз, когда ножки ее касались пола, ей было так больно, как будто она наступала на острый нож. Принц сказал, что она всегда будет жить у него, и позволил ей спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он приказал сшить ей мужское платье, чтобы она вместе с ним могла ездить верхом. Они проезжали по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви гладили маленькую всадницу по плечам; они взбирались на высокие горы, и, хотя из ее нежных ножек сочилась кровь и все это видели, она только смеялась и вслед за принцем поднималась на горные

вершины: там они любовались облаками, плывшими у их ног, словно стаи птиц, улетающих в дальние страны.

А дома, во дворце принца, ночью, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, выходила на берег моря и, погрузив пылавшие, как в огне, ноги в холодную морскую воду, думала о своих родных, оставшихся на дне морском.

Однажды ночью из воды выплыли рука об руку ее сестры и запели печальную песню. Она кивнула им, а они, узнав ее, рассказали, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а однажды она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много, много лет не выплывала на поверхность, и самого морского царя с короной на голове. Они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как ее сестры.

День ото дня принц все сильнее привязывался к русалочке, но любил ее только как любят милых, послушных детей, – сделать ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило. А ведь ей необходимо было стать его женою, иначе она не могла обрести бессмертную душу; и если бы он женился на другой, русалочка превратилась бы в морскую пену.

«Ты любишь меня больше всех на свете, правда?» – казалось, спрашивали глаза русалочки в то время, как принц обнимал ее и целовал в прекрасный лоб.

– Да, ты мне дороже всех! – говорил принц. – У тебя самое доброе сердце на свете, ты предана мне, как никто, и ты похожа на молодую девушку, которую я видел раз и, верно, больше не увижу. Однажды я плыл на корабле, а корабль разбился, и волны выбросили меня на берег вблизи дивного храма, в котором молодые девушки служат Богу. Младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь. Я видел ее всего два раза, но лишь ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Однако ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой.

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! – думала русалочка. – Я вынесла его из волн морских на берег и положила в лесу, близ храма, а сама скрылась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу девушку, которую он любит больше, чем меня! – И русалочка глубоко, глубоко вздыхала – плакать она не могла. – Но та девушка принадлежит храму, сказал он, она не вернется в мир, и они никогда не встретятся! А я все время рядом с ним, вижу его каждый день, могу за ним ухаживать, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц собирается жениться на красавице – дочери своего соседа, короля, и потому снаряжает в плавание свой великолепный корабль. Принц поедет к соседу как будто затем, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом деле, чтобы увидеть его дочь; с ним будет большая свита. Слушая эти речи, русалочка только покачивала головой и смеялась: кто-кто, а она лучше всех знает мысли принца!

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо познакомиться с прекрасной принцессой, этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда ее не полюблю! Она ведь не похожа на ту красавицу, которую мне так напоминаешь ты. Если же мне наконец придется избрать себе невесту, я скорее всего выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в алые губы, играл ее длинными волосами и прижимал голову к ее сердцу, которое так жаждало человеческого счастья и бессмертной души.

– Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? – говорил он, когда они уже прибыли на великолепный корабль, который должен был отвезти их в соседнее королевство.

И принц рассказывал ей о морских штормах и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубине моря, и чудесах, которые видят водолазы. Но русалочка только улыбалась, слушая его рассказы, – она-то лучше всех знала, какое оно, дно морское.

Однажды в ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны. И вот ей показалось, что она видит отцовский дворец и свою старую бабушку, которая стоит на вышке, в серебряной короне, и смотрит сквозь волнующуюся воду на киль корабля. Вскоре на поверхность моря всплыли сестры русалочки; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она, кивнув им головой, улыбнулась и хотела было рассказать о том, как ей здесь хорошо, но в это время к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это белая морская пена мелькнула в волнах.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего государства. И вот в городе зазвонили колокола, с высоких башен затрубили в трубы, а на площадях выстроились полки солдат с блестящими штыками и реющими знаменами. Начались празднества, бал следовал за балом, но принцессы в столице еще не было, – она воспитывалась где-то в далеком монастыре, куда ее отдали, чтобы она научилась всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и должна была сознаться,

что еще не видела более красивого и милого лица. Кожа у принцессы была нежная, прозрачная, а из-под длинных черных ресниц улыбались темно-синие добрые глаза.

– Это ты! – воскликнул принц. – Это ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зарумянившуюся невесту.

– Как я счастлив! – сказал он русалочке. – Сбылось то, о чем я и мечтать не смел! Ты порадуешься моему счастью, – ведь никто так не любит меня, как ты!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее уже разрывается, а свадьба принца должна была ее убить и превратить в морскую пену!

Церковные колокола звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. На всех алтарях в драгоценных серебряных лампадах горело ароматное масло. Священники кадили ладаном. Жених с невестой подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка стояла разодетая в шелк и золото, держа в руках шлейф невесты, но уши ее не слышали звуков праздничной музыки, глаза не видели, как совершается обряд венчания, – она думала о своем смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

Новобрачные должны были отплыть на родину принца в тот же вечер. Пушки палили, флаги развевались, на палубе корабля был раскинут роскошный шатер из золота и пурпура, весь устланный мягкими подушками. Тут, в шатре, должны были новобрачные провести эту прохладную тихую ночь. Но вот ветер надул паруса, корабль легко скользнул по волнам и помчался вперед по светлому морю.

Как только смерклось, на корабле зажглось множество разноцветных фонариков, а матросы пустились в пляс по палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела такое же великолепие и веселье. И вот она вспорхнула и понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая врагом. Все выражали ей свое восхищение: никогда еще не танцевала она так чудесно! Её нежные ножки резало, как ножами, но этой боли она не чувствовала, ведь сердцу её было ещё больнее: она знала, что в последний раз видит этого человека, ради которого оставила родных и отцовский дом, отдала свой прелестный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не подозревал. Последнюю ночь дышала она одним воздухом с ним, видела синее море и звёздное небо, зная, что скоро наступит для неё вечная ночь, без мыслей, без сновидений. У русалочки ведь не было души, и обрести её не удалось. Далеко за полночь шло на

корабле веселье и звучала музыка, а русалочка смеялась и плясала с мыслью о смерти в сердце. Принц в это время целовал красавицу жену, а она играла его чёрными кудрями. Рука об руку удалились они на покой в свой великолепный шатёр.

На корабле воцарилась тишина, один лишь рулевой бодрствовал у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был ее убить. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные прекрасные волосы не развевались больше по ветру – они были острижены.

– Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти. А она дала нам вот этот нож, – видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они срастутся в рыбий хвост, и ты опять станешь русалкой, погрузишься в родное море и превратишься в соленую морскую пену не раньше, чем проживешь свои триста лет. Но спеши! Или он, или ты – кто-нибудь из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что от горя потеряла все свои седые волосы, а наши волосы срезаны ножницами ведьмы. Убей принца и вернись к нам! Спеши! Видишь, на небе показалась алая полоса. Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

И они глубоко-глубоко вздохнули и погрузились в море.

Приподняв пурпуровую полу шатра, русалочка увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась, поцеловала его в прекрасный лоб и посмотрела на небо: там разгоралась утренняя заря. Потом она взглянула на острый нож и опять устремила взор на принца, а тот в это время произнес во сне имя своей молодой жены: значит, она одна была у него в мыслях! И нож дрогнул в руках русалочки. Но промелькнуло еще мгновение, и она бросила нож в волны, которые покраснели в том месте, где он упал. Еще раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала, что умирает. Она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, волшебные создания, во множестве реявшие над ней; сквозь них она видела белые паруса корабля и алые облака в небе. Голос призраков звучал как музыка, но музыка столь возвышенная, что люди не могли бы ее расслышать, как не могли бы увидеть и этих беспечных существ. У них не было крыльев, но они плавали в воздухе, невесомые и прозрачные. И вот русалочка почувствовала,

что и сама становится похожей на них и все больше и больше отделяется от морской пены.

– Куда я иду? – спросила она, поднимаясь в воздух; и голос ее прозвучал так дивно и одухотворенно, что земная музыка не смогла бы передать этих звуков.

– К дочерям воздуха! – ответили ей воздушные создания. – У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она может, только если ее полюбит человек. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут заслужить ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим людям отраду и исцеление. Триста лет мы посильно делаем добро, а потом получаем в награду бессмертную душу и вкушаем вечное блаженство, доступное человеку. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, ты любила и страдала, – поднимись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь заслужить бессмертную душу добрыми делами и обретешь ее через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу, и впервые на глазах ее показались слезы.

На корабле в это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как ищут ее новобрачные. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, словно зная, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка новобрачную в лоб, улыбнулась принцу и вместе с другими дочерьми воздуха поднялась к розовым облакам, плававшим в небе.

– Через триста лет мы вот так же поднимемся в божье царство!

– Может быть, и раньше! – прошептала одна из дочерей воздуха. – Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, которое радует своих родителей и достойно их любви, то улыбаемся, – и срок нашего испытания сокращается. Ребенок не видит нас, когда мы влетаем в комнату, и если мы радуемся на него и улыбаемся, – из нашего трехсотлетнего срока вычитается год. Если же мы встречаем злого, непослушного ребёнка, мы горько плачем, – и каждая слеза прибавляет лишний день к долгому сроку нашего испытания.

Снежная Королева
(Приключения в семи сказках)

Сказка первая,
в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнем! Вот дойдем до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь.

Жил-был тролль, злой-презлой – сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором все доброе и прекрасное почти исчезало, а все плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось еще отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нем, казались вареным шпинатом, а лучшие из людей – уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щеку. Тролля все это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля, – а у него была своя школа, – рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

– Только теперь, – говорили они, – можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искаженном виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и господом богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, – трудно было в руках его удерживать. Все выше и выше, все ближе к богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекосилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь ее дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства

целого зеркала. Другим людям осколки проникали прямо в сердце, – и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими «стеклами» не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала все еще летало по свету. Послушаем же про них.

Сказка вторая
Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удается отгородить себе хоть уголок для садика и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей – в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались. Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящику и разводили в них коренья для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящике рос небольшой розовый куст; и кусты эти чудесно разрастались. Однажды родители решили поставить оба ящика на дно желобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные грядки. Плети гороха свисали с ящиков зелеными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна, – казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимою это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к обмерзшим стеклам; лед быстро оттаивал, появлялось чудесное окошечко – такое круглое-круглое, – и в нем показывался веселый, ласковый глазок: это переглядывались мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком

могли попасть друг к другу, зимою же надо было сначала спуститься на много, много ступенек, затем подняться на столько же. А на дворе завывала метель.

– Это роятся белые пчелки! – говорила старая бабушка.

– А у них тоже есть королева? – спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчел они бывают.

– Есть, – отвечала бабушка. – Она там, где снежный рой всего гуще; только она больше других снежинок и никогда не остается внизу надолго – старается поскорее вернуться в черную тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь и заглядывает в окошки, – тогда они покрываются ледяными узорами, словно цветами.

– Видели, видели! – говорили дети и верили, что все это сущая правда.

– А Снежная королева не может ворваться сюда? – спросила раз девочка.

– Пусть только попробует! – сказал мальчик. – Я посажу ее на теплую печку, она и растает.

Бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

В тот вечер, когда Кай вернулся домой и уже почти совсем разделся перед сном, он вскарабкался на стул у окна и стал смотреть сквозь круглое «окошечко» в том месте, где лед на стекле оттаял. За окном порхали снежинки; одна из них, очень крупная, упала на край цветочного ящика и вдруг начала расти. Росла-росла, пока, наконец, не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, который, казалось, был соткан из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, необычайно прекрасная, была вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда! И, однако, живая! Глаза ее сияли, как звезды, но в них не было ни тепла, ни мира. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула, а мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но его сменила оттепель, а там пришла и весна. Солнце стало пригревать, показалась травка, ласточки принялись вить гнезда под крышей, распахнулись окна, и дети стали снова сидеть в своем крошечном садике высоко над землей.

В то лето розы цвели особенно пышно. Девочка выучила псалом, в котором упоминалось о розах, и, напевая его, она думала про свои розы. Девочка пела псалом мальчику, и он подпевал ей:

Розы цветут… Красота, красота!

Скоро увидим младенца Христа.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на солнечные блики и разговаривали с ними, – в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз, – казалось, они никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками – зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

– Ай! – вскрикнул вдруг мальчик. – Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонками его шею, но ничего не заметила в глазу, хотя мальчик мигал, стараясь освободиться от соринки.

– Должно быть, сама выскочила, – сказал он наконец.

Но в том-то и дело, что не выскочила. Это была не простая соринка, но крошечный осколок дьявольского зеркала, – а мы, конечно, помним, что, отражаясь в нем, все великое и доброе казалось ничтожным и скверным, все злое и худое выглядело еще злее и хуже и недостатки каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но осколок остался.

– Что ты хнычешь? – спросил он Герду. – У! Какая ты сейчас некрасивая! Мне ничуть не больно!.. Фу! – закричал он вдруг. – Эту розу точит червь. Какие гадкие розы! А у этой стебель совсем скривился. Торчат в безобразных ящиках, и сами безобразные!

Он толкнул ящик ногой, сорвал и бросил две розы.

– Кай, что ты делаешь? – вскрикнула девочка; а он, заметив ее испуг, сорвал еще одну и убежал от славной маленькой Герды в свое окно.

С того дня всякий раз, как девочка приносила ему книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; всякий раз, как бабушка что-нибудь рассказывала, он придирался к каждому слову; а потом… дошел и до того, что стал ее передразнивать: наденет очки и крадется за нею, подражая ее походке и голосу. Выходило очень похоже, и люди смеялись. Вскоре мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел высмеять все их странности и недостатки, а люди говорили:

– Что за голова у этого мальчугана!

А всему причиной был осколок зеркала, который попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И забавлялся Кай теперь по-другому – как-то рассудочно.

Однажды в зимний день, когда шел снег, он пришел к Герде с большим увеличительным стеклом; подставил под падающий снег полу своего синего пальто и сказал девочке:

– Погляди в стекло, Герда!

Под стеклом снежинки казались гораздо более крупными, чем были на самом деле, и походили на роскошные цветы или десятиконечные звезды. Они были очень красивы.

– Видишь, как хорошо сделано! – сказал Кай. – Снежинки гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни одной кривой линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришел в больших рукавицах, с салазками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

– Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! – и убежал.

На площади катались толпы детей. Те, что были посмелее, прицеплялись к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани. Тот, кто сидел в них, весь утонул в белой меховой шубе и белой меховой шапке. Сани дважды объехали площадь, а Кай живо прицепил к ним свои салазки и покатил. Большие сани быстрее понеслись по площади и вскоре свернули в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отцепить свои салазки, но седок в белой шубе кивал ему, и Кай мчался дальше. Вот они выехали за городскую заставу. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, так что ни зги не было видно. Мальчик попытался скинуть веревку, которую зацепил за большие сани, но салазки его точно приросли к ним и так же неслись вихрем. Кай закричал во весь голос, но никто его не услышал. Снег валил, сани мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Весь дрожа, Кай старался прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась только таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в огромных белых кур. Но вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и из них вышла высокая, стройная, ослепительно-белая женщина в шубе и шапке, запорошенных снегом. Это была сама Снежная королева.

– Славно проехались! – сказала она. – Но ты совсем замерз! Полезай ко мне под медвежью шубу.

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно провалился в снежный сугроб.

– Все еще мерзнешь? – спросила она и поцеловала его в лоб.

Ух! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал мальчика насквозь, дошел до самого сердца, а оно и без того уже было

наполовину ледяным… На мгновение Каю показалось, будто он сейчас умрет, но вдруг ему стало хорошо; он даже совсем перестал зябнуть.

– А салазки! Не забудь мои салазки! – спохватился мальчик.

Салазки погрузили на белую курицу, крепко привязали, и она полетела с ними за большими санями. Снежная королева еще раз поцеловала Кая, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

– Больше не буду тебя целовать, – сказала Снежная королева. – А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на нее. Она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более пленительного лица. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда появилась за окном и кивнула ему головой, – теперь она представлялась ему совершенством. Он перестал ее бояться и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики и даже дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей… Но Снежная королева только молча улыбалась. И вот Каю показалось, что он и правда знает слишком мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились и сели на черную тучу. Буря плакала и стонала, – казалось, она поет старинные песни. Кай и Снежная королева летели над лесами и озерами, над морями и сушей. Под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, пролетали с криком черные вороны; а над ними сиял большой, ясный месяц. Кай смотрел на него всю долгую-долгую зимнюю ночь, а днем он спал в ногах у Снежной королевы.

Сказка третья
Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с маленькой Гердой, после того как исчез Кай? Куда он пропал? Никто этого не знал, никто не мог ничего сообщить о нем. Мальчики рассказали только, что видели, как он прицепил свои салазки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец решили, что Кай умер: может быть, утонул в реке, которая протекала у самого города. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

– Кай умер и больше не вернется! – сказала Герда.

– Не верю! – возразил солнечный свет.

– Он умер и больше не вернется! – повторила она ласточкам.

– Не верим! – отозвались они.

Под конец и сама Герда перестала в это верить.

– Надену-ка я свои новые красные башмачки. Кай их еще ни разу не видел, – сказала она однажды утром, – да пойду спрошу реку про него.

Было еще очень рано. Герда поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинешенька за город, прямо к реке:

– Правда, что ты взяла моего названого братца? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты вернешь его мне.

И девочке почудилось, будто волны, набегая, кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки – самое драгоценное, что у нее было, – и бросила их в реку. Но они упали у самого берега, и волны сейчас же вынесли их на сушу, – река, должно быть, не захотела взять у девочки ее сокровище, так как не могла вернуть ей Кая. А девочка подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, которая покачивалась в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмаки в воду. Но лодка не была привязана и стала медленно отплывать от берега. Герда решила поскорее выпрыгнуть на сушу; но, пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже далеко отошла от берега и быстро понеслась по течению.

Герда очень испугалась, принялась громко плакать, но никто, кроме воробьев, не слышал ее; а воробьи не могли перенести ее на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая ее утешить:

– Мы тут! Мы тут!

Лодку уносило все дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках, – красные башмачки ее плыли за лодкой, но не могли ее догнать, лодка двигалась быстрее.

Берега реки были очень красивы; повсюду здесь росли чудесные цветы, прекрасные вековые деревья, на склонах паслись овцы и коровы; но людей нигде не было видно.

«Может быть, река несет меня к Каю?» – подумала Герда и повеселела, потом встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелеными берегами. Наконец она подплыла к большому вишневому саду, в котором приютился крытый соломой домик с необыкновенными красными и синими стеклами в окошках, у дверей его стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо.

Герда подумала, что они живые, и окликнула их; но они, конечно, ничего не ответили. Лодка подплыла к ним еще ближе, подошла чуть не к самому берегу, – и девочка закричала еще

громче. На крик из домика вышла, опираясь на клюку, дряхлая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

– Ах ты, бедная крошка! – сказала старушка. – Как это ты попала на такую большую, быструю реку? Как забралась так далеко?

Тут старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, притянула ее к берегу и высадила Герду.

Девочка была рада-радешенька, что наконец-то вернулась на сушу, хоть и побаивалась незнакомой старухи.

– Ну, пойдем. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, – сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всем, что с ней приключилось, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Но вот девочка кончила и спросила старушку, не видела ли она Кая. Та ответила, что он еще не проходил тут, но, должно быть, пройдет, так что Герде пока не о чем горевать, – пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду. Они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от полу и все застеклены разноцветными – красными, голубыми и желтыми – стеклышками; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка со спелыми вишнями, и Герда могла лакомиться ими сколько душе угодно; и пока она ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком. А волосы у Герды вились, и кудри золотым сиянием окружали ее милое, приветливое личико, кругленькое и румяное, словно роза.

– Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! – сказала старушка. – Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживем!

И она продолжала расчесывать девочке волосы, и чем дольше расчесывала, тем быстрее забывала Герда своего названого братца Кая, – ведь эта старушка умела колдовать. Она была не злая колдунья и колдовала только изредка, для своего удовольствия; а теперь колдовала потому, что ей захотелось во что бы то ни стало оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те, как стояли в цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в черную землю – и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, увидев ее розы, вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от нее.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Как там было красиво, как хорошо пахло! Тут цвели все цветы, какие только растут на земле, – и весенние, и летние, и осенние! Во

всем свете не нашлось бы книжки с картинками пестрей и красивей этого цветника. Герда прыгала от радости, играя среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишнями. Тогда ее уложили в хорошенькую кроватку с красными шелковыми перинками, набитыми синими фиалками; а когда девочка заснула, ей снились такие сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке в чудесном цветнике. Так прошло много дней. Теперь Герда знала здесь каждый цветочек, но, как ни много их было, ей все-таки казалось, что какого-то недостает; только вот какого? Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и среди них краше всех была роза, – старушка забыла ее стереть, когда загнала настоящие, живые цветы в землю. Вот что значит рассеянность!

– Как! В этом цветнике нет роз? – воскликнула Герда и сейчас же побежала искать их на грядках. Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Теплые слезы ее упали как раз на то место, где еще недавно стоял розовый куст, и, как только они смочили землю, мгновенно появился куст, усыпанный цветами, как и прежде. Герда обвила его ручонками, стала целовать цветы и вспомнила о тех великолепных розах, что цвели у нее дома, а потом и о Кае.

– Как же я замешкалась! – сказала девочка. – Мне ведь надо искать Кая!.. Вы не знаете, где он? – спросила она у роз. – Вы верите, что он умер?

– Он не умер! – ответили розы. – Мы ведь побывали под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними нет.

– Спасибо вам! – проговорила Герда и пошла к другим цветам; она заглядывала в их чашечки и спрашивала: – Вы не знаете, где Кай?

Но цветы, греясь на солнышке, думали только о собственных сказках – каждый о своей; много их выслушала Герда, но ни один цветок не сказал ей ни слова о Кае.

Что же рассказала Герде огненная лилия?

– Слышишь, как бьет барабан? «Бум! Бум!» Потом опять то же самое: «Бум! Бум!» Слушай заунывное пение женщин. Слушай крики жрецов… В длинном красном одеянии стоит на костре вдова индийца. Пламя вот-вот охватит ее и тело ее умершего мужа, но она думает о живом человеке, что стоит тут же, – о том, чьи глаза горят жарче пламени, чьи взоры жгут ее сердце сильнее огня, который сейчас испепелит ее тело. Разве пламя сердца

может погаснуть в пламени костра!

– Ничего не понимаю! – сказала Герда.

– Это моя сказка! – объяснила огненная лилия.

Что рассказал вьюнок?

– Над скалой навис старинный рыцарский замок. К нему ведет узкая горная тропинка. Древние кирпичные стены густо увиты плющом, листья его цепляются за балкон. А на балконе стоит прелестная девушка; она перегнулась через перила и смотрит вниз, на дорогу. Девушка свежее розы на стебле, воздушнее колеблемого ветром цветка яблони. Как шуршит ее шелковое платье! «Неужели же он не придет?»

– Ты говоришь про Кая? – спросила Герда.

– Я рассказываю сказку, свои грезы! – ответил вьюнок.

Что рассказал крошка-подснежник?

– Между деревьями качается длинная доска, – это качели. На доске сидят две маленькие девочки в белоснежных платьицах и шляпках, украшенных длинными зелеными шелковыми лентами, которые развеваются на ветру. Братишка, постарше их, стоит позади сестер, обняв веревки; в одной руке у него чашечка с мыльной водой, в другой – глиняная трубочка: он пускает пузыри. Доска качается, пузыри разлетаются по воздуху, переливаясь на солнце всеми цветами радуги; вот один повис на конце трубочки и колышется от дуновения ветра. Качели качаются; черная собачонка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапки, а передние кладет на доску, – но доска взлетает вверх, а собачонка падает, тявкает и сердится. Дети поддразнивают ее, пузыри лопаются… Дощечка качается, пена разлетается – вот моя песенка!

– Может, она и хороша, да уж очень жалобно ты ее напеваешь!.. И опять ни слова о Кае!

Что рассказали гиацинты?

– Жили-были три стройные нежные красавицы сестрицы. Одна ходила в красном платье, другая в голубом, третья в белом. Рука об руку танцевали они при ясном лунном свете у тихого озера. То были не эльфы, но самые настоящие живые девушки. В воздухе разлился сладкий запах, и девушки скрылись в лесу. Но вот запахло еще сильней, еще сладостней, и вдруг из лесной чащи выплыли три гроба. В них лежали красавицы сестрицы, а вокруг них, как живые огоньки, порхали светлячки. Спят эти девушки или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим.

– От вашей сказки мне грустно стало! – сказала Герда. – Да и колокольчики ваши пахнут слишком сильно… Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Ах, неужели и Кай умер? Но розы побывали под землей и говорят, что его там нет.

– Динь-дон! – зазвенели колокольчики гиацинтов. – Мы звоним не над Каем. Мы и не знаем его. Мы вызваниваем свою собственную песенку, другой мы не знаем!

Тогда Герда пошла к лютику, сиявшему в блестящей зеленой траве.

– Ты, маленькое ясное солнышко! – сказала ему Герда. – Скажи, ты не знаешь, где мне искать моего названого братца?

Лютик засиял еще ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? И в этой песенке ни слова не было о Кае!

– Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо освещало маленький дворик! Лучи его скользили по белой стене соседнего дома, а под самой стеной из зеленой травки выглядывали первые желтенькие цветочки, которые сверкали на солнце, как золотые. На двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла к ней в гости ее внучка-служанка, бедная красивая девушка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй этот был дороже золота, – он шел прямо от сердца. Золото на устах, золото в сердце, золото на небе в утренний час!.. Вот и все! – закончил лютик.

– Бедная моя бабушка! – вздохнула Герда. – Верно, она скучает обо мне, верно, горюет, как горевала о Кае! Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы: от них ничего не добьешься; они знают только свои песенки!

И она подвязала юбочку повыше, чтобы удобнее было бежать, но, когда перепрыгивала через нарцисс, тот хлестнул ее по ногам. Герда остановилась, посмотрела на этот высокий цветок и спросила:

– Ты, может быть, знаешь что-нибудь?

И наклонилась, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

– Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю!.. Высоко, высоко в каморке, под самой крышей, стоит полуодетая танцовщица. Она стоит то на одной ножке, то на обеих и попирает ими весь свет, – она лишь оптический обман. Вот она льет из чайника воду на какой-то предмет, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота – лучшая красота! Белое платье висит на гвозде, вбитом в стену; платье тоже выстирано водою из чайника и высушено на крыше. Вот девушка одевается и

повязывает шею ярко-желтым платочком, который еще резче подчеркивает белизну платьица. Опять одна ножка в воздухе! Гляди, как прямо стоит девушка на другой, – точно цветок на своем стебельке! Я вижу в ней себя, я вижу в ней себя!

– Да мне-то какое дело до нее? – сказала Герда. – Нечего мне о ней рассказывать!

И она побежала в конец сада. На калитке был заржавевший засов, но Герда так долго теребила его, что он подался, калитка распахнулась, и девочка так, босиком, и пустилась бежать по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто за ней не гнался. Наконец она устала, присела на большой камень и огляделась. Лето уже прошло, настала поздняя осень, а в волшебном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времен года, этого не было заметно.

– Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! – сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли ее бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю. Листья падали один за другим. Только терновник стоял весь усыпанный ягодами; но ягоды у него были терпкие, вяжущие. Каким серым, унылым казался весь мир!

Сказка четвертая
Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть, чтобы передохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; он долго смотрел на девочку, кивая ей головой, и, наконец, заговорил:

– Карр-карр! Здравствуй!

Он не мог хорошо говорить на языке людей, но, видимо, желал девочке добра и спросил ее, куда она бредет по белу свету, такая одинокая. Слово «одинокая» Герда поняла отлично и сразу почувствовала все его значение. Она рассказала ворону всю свою жизнь и спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и ответил:

– Очень верррроятно, очень верррроятно!

– Как? Правда? – воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

– Не так грррромко, не так грррромко! – проговорил ворон. – Я, кажется, видел твоего Кая. Но теперь он, верно, забыл про тебя в обществе своей принцессы!

– Разве он живет у принцессы? – спросила Герда.

– А вот послушай, – сказал ворон вместо ответа. – Только мне

ужасно трудно говорить по-вашему. Эх, если бы ты понимала речь воронов, я рассказал бы тебе обо всем куда лучше.

– Нет, этому меня не учили, – молвила Герда. – Бабушка – та понимала. Хорошо бы и мне!

– Ну, ничего, – проговорил ворон. – Расскажу, как сумею, пусть плохо.

И он рассказал обо всем, что знал сам.

– В королевстве, где мы с тобой находимся, живет принцесса – такая умница, каких свет не видывал! Она прочитала все газеты на свете и позабыла все, что в них было написано, – вот какая умница! Как-то раз сидела она на троне, – а радости в этом мало, как говорят люди, – и напевала песенку: «Что бы мне бы выйти замуж. Что бы мне бы выйти замуж». «А ведь и в самом деле, – подумала она вдруг, – надо бы выйти!» – и ей захотелось замуж. Но в мужья себе она желала выбрать такого человека, который может вести беседу, а не такого, который только и знает, что важничать, – это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они очень обрадовались и сказали: «Вот и хорошо! Мы и сами недавно об этом думали!» Все это истинная правда! – добавил ворон. – У меня при дворе есть невеста, она ручная, – от нее-то я и узнаю обо всем.

Невестой его была ворона: ведь каждый ищет себе жену под стать, вот и ворон выбрал ворону.

– На другой день все газеты вышли с рамкой из сердец и с вензелями принцессы. В газетах было объявлено, что любой молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; а того, кто будет держать себя непринужденно, как дома, и окажется всех красноречивей, принцесса изберет себе в мужья! Да, да! – повторил ворон. – Все это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобой! Народ валом повалил во дворец – давка, толкотня. Но толку не вышло никакого ни в первый день, ни во второй. На улице все женихи говорили прекрасно, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре да лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подойдут к трону, на котором сидит принцесса, и не знают, что сказать, – только повторяют ее же последние слова. А ей вовсе не этого хотелось! Можно было подумать, что всех их дурманом опоили! А как выйдут за ворота, опять обретают дар слова. От самых ворот до дверей дворца тянулся длинный-предлинный хвост женихов. Я сам там был и все видел! Женихам хотелось есть и пить, но из дворца им и стакана воды не вынесли. Правда, кто был поумнее – запасся бутербродами, но с соседями не делился, думал: «Пусть

себе выглядят голодными; такие принцессе не понравятся!»

– Ну, а Кай-то, Кай? – спросила Герда. – Он тоже приходил свататься?

– Постой! Постой! Теперь мы как раз дошли до него! На третий день явился небольшой человечек – ни в карете, ни верхом, а просто пешком – и прямо вошел во дворец. Глаза его блестели, как твои, волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

– Это Кай! – обрадовалась Герда. – Я нашла его! – И она захлопала в ладоши.

– За спиной у него была котомка, – продолжал ворон.

– Нет, это, верно, были его салазки, – сказала Герда. – Он ушел из дома с салазками.

– Очень возможно, – согласился ворон. – Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, когда он вошел во дворцовые ворота и увидел гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал им: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, лучше мне пройти в комнаты!» Залы были залиты светом; тайные советники и генералы расхаживали босиком, разнося золотые блюда, – чего уж торжественней! А у пришельца сапоги громко скрипели, но его это не смущало.

– Это, наверное, был Кай! – воскликнула Герда. – Я помню, он носил новые сапоги; сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке!

– Да, они таки скрипели порядком, – продолжал ворон. – Но он смело подошел к принцессе. Она сидела на жемчужине величиной с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. И чем ближе к дверям стоял человек, тем важнее и надменнее он держался. На прислужника камердинерских слуг, который всегда носит туфли и теперь стоял у порога, нельзя было и взглянуть без трепета, такой он был важный!

– Вот страх-то! – воскликнула Герда. – А Кай все-таки женился на принцессе?

– Не будь я вороном, я бы сам на ней женился, хоть я и помолвлен. Он стал беседовать с принцессой и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, – так по крайней мере сказала мне моя невеста. Держался он вообще непринужденно и мило и заявил, что пришел не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну так вот: ее речи ему понравились, а он понравился ей.

– Да, да, это Кай! – сказала Герда. – Он ведь такой умный. Он знал все четыре действия арифметики да еще дроби! Ах, проводи же меня во дворец!

– Легко сказать, – отозвался ворон, – да как это сделать? Постой, я поговорю с моей невестой; она что-нибудь придумает и посоветует нам. А ты полагаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

– Меня впустят! – молвила Герда. – Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

– Подожди меня здесь, у решетки, – сказал ворон, потом повертел головой и улетел.

Вернулся он уже поздно вечером и закаркал:

– Карр, карр! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот хлебец, она стащила его в кухне, – там хлеба много, а ты, наверное, голодна… Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая – гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что тебя не пропустят. Но не плачь, ты все-таки туда попадешь. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с черного хода, и сумеет раздобыть ключ.

И вот они вошли в сад и зашагали по длинной аллее, где один за другим падали осенние листья; и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли тоже один за другим, ворон подвел девочку к маленькой незаметной дверце.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Словно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь ей только хотелось узнать, не здесь ли ее Кай! Да, да, он, конечно, здесь! Она так живо представила себе его умные глаза и длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит ее, когда услышит, в какой длинный путь отправилась она ради него, когда узнает, как горевали о нем все в доме, когда он пропал! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела маленькая лампа, а на полу сидела ручная ворона и озиралась, вертя головой. Герда присела и поклонилась, как учила ее бабушка.

– Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, фрекен! – сказала ручная ворона. – И ваша vita[Жизнь (*лат.*).], как это принято называть, также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперед. Мы пойдем прямо, тут мы никого не встретим.

– А мне кажется, за нами кто-то идет, – проговорила Герда; и в ту же минуту мимо нее с легким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и стройными ногами,

охотники, дамы и кавалеры верхами.

– Это сны! – сказала ручная ворона. – Они являются сюда, чтобы перенести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас – удобнее будет рассмотреть спящих. Надеюсь, однако, что, когда вы будете в чести, вы докажете, что сердце у вас благородное!

– Есть о чем говорить! Это само собой разумеется! – сказал лесной ворон.

Тут они вошли в первый зал, стены которого были обиты розовым атласом, затканным цветами. Мимо опять пронеслись сны, но так быстро, что Герда не успела рассмотреть всадников. Один зал был великолепнее другого. Герду эта роскошь совсем ослепила. Наконец дошли до спальни. Здесь потолок напоминал крону огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями, на ее толстом золотом стволе висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, и в ней спала принцесса; другая – красная, и в ней Герда надеялась увидеть Кая. Девочка слегка отогнула красный лепесток и увидела темно-русый затылок. Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову… Ах, это был не Кай!

Принц был молод и красив, но только затылком напоминал Кая. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что тут происходит. Герда заплакала и рассказала обо всем, что с ней приключилось, упомянула и о том, что сделали для нее ворон и его невеста.

– Ах ты, бедняжка! – воскликнули принц и принцесса; потом похвалили ворона и его невесту, сказали, что ничуть не гневаются на них, – только пусть больше так не поступают; даже захотели их наградить.

– Хотите быть вольными птицами, – спросила принцесса, – или желаете занять должность придворных воронов, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон и его невеста поклонились и попросили оставить их при дворе, – они подумали о грядущей старости и сказали:

– Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на склоне дней!

Принц встал и уступил свою кровать Герде, – пока что он больше ничего не мог для нее сделать. А она сложила ручонки и подумала: «Как добры все люди и животные!», потом закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на божьих ангелов и везли на салазках Кая, который кивал Герде. Увы, это было лишь во сне, и, как только девочка проснулась, все исчезло.

На другой день ее одели с ног до головы в шелк и бархат и

позволили ей гостить во дворце сколько душе угодно. Девочка могла бы жить тут припеваючи, но она стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадью и башмачки: она решила снова уйти и бродить по белу свету, чтобы разыскать своего названого братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и красивое платье; а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала новенькая карета из чистого золота, с сияющими, как звезды, гербами принца и принцессы; кучера, лакеи и форейторы, – ей дали и форейторов, – все были в маленьких золотых коронах. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею, – он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Его жена сидела на воротах и хлопала крыльями; она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и стала объедаться. Карета была битком набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем – фруктами и пряниками.

– Прощай! Прощай! – закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, жена ворона тоже. Когда карета проехала три мили, ворон простился с девочкой. Тяжело было расставаться! Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

Сказка пятая
Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в темный лес, но карета ее сверкала так ярко, что слепила глаза встречным разбойникам, а они этого не пожелали терпеть.

– Золото! Золото! – закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких форейторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

– Ишь какая славненькая, толстенькая! Орешками откормлена! – сказала старуха разбойница с длинной жесткой бородой и косматыми бровями. – Жирненькая, что твой барашек! Должно быть, вкусная-превкусная!

И она вытащила сверкающий нож. Вот ужас!

Но вдруг вскрикнула: «Ай!» Это ее укусила за ухо ее родная дочка, которая сидела у нее за спиной и была такая необузданная и своенравная, какой во всем свете не сыщешь.

– Ах ты, дрянная девчонка! – закричала на нее мать, позабыв про Герду.

– Она будет играть со мной, – сказала маленькая разбойница. – Она отдаст мне свою муфту и хорошенькое

платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И дочка снова укусила мать, да так, что та подпрыгнула и завертелась. Разбойники захохотали.

– Ишь как пляшет со своей девчонкой! – говорили они.

– Я хочу сесть в карету! – закричала маленькая разбойница и настояла на своем, – она была на редкость избалованная и упрямая.

Они уселись с Гердой в карету и понеслись в чащу леса по пням и кочкам. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у нее были совсем черные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

– Они тебя не убьют, пока я на тебя не рассержусь. Ты, верно, принцесса?

– Нет, – ответила девочка и рассказала, как много ей пришлось испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница бросила на нее серьезный взгляд, слегка кивнула головой и сказала:

– Они тебя не убьют, даже если я на тебя рассержусь, – скорей уж я сама тебя убью!

И она отерла слезы Герде, а потом засунула обе руки в ее хорошенькую муфточку, такую мягкую и теплую.

Вот карета въехала во двор разбойничьего замка и остановилась. Замок был весь в огромных трещинах, из которых вылетали во́роны и ворóны. Откуда-то выскочили бульдоги, такие громадные, что любой из них мог легко проглотить человека; однако они только делали огромные прыжки, но даже не лаяли, – это было им запрещено.

Посреди просторного зала, облупленного и закопченного, на каменном полу пылал огонь; дым, ища выхода, поднимался к потолку; над огнем в огромном котле кипел суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

– Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моих зверюшек, – сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, покрытая коврами. Повыше, на жердочках, сидело около сотни голубей; все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, стали шевелиться.

– Все мои! – сказала маленькая разбойница и, схватив одного голубя за ноги, так тряхнула его, что тот забил крыльями. – На, поцелуй его! – крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. – А вот тут сидят лесные плутишки, – продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшой стенной нише, за деревянной решеткой. – Это дикие лесные плутишки, их надо

держать под замком, не то живо улетят! А вот и мой милый старичок олешка! – И девочка потянула за рога привязанного к кольцу в стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. – Его тоже нужно держать на привязи, а не то удерет! Каждый вечер я щекочу ему шею своим острым ножом, – он этого до смерти боится.

И маленькая разбойница вытащила из трещины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедный олень стал брыкаться, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

– Неужели ты спишь с ножом? – спросила ее Герда, боязливо покосившись на острый нож.

– Всегда! – отвечала маленькая разбойница. – Как знать, что может случиться? Но расскажи мне еще раз о Кае и о том, как ты странствовала по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби ворковали за решеткой, другие голуби уже заснули; маленькая разбойница обвила одной рукой шею Герды, – в другой у нее был нож, – и захрапела, а Герда не могла сомкнуть глаз, все думала: убьют ее или оставят в живых? Разбойники сидели вокруг огня, пели песни и пили, а старуха разбойница кувыркалась. Страшно было бедной девочке смотреть на все это.

Вдруг лесные голуби проворковали:

– Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его салазки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, еще лежали в гнезде; она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

– Что вы говорите! – воскликнула Герда. – А вы не знаете, куда полетела Снежная королева?

– Наверное, в Лапландию, ведь там вечный снег и лед. Спроси вон у этого оленя, что стоит на привязи.

– Да, там вечный снег и лед – чудо как хорошо! – сказал северный олень. – Как привольно там бегать по бескрайним сверкающим снежным равнинам! Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные ее чертоги дальше, близ Северного полюса, на острове Шпицберген.

– О Кай, милый мой Кай! – вздохнула Герда.

– Лежи-ка смирно, – сказала маленькая разбойница. – А не то распорю тебе живот ножом!

Утром Герда передала ей слова лесных голубей, а маленькая разбойница серьезно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

– Ну ладно!.. А ты знаешь, где Лапландия? – спросила она затем у северного оленя.

– Кому и знать, как не мне! – ответил олень, и глаза его

заблестели. – Там я родился и вырос, там скакал по снежным равнинам.

– Так слушай, – сказала Герде маленькая разбойница. – Видишь, все наши ушли, дома только мать; немного погодя она хлебнет из большой бутылки и заснет, – тогда я для тебя кое-что сделаю.

Тут девочка вскочила с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и проговорила:

– Здравствуй, мой маленький козлик!

А мать надавала ей щелчков по носу, так что нос у девочки покраснел и посинел, – но все это любя.

После того как старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

– Долго еще я могла бы над тобой потешаться! Очень уж ты смешной, когда тебя щекочут острым ножом. Ну да ладно! Я тебя отвяжу и выпущу на волю, можешь убираться в свою Лапландию. Но за это ты отнесешь вот эту девочку во дворец Снежной королевы, – там ее названый брат. Ты, конечно, слышал, про что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

– Так и быть, – сказала она, – возьми назад свои меховые сапожки, а не то ноги замерзнут! А муфту я оставлю себе, очень уж она хороша. Но я не хочу, чтобы ты озябла: вот рукавицы моей матери – видишь, какие большие, тебе до самых локтей дойдут. Надевай их! Ну вот, теперь руки у тебя как у моей безобразной мамаши.

Герда плакала от радости.

– Терпеть не могу, когда хнычут! – сказала маленькая разбойница. – Ты теперь радоваться должна. Вот тебе еще два каравая и окорок, чтобы голодать не пришлось.

Караваи и окорок навьючили на оленя. Потом маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала острым ножом веревку, которою был привязан олень, и сказала ему:

– Ну, живо! Да смотри береги девчонку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился бежать во всю прыть по пням и кочкам, по лесу, по болотам, по лугам. Выли волки, каркали вороны. «Уф! Уф!» – послышалось вдруг с

неба, и оно словно чихнуло огнем.

– Вот мое родное северное сияние! – сказал олень. – Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Прошло много времени; караваи съели, ветчину тоже. Наконец путники очутились в Лапландии.

Сказка шестая
Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки – крыша ее свисала до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось вползать в нее на четвереньках. Дома была только старуха лапландка, жарившая рыбу при свете коптилки, в которой горела ворвань. Северный олень рассказал старухе всю историю Герды, но сначала свою собственную, так как она казалась ему гораздо важнее. Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

– Ах вы бедняги! – сказала старуха. – Долгонько еще вам быть в пути! Придется пробежать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финмарка, – там Снежная королева живет на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Погодите, я напишу два слова на вяленой треске – бумаги у меня нет, – а вы снесете треску финке, что живет в тех местах, и она лучше моего сумеет вас научить, что делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, старуха написала несколько слов на вяленой треске, велела Герде хорошенько беречь ее, потом привязала девочку к спине оленя, и тот помчался снова. «Уф! Уф!» – снова зачихало небо и стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. При его свете олень с Гердой добежал до Финмарка и постучался в дымовую трубу финки, – в ее доме и дверей-то не было.

Ну и жарко там было! Сама финка, низенькая грязная женщина, ходила полуголая. Она живо расстегнула платье Герды, сняла с нее рукавицы и сапоги, – а не то девочке было бы слишком жарко, – положила оленю на голову кусок льда, затем принялась читать письмо на вяленой треске. Она три раза прочла его от слова до слова, пока не выучила на память, потом сунула треску в котел с супом: рыба еще годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, потом историю Герды. А финка помалкивала, только щурила свои умные глазки.

– Ты такая мудрая женщина, – сказал олень. – Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все четыре ветра: когда шкипер

развяжет один узел – подует попутный ветер, развяжет другой – погода разыграется, развяжет третий и четвертый – подымется такая буря, что деревья валиться станут. Свари, пожалуйста, девочке питье, которое даст ей силу дюжины богатырей! Тогда она одолеет Снежную королеву.

– Силу дюжины богатырей! – воскликнула финка. – Да, все это ей пригодится!

Тут она взяла с полки и развернула большой кожаный свиток, он был покрыт какими-то странными письменами; финка принялась разбирать их, и разбирала так усердно, что пот градом катился с ее лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя лед ему на голове, шепнула:

– Кай в самом деле у Снежной королевы, но он всем доволен и думает, что лучше ему нигде быть не может. А всему причиной осколки зеркала, что сидят у него в глазу и в сердце. Их надо вынуть, а не то он никогда не станет прежним и вечно будет под властью Снежной королевы.

– А нет ли у тебя средства сделать Герду всесильной?

– Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Неужто ты сам не видишь, как велика ее сила? Подумай, ведь ей служат и люди и животные! Она босиком обошла полсвета! Но мы не должны говорить ей о той силе, что скрыта в ее сердце. А сила ее в том, что она невинный милый ребенок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и вынуть из глаза и сердца Кая осколки, то мы и подавно не сможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, оставь ее у большого куста, что стоит в сугробе, усыпанный красными ягодами, и не мешкая возвращайся сюда.

Тут финка посадила Герду на спину оленя, и он бросился бежать со всех ног.

– А теплые сапоги! А рукавицы! – крикнула Герда; она про них вспомнила, когда ее стал пробирать мороз.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами; тут он спустил девочку на снег, поцеловал ее в губы, и вдруг из глаз его покатились крупные блестящие слезы. Затем он стрелой помчался назад.

Бедная девочка осталась одна, на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц. Она побежала вперед что было мочи. Навстречу ей мчался целый полк снежных хлопьев, но они падали не с неба, – небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, – нет, они неслись по земле прямо на Герду и казались

тем крупнее, чем ближе подлетали. Герда вспомнила большие красивые снежинки под увеличительным стеклом, но эти хлопья были гораздо больше и страшнее; а кроме того, вид у них был самый диковинный и двигались они сами, как живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Некоторые хлопья напоминали больших безобразных ежей, другие походили на клубок змей, вытянувших головы, третьи на толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, и все были живые.

Герда принялась читать «Отче наш». Было так холодно, что ее дыхание мгновенно превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался; но вот в нем стали возникать маленькие светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали и превращались в больших ангелов, увенчанных шлемами, вооруженных копьями и щитами. Их становилось все больше и больше, и, когда Герда дочитала молитву, ее окружал уже целый легион ангелов. Ангелы пронзали снежные страшилища копьями, и хлопья рассыпались на тысячи снежинок. Теперь Герда могла смело идти вперед; ангелы погладили девочке руки и ноги, и ей стало теплее. Наконец она добралась до чертогов Снежной королевы.

Но сначала послушаем, что в это время делал Кай. Он и не думал о Герде; он и не подозревал, что она близко – стоит за стеной замка.

Сказка седьмая
Что было в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов были наметены снежными метелями, окна и двери пробиты свирепыми ветрами. Громадные залы, возведенные прихотью вьюг, сотнями тянулись непрерывной грядой, освещенные северным сиянием; и самый большой простирался на много-много миль. Как холодно, как пусто было в белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье сюда и не заглядывало! Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури – танцами, в которых белые медведи могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракой, и беленькие кумушки-лисички не сходились на беседу за чашкой кофе, – нет, никогда, никогда этого не случалось! Холодно было здесь, пусто, мертво и величественно! Северное сияние вспыхивало и мерцало так ритмично, что можно было точно рассчитать, в какую минуту свет разгорится всего ярче и в какую почти угаснет. Посреди самого

большого снежного зала, бесконечного и пустого, сверкало замерзшее озеро. Лед на нем треснул, и трещины разделили его на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то чудом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда была дома; она называла его зеркалом разума – самым совершенным зеркалом в мире.

Кай совсем посинел, даже чуть не почернел от холода, но не замечал этого, – поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к стуже, да и самое сердце его превратилось в кусок льда. Мальчик возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады, – он хотел что-то сложить из них. Есть такая игра, которая называется «китайской головоломкой»; она состоит в том, что из деревянных дощечек складываются разные фигуры. Кай тоже складывал всякие затейливые фигуры, но из льдин. Это называлось «ледяной головоломкой». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их – занятием первостепенной важности. Так ему казалось потому, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Из льдин Кай складывал слова, но никак не мог сложить слово «вечность», чего ему особенно хотелось. Снежная королева сказала ему: «Только сложи это слово – и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь свет и новые коньки». Но слово не давалось Каю, он никак не мог его сложить.

– Теперь я полечу в теплые края, – сказала Снежная королева, – загляну в черные котлы. – Котлами она называла кратеры огнедышащих гор, Везувия и Этны. – Я их немножко побелю. Когда снег осыпает лимоны и виноград, это для них полезно.

И она улетела, а Кай остался один в необозримом, пустынном зале; он смотрел на льдины и все думал, думал до того, что голова у него заболела. Он сидел на одном месте, бледный, неподвижный, словно неживой. Могло показаться, что он замерз.

А Герда тем временем входила в огромные ворота, где ее встретили вечно веющие свирепые ветры. Она прочла вечернюю молитву – и ветры улеглись, словно заснули, потом вступила в огромный пустынный ледяной зал и увидела Кая. Герда сразу узнала его и бросилась ему на шею; крепко обняла его и воскликнула:

– Кай! Милый мой Кай! Наконец-то я тебя нашла!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали Каю на грудь, проникли ему в сердце, растопили ледяную кору, и осколок растаял. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут… Красота, красота!
Скоро увидим младенца Христа.

Кай вдруг разрыдался, и рыдал так бурно, что осколок выпал у него из глаза, – его смыли слезы. И вот он узнал Герду и так обрадовался!

– Герда! Милая моя Герда!.. Где ж это ты была так долго? Где был я сам? – И он оглянулся кругом. – Как здесь холодно, пустынно!

Он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость ее была так велика, что даже льдины заплясали, а когда утомились, легли и составили то самое слово, которое Каю велела сложить Снежная королева; сложив его, Кай мог сделаться сам себе господином да еще получить от нее в дар весь свет и новые коньки.

Герда поцеловала Кая в обе щеки – и щеки его опять зарумянились, поцеловала его в глаза – и они заблестели, как ее глаза; поцеловала его руки и ноги – и он опять стал бодрым и здоровым. Теперь Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы: его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай и Герда вышли рука об руку из ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о розах, что свешивались с крыши у них дома, на родине, и на пути их стихали свирепые ветры, а солнечные лучи пробивали тучи. У куста с красными ягодами их встретил северный олень. Он привел с собой молодую оленуху; вымя ее было полно молока, и она напоила молоком Кая и Герду и поцеловала их в губы. Затем Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у нее в теплой комнатке и узнали дорогу домой; потом заехали в Лапландию к старушке. Она еще до их прихода сшила им новую одежду; а когда починила свои сани, посадила в них Кая и Герду и поехала их провожать.

Оленья парочка тоже провожала молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с оленями и старушкой.

– Счастливый путь! – говорили им провожатые.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу, навстречу путникам, выехала верхом на великолепном коне молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и коня – он когда-то возил золотую карету. А девушка оказалась маленькой разбойницей: ей наскучило жить дома и захотелось побывать на севере, а если там не понравится – то и в других

местах. Она тоже сразу узнала Герду. Вот была радость!

– Ах ты, бродяга! – сказала она Каю. – Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Герда погладила ее по щеке и спросила о принце и принцессе.

– Они уехали в чужие края, – ответила молодая разбойница.

– А ворон? – спросила Герда.

– Лесной ворон умер; ручная ворона овдовела, ходит с черной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но все это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла Кая?

Герда и Кай рассказали ей обо всем.

– Ну, вот и сказке конец! – воскликнула молодая разбойница и, обещав навестить их, если когда-нибудь заедет в их город, пожала им руки. Затем она отправилась странствовать по белу свету, а Кай и Герда рука об руку пошли домой. И там, где они шли, расцветали весенние цветы, зеленела травка. Но вот послышался колокольный звон, и показались высокие башни их родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: маятник все так же стучал «тик-так», а стрелка двигалась по циферблату. Но, входя в низенькую дверь, они заметили, что выросли. Цветущие розовые кусты заглядывали с водосточного желоба в открытое окошко; тут же стояли детские скамеечки. Кай с Гердой уселись на них и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы забылось, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут… Красота, красота!
Скоро увидим младенца Христа.

Так сидели они рядышком, уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!

Соловей

В Китае, как ты знаешь, и сам император, и все его подданные – китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нем рассказать, пока оно не забудется совсем!

В целом мире не нашлось бы дворца роскошнее императорского; он весь был из тончайшего драгоценного фарфора, такого хрупкого, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудесные цветы, и к самым красивым из них были привязаны серебряные колокольчики: звон их должен был привлекать внимание прохожих к этим цветам. Вот как тонко было все придумано в императорском саду! Он тянулся так далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. А за садом простирался прекрасный лес с высокими деревьями и глубокими озерами. Лес доходил до самого синего моря, и корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут же на берегу жил соловей, который пел так чудесно, что даже бедный, удрученный заботами рыбак заслушивался его и забывал о своем неводе. «Господи, как хорошо!» – восклицал он, потом вновь принимался за свое дело, забыв о соловье, чтобы с приходом ночи снова слушать его дивное пение и повторять: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они любовались дворцом и садом, но, услышав соловья, говорили: «Вот это прекрасней всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всем, что им довелось увидеть; ученые описывали в книгах столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже превозносили его больше всего прочего; а поэты в чудесных стихах воспевали соловья, живущего в лесу, у синего моря.

Их книги расходились по всему свету, и некоторые из них попали в руки самого императора. Восседая в своем золотом кресле, он все читал и читал их, поминутно кивая головой, – ему были очень приятны эти похвалы его столице, дворцу и саду.

«Но самое изумительное – это соловей!» – говорилось в книгах.

– Что такое? – удивился император, прочитав это. – Соловей? А я его и не знаю! Как же так? В моем государстве, и даже в моем собственном саду, живет такая птица, а я о ней и не слыхивал! Удалось узнать о ней только из книги!

И он позвал к себе первого из своих приближенных, а тот был так спесив, что, когда кто-нибудь из ниже его стоящих осмеливался заговорить с ним или спросить его о чем-нибудь, он

отвечал только: «Пф!», хотя это ровно ничего не значит.

– Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, которая называется «соловей». Ее считают главной достопримечательностью моего великого государства! – проговорил император. – Почему же мне ни разу не доложили о ней?

– Я о ней ни разу не слышал! – ответил первый приближенный. – Она не была представлена ко двору.

– Я желаю, чтобы она была здесь и пела мне сегодня же вечером! – сказал император. – Весь свет знает, какое у меня есть сокровище, а сам я этого не знаю!

– Я и не слыхивал об этой птице! – повторил первый приближенный. – Но буду искать и найду ее.

Легко сказать! А где ее найдешь?

И вот первый приближенный императора принялся бегать вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но ни один из тех, к кому он обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Наконец первый приближенный вернулся к императору и доложил, что соловья, должно быть, выдумали сочинители – те, что книжки пишут.

– Ваше величество, вы не должны верить всему, что пишут в книгах! Все это выдумки, нечто вроде черной магии!

– Но ведь эту книгу мне прислал сам могущественный японский император, и в ней не может быть неправды! – возразил император. – Я хочу слушать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером, я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его здесь не окажется в назначенное время, то я прикажу бить всех придворных палками по животу, после того как они поужинают!

– Слушаю-с, – проговорил первый приближенный и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам. С ним вместе носилась и добрая половина придворных, – никому ведь не хотелось отведать палок. У всех на языке был только один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе никто не знает.

Наконец отыскали на кухне одну бедную девочку, которая сказала:

– Господи! Да как же не знать соловья! Вот уж поет-то! Вечером мне позволяют носить моей бедной больной маме остатки от обеда. Живет мама у самого моря, и вот всякий раз, как я на обратном пути сажусь отдохнуть в лесу, я слышу пение соловья. Мне тогда хочется плакать, а на душе так радостно, словно мама целует меня!..

– Кухарочка! – сказал ей первый приближенный. – Я назначу

тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе разрешение посмотреть, как кушает император, если только ты сведешь нас к соловью. Он получит приглашение явиться во дворец сегодня вечером.

И вот все направились в лес, к тому месту, где обычно пел соловей. Чуть не половина придворных двинулась туда. Шли-шли, вдруг где-то замычала корова.

– О! – воскликнули молодые придворные. – Вот он! Какой, однако, сильный голос! И у такого маленького существа! Но мы, бесспорно, слышали его раньше.

– Это мычат коровы, – сказала девочка. – Нам еще далеко идти.

Немного погодя в болоте заквакали лягушки.

– Изумительно! – вскричал придворный проповедник. – Теперь я слышу! Точь-в-точь колокольчик в молельне.

– Нет, это лягушки! – возразила девочка. – Но теперь мы, наверное, скоро услышим его.

И наконец запел соловей.

– Вот это соловей! – сказала девочка. – Слушайте, слушайте! А вот и он сам! – И она показала пальчиком на маленькую серенькую птичку, сидевшую высоко в ветвях.

– Неужели этот? – удивился первый приближенный. – Вот уж не ожидал, что он такой! Какой невзрачный! Очевидно, все его краски полиняли, едва он увидел столько знатных особ!

– Соловушка! – громко закричала девочка. – Наш милостивый император желает тебя послушать!

– Очень рад! – откликнулся соловей и запел так, что все диву дались.

– Словно стеклянные колокольчики звенят! – сказал первый приближенный. – Глядите, как трепещет его горлышко! Удивительно, что мы до сего времени ни разу его не слышали. Он будет иметь большой успех при дворе.

– Хочет ли император, чтоб я продолжал? – спросил соловей: он думал, что император тоже пришел его послушать.

– Несравненный соловушка! – ответил первый приближенный императора. – На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете всех своим дивным пением.

– Пение мое гораздо приятнее слушать в зеленом лесу! – сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился отправиться туда.

При дворе шли приготовления к празднику. Фарфоровые стены и пол сверкали, отражая свет бесчисленных золотых

фонариков; в коридорах были расставлены рядами великолепные цветы, увешанные колокольчиками, которые от всей этой беготни и сквозняков звенели так, что людям трудно было расслышать свои собственные слова.

Посреди огромного зала, в котором сидел император, водрузили золотой шест для соловья. Все придворные были в сборе; позволили стать в дверях и кухарочке, – она ведь теперь получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И вот соловей запел, да так дивно, что у императора слезы выступили на глазах. Вот они покатились по щекам, а соловей залился еще более звонкой и сладостной песней, она так и хватала за сердце. Император пришел в восторг и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался, объяснив, что достаточно вознагражден.

– Я видел на глазах императора слезы, – какой еще награды мне желать! В слезах императора дивная сила. Видит бог, я вознагражден с избытком!

И опять зазвучал его волшебный, сладостный голос.

– Вот что нужно для успеха! – защебетали придворные дамы и принялись набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они станут с кем-нибудь разговаривать. Так они надеялись уподобиться соловью. Даже слуги и служанки дали понять, что получили большое удовлетворение, а это ведь много значит: известно, что этим особам угодить труднее всего. Да, соловей, несомненно, имел успех.

Ему приказали остаться при дворе, поселили его в особой клетке и приставили к нему двенадцать слуг, а гулять разрешили два раза в день и раз ночью, причем каждый слуга крепко держал его за привязанную к лапке шелковую ленточку. Мало радости в таких прогулках!

Весь город говорил об удивительной птичке, и, если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей!», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Больше того, одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имя Соловей в честь императорского соловья, хотя ни у кого из них не было и признака голоса.

Как-то раз императору доставили посылку с надписью: «Соловей».

– Ну вот, еще новая книга о нашей знаменитой птичке! – сказал император.

Но то была не книга, а затейливая вещица: в небольшой коробке лежал искусственный соловей, очень похожий на живого, но весь осыпанный брильянтами, рубинами и сапфирами. Стоило его завести, и он начинал петь одну из тех песенок, которые пел живой соловей, и поводить хвостиком, отливающим золотом и серебром. На шее у этой птички была ленточка с надписью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьем императора китайского».

– Какая прелесть! – воскликнули все придворные.

Искусственного соловья привез посланец японского императора, и этого человека немедленно утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьев».

– Теперь пусть-ка споют вместе. Вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: живой соловей пел по-своему, а искусственный – как заведенная шарманка.

– Это не его вина! – сказал придворный капельмейстер. – Он безукоризненно держит такт и поет по моей методе.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как и живой соловей, но был гораздо красивее, весь сверкал, как браслет или брошка.

Тридцать три раза пропел он одну и ту же песню и не устал. Все охотно послушали бы его еще разок, да император нашел, что надо бы спеть и живому соловью… Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и улетел в свой зеленый лес.

– Ну что же это такое! – огорчился император; а придворные обозвали соловья неблагодарной тварью.

– К счастью, лучшая из этих двух птиц осталась у нас, – говорили они.

И вот искусственному соловью пришлось спеть все ту же песню в тридцать четвертый раз. Никто, однако, не сумел запомнить ее мелодию, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птичку, уверяя, что она даже превосходит живую, – и не только нарядом и драгоценностями, но и внутренними своими достоинствами.

– Что касается живого соловья, высокий повелитель мой и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно он споет. А у искусственного все известно наперед, и можно даже отдать себе полный отчет в его искусстве. Этого соловья можно разобрать и показать его внутреннее устройство, – оно плод человеческого ума; можно показать расположение и действие валиков и все, все!

– Я сам того же мнения! – заявил каждый из присутствующих, и капельмейстеру разрешили в следующее же воскресенье

показать птицу народу.

– Надо и народу послушать ее! – сказал император.

Народ послушал и был так же доволен, как если бы вдосталь напился чаю. Все пришли в восторг и в один голос кричали «о!», поднимая указательный палец и кивая головой. Но бедные рыбаки, слышавшие живого соловья, говорили про искусственного:

– Недурно поет, и песни его похожи на песни живого, а все-таки – не то! Чего-то недостает в его пении, чего – мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственного соловья поместили на шелковой подушке возле императорской кровати, а вокруг него разложили все пожалованные ему подарки, золото и драгоценные камни. Величали его теперь так: «Императорского ночного столика первый певец с левой стороны», – так как император считал более важной ту сторону, на которой находится сердце, а сердце даже у императора помещается слева. Капельмейстер написал труд в двадцать пять томов об искусственном соловье; книги были очень толстые и пересыпаны множеством мудреных китайских слов, поэтому придворные уверяли, что прочли и поняли все, что там написано, – иначе их сочли бы за дураков и отколотили бы палками по животу.

Прошел целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья; потому-то им так и нравилось его пение: теперь все они сами могли подпевать птичке и подпевали. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!», и им вторил сам император. Не правда ли, что за прелесть!

Но как-то раз вечером искусственная птичка только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри у нее что-то зашипело, зажужжало, потом колесики завертелись, потом лопнула какая-то пружинка – и музыка смолкла.

Император соскочил с кровати и послал за придворным медиком. Но что тут мог поделать медик?! Призвали часовщика, который после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птичку, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики в ее нутре поистерлись, а заменить их новыми так, чтобы музыка звучала по-прежнему, невозможно. Вот так горе! Часовщик разрешил заводить птичку только раз в год. И это было очень грустно, но капельмейстер произнес речь, хотя и краткую, зато полную мудрых слов, и в этой речи доказал, что

искусственный соловей ничуть не изменился к худшему. Значит, так оно и было.

Прошло еще пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, по слухам, был при смерти. Уже все избрали ему преемника, а народ все еще толпился у дворца и спрашивал первого императорского приближенного о здоровье своего старого повелителя.

– Пф! – отвечал приближенный, покачивая головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своем великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый уже спешил поклониться новому императору. Слуги выбегали посудачить о новостях, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы приглушить шум шагов, и во дворце стояла мертвая тишина. Но император еще не умер, хоть и лежал неподвижный и бледный на своем великолепном ложе, под бархатным с золотыми кистями пологом. Месяц светил в раскрытое окно и на императора, и на искусственного соловья.

Больному императору трудно было дышать, – ему казалось, что кто-то сидит у него на груди. И вот он открыл глаза и увидел, что это Смерть. Она надела себе на голову императорскую корону, взяла в одну руку его золотую саблю, а в другую роскошное знамя. Из складок бархатного полога высовывались какие-то странные головы: одни с кроткими и ласковыми лицами, другие с отвратительными. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него в то время, как Смерть сидела у него на сердце.

– Помнишь это? – шептали они попеременно. – А это помнишь? – и рассказывали ему о многом таком, отчего на лбу у него выступал холодный пот.

– Я совсем не знал об этом! – говорил император. – Музыку сюда, музыку! Большой барабан! Чтобы я не слышал их слов!

Но они не унимались, а Смерть подтверждала их слова кивками.

– Музыку сюда, музыку! – кричал император. – Пой хоть ты, золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, так пой же, пой!

Но птичка молчала, некому было ее завести, а без завода она петь не могла. В глубокой тишине Смерть все смотрела на императора своими большими пустыми глазницами, а в комнате было так тихо, так угрожающе тихо!

Но вот за окном послышалось дивное пение. Маленький живой соловей сидел там на ветке и пел. Узнав о болезни императора, он прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел,

а призраки, обступившие умирающего императора, стали тускнеть, и в ослабевшем теле императора кровь потекла быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и все повторяла: «Пой, пой еще, соловушка!»

– А ты отдашь мне за это драгоценную золотую саблю и роскошное знамя? Отдашь корону императора?

И Смерть стала отдавать ему одну драгоценность за другою, а соловей все пел и пел. Вот он запел о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и живые, оплакивающие усопших, орошают слезами свежую траву… Смерть вдруг так затосковала по своему саду, что превратилась в клок белого холодного тумана и вылетела в окно.

– Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! – проговорил император. – Я хорошо тебя помню! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала даже Смерть! Чем мне тебя вознаградить?

– Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! – ответил соловей. – Когда я в первый раз пел тебе, я видел слезы на твоих глазах, и этого мне не забыть никогда! Слезы – вот драгоценнейшая награда для сердца певца!.. А теперь засни и проснись здоровым и бодрым! Я буду петь для тебя.

И он запел опять, а император заснул сладким, благодатным сном.

Когда же он проснулся окрепшим и здоровым, в окно светило солнце. Ни один из его слуг не заглянул к нему, полагая, что он уже умер; только соловей все еще пел за окном.

– Ты должен остаться у меня навсегда! – проговорил император. – Ты будешь петь только тогда, когда сам этого захочешь, а искусственную птичку я разобью на тысячу кусков.

– Не надо, – сказал соловей. – Она послужила тебе, как могла. Пускай останется у тебя. Я не могу вить гнездо во дворце, позволь только прилетать к тебе, когда мне самому этого захочется. Тогда я каждый вечер буду садиться на ветку у твоего окна и петь тебе; и песня моя и порадует тебя, и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле – все это тебя окружает, но скрыто от тебя. Маленькая певчая птичка летает повсюду: залетает и к бедному рыбаку, и к крестьянину, которые живут вдали от тебя и твоего двора. Я люблю тебя за твое сердце больше, чем за твою корону, и все же корона окружена каким-то священным ореолом. Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне кое-что!

– Все, что хочешь! – сказал император и встал величественный, как встарь, – он успел облачиться в свое императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжелую золотую

саблю.

– Об одном я прошу, – сказал соловей, – никому не говори, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всем на свете. Так будет лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мертвого императора и застыли на пороге. А император сказал им:

– С добрым утром!

Вильгельм Гауф (1802–1827)

Калиф-аист

I

Было это давным-давно, в незапамятные времена, в далеком городе Багдаде.

Однажды, в прекрасное послеобеденное время, калиф багдадский Хасид предавался отдыху. Он даже успел немного вздремнуть, утомленный дневным зноем, и теперь был в самом лучшем расположении духа. Полеживая на диване, он курил длинную трубку розового дерева и попивал кофе из чашечки китайского фарфора. Кофе был отличный, и после каждого глотка калиф от удовольствия поглаживал бороду. Словом, он был, что называется, на верху блаженства. В такой час ему что хочешь говори, о чем хочешь проси, – калиф все выслушает благосклонно и ни на что не разгневается.

Это отлично знал великий визирь калифа – Мансор. Поэтому он всегда являлся к калифу со всеми делами и просьбами в час его послеобеденного отдыха.

Так было и в тот день, о котором идет речь. Визирь пришел в свое урочное время, но только на этот раз он не стал просить за виновных, не стал жаловаться на правых, а низко поклонился калифу и молча отошел в сторону.

Калиф очень удивился. Он выпустил изо рта трубку и сказал:

– Чем озабочен ты, великий визирь? Почему на лице твоем такая печаль?

Визирь скрестил руки на груди и, низко поклонившись своему повелителю, сказал:

– Великий государь! Я не знаю, печально ли мое лицо или нет, но хорошо знаю, что у ворот дворца стоит бродячий торговец со всякими диковинными товарами. И еще знаю – что я не могу купить у него даже самую ничтожную безделицу, потому что мне нечем за нее заплатить.

Но недаром о калифе шла слава, что, пока в чашке у него есть кофе, а в трубке табак, милости его нет конца.

Тотчас кликнул он раба и приказал привести торговца в свои покои.

Торговец пришел. Это был маленький тучный человечек, одетый в рваное тряпье, с тяжелым сундуком за плечами. Торговец поставил сундук у ног калифа и открыл крышку. Великий аллах! Чего только тут не было! И ожерелья из жемчуга, и самоцветные перстни, и оружие в серебряной оправе, и золотые

кубки, и роговые гребни.

Калиф и визирь все пересмотрели, все перетрогали, а потом калиф выбрал себе и визирю по красивому кинжалу, а для жены визиря – гребень, разукрашенный сверкающими камнями.

О цене он даже не стал спрашивать, а просто велел насыпать торговцу полный кошель золота.

Торговец хотел было уже укладывать свои товары в сундук, как вдруг калиф увидел маленькую коробочку вроде табакерки.

– А это что такое? – спросил калиф. – Покажи-ка!

Почтительно склонившись, торговец протянул коробочку. С виду в ней не было ничего примечательного, но, когда калиф открыл ее, он увидел, что коробочка до краев полна каким-то черным порошком, а сверху лежит пожелтевший клочок пергамента, весь испещренный непонятными знаками.

– Скажи мне, что тут написано? – спросил калиф.

– Да простит меня великий повелитель, но этого никто не знает, – сказал разносчик. – Много лет тому назад один богатый купец дал мне эту коробочку, а сам он нашел ее на улице священного города Мекки. Если господин пожелает, я готов отдать эту безделицу даром, ибо какая же ей цена, если никто не знает, на что она годится.

Калиф был большой любитель всяких редкостей, даже тех, в которых он ничего не понимал. Поэтому он взял коробочку, а разносчику прибавил еще десять золотых монет и милостиво отпустил его на все четыре стороны.

Разносчик ушел, а калиф все еще вертел коробочку, словно пытался разгадать тайну, которая в ней была заключена.

– Однако неплохо бы узнать, что тут такое написано, – сказал он, рассматривая со всех концов клочок пергамента. – Не знаешь ли ты, визирь, кто бы мог прочесть эти письмена?

– Всемилостивейший господин и повелитель, – ответил визирь, – у Большой мечети живет человек по имени Селим, по прозванию «Ученый». Он может прочесть всякую книгу. Прикажи позвать его, – может быть, он проникнет в тайну этих загадочных знаков.

Калиф так и сделал.

Само собой разумеется, что ему не пришлось долго ждать Селима, – если тебя требует к себе сам калиф, ноги несут тебя так же быстро, как птицу крылья!

И вот, когда Селим явился, калиф сказал ему так:

– Послушай, Селим, люди говорят, что ты человек мудрый и ученый. Взгляни-ка на эту рукопись – может быть, ты разберешь, что тут написано. Если разберешь – получишь от меня новый халат, а не разберешь – получишь двенадцать палочных ударов по

пяткам, за то что люди незаслуженно именуют тебя Ученым.

Селим поклонился и сказал:

– Да исполнится воля твоя, о господин!

Долго рассматривал он пожелтевший листок и вдруг воскликнул:

– Прикажи меня повесить, господин, если это не по-латыни!

– Что ж, по-латыни так по-латыни, – милостиво сказал калиф. – Говори, что там написано!

Слово за словом Селим стал переводить загадочные письмена.

И вот что он прочел:

– «О смертный, ты, который держишь в своих руках этот клочок пергамента, возблагодари аллаха за его милость. Ибо вместе с этим ничтожным клочком пергамента ты держишь в своих руках великую тайну: если ты понюхаешь черный порошок из этой коробочки и произнесешь священное слово: «Мутабор» – ты можешь обернуться всяким зверем лесным, всякой птицей небесной, всякой рыбой морской и будешь понимать язык всех живых существ на земле, в небе и в воде. Когда же ты пожелаешь снова принять образ человека, поклонись три раза на восток и снова произнеси священное слово: «Мутабор». Но горе тому, кто, приняв образ птицы или зверя, засмеется. Заветное слово навсегда исчезнет из его памяти, и уже никогда не стать ему снова человеком. Помни об этом, смертный! Горе тому, кто смеется не вовремя!»

Калиф был очень доволен. Он взял с ученого Селима клятву, что тот никому не откроет этой великой тайны, подарил ему халат не хуже своего и отпустил с миром домой.

Потом он сказал своему визирю:

– Вот это славная покупка! Теперь я буду знать, о чем говорят в моей стране даже птицы и звери. Ни один калиф, с тех пор как стоит Багдад, не мог похвалиться таким могуществом! Приходи ко мне завтра пораньше, пойдем вместе погулять, понюхаем чудесный порошок да послушаем, о чем говорят в воздухе и воде, в лесах и долинах.

II

На другой день, чуть только калиф успел одеться и позавтракать, как визирь, послушный его приказанию, уже явился, чтобы сопровождать своего повелителя во время прогулки.

Калиф сунул за пояс коробочку с волшебным порошком и без всякой свиты, вдвоем с визирем, вышел из дворца.

– Великий калиф! – сказал визирь. – Не пойти ли нам к прудам, что находятся на окраине города. Я не раз видел там аистов. Это презабавные птицы, у них всегда такой важный вид, как будто они первые советники вашей милости. К тому же они очень разговорчивы и постоянно о чем-то болтают на своем птичьем языке. Если ваша милость пожелает, мы можем испробовать наш чудодейственный порошок, послушаем, о чем говорят аисты, а заодно испытаем, каково быть птицей.

– Неплохо придумано, – согласился калиф, и они отправились в путь.

Не успели они подойти к пруду, как увидели аиста. Аист с важным видом расхаживал взад и вперед, выискивая лягушек, и то и дело пощелкивал клювом. Но что он хотел этим сказать, было совершенно непонятно.

Через минуту калиф и визирь увидели в небе другого аиста, который летел прямо на них.

– Клянусь бородой, всемилостивейший государь, что эти длинноногие заведут сейчас прелюбопытный разговор! – воскликнул визирь. – Не превратиться ли нам в аистов?

– Что ж, я не прочь, – согласился калиф. – Только сначала повторим, что надо сделать, чтобы снова стать людьми. Как там сказано? Надо поклониться три раза на восток, а потом произнести: «Мутабор!» Тогда я снова стану калифом, а ты визирем. Но смотри не смейся, а то мы пропали.

В это время второй аист пролетел у них над самой головой и стал медленно спускаться на землю, громко курлыкая.

Калиф, которого уже разбирало любопытство, поспешно достал из-за пояса коробочку, взял оттуда щепотку порошка и передал коробочку визирю. Тот тоже отсыпал себе на понюшку. Потом оба зашмыгали носами и, когда втянули весь волшебный порошок, до последней пылинки, громко воскликнули: «Мутабор!»

И тотчас ноги у них стали тонкими, как спицы, длинными, как ходули, и вдобавок покрылись красной шершавой кожей. Их прекрасные туфли превратились в плоские когтистые лапы, руки стали крыльями, шеи вытянулись чуть не на аршин, а бороды, которыми они так гордились, исчезли совсем. Зато у них выросли предлинные твердые носы, на которые можно было опираться, как на палки.

Калиф от удивления просто глазам своим не верил. Наконец он пришел в себя и сказал:

– Ну и славный же у тебя нос, великий визирь! Клянусь бородой пророка, я в жизни своей не видывал ничего подобного. Для великого визиря такой нос – истинное украшение.

– Вы льстите мне, о мой властелин! – сказал визирь и поклонился. При этом он стукнулся носом о землю. – Но осмелюсь доложить, что и вы ничего не потеряли, превратившись в аиста. Я бы даже позволил себе сказать, что вы стали еще красивее. Но не угодно ли вам послушать, о чем говорят наши новые сородичи, если только правда, что мы теперь можем понимать их речь?

Тем временем второй аист уже спустился на землю. Он почистил клювом свои ноги, оправил перья и зашагал к аисту, который его поджидал.

Калиф и визирь кинулись к ним со всех ног. Правда, они еще не привыкли ходить на таких тонких и длинных ногах и поэтому все время спотыкались.

Они притаились в густых кустах и прислушались. Да! Все было так, как обещала таинственная надпись на пергаменте, – они понимали каждое слово, которое произносили птицы.

Это были две вежливые, хорошо воспитанные аистихи.

– Мое почтение, любезная Длинноножка! – сказала аистиха, которая только что прилетела. – Так рано, а вы уже на лугу!

– Мое почтение, душенька Щелкунья! Я прилетела пораньше, чтобы полакомиться свежими молодыми лягушатами. Может быть, вы составите мне компанию и скушаете лягушачью ножку или хвостик ящерицы?

– Покорнейше благодарю, но мне, право, не до завтрака. Сегодня у моего отца званый вечер, и мне придется танцевать перед гостями. Поэтому я хочу еще раз повторить некоторые сложные фигуры.

И молодая аистиха пошла прохаживаться по лужайке, выкидывая самые затейливые коленца. Под конец она поджала одну ногу и, стоя на другой, принялась раскланиваться вправо и влево, помахивая при этом крыльями.

Тут уж калиф и визирь не могли удержаться и, забыв обо всем на свете, громко расхохотались.

– Вот это потеха так потеха! – воскликнул калиф, переведя наконец дух. – Да, такое представление не увидишь ни за какие деньги! Жаль, что глупые птицы испугались нашего смеха, а то бы они, чего доброго, еще начали петь! Да ты погляди-ка, погляди на них!

Но визирь только махнул крылом.

– Великий государь, – сказал он. – Боюсь, что мы не к добру развеселились. Ведь нам нельзя было смеяться, пока мы обращены в птиц.

Тут и калиф забыл о веселье.

– Клянусь бородой пророка, – воскликнул он, – это будет

плохая шутка, если мне придется навсегда остаться аистом! А нука припомни это дурацкое слово. Что-то оно вылетело у меня из головы.

– Мы должны трижды поклониться на восток и сказать: «Му… му… мутароб».

– Да, да, что-то в этом роде, – сказал калиф. Они повернулись лицом к востоку и так усердно стали кланяться, что их длинные клювы, точно копья, вонзались в землю.

– Мутароб! – воскликнул калиф.

– Мутароб! – воскликнул визирь.

Но – горе! – сколько ни повторяли они это слово, они не могли снять с себя колдовство.

Они перепробовали все слова, какие только приходили им на ум: и муртубор, и мурбутор, и мурбурбур, и муртурбур, и мурбурут, и мутрубут, – но ничто не помогало. Заветное слово навсегда исчезло из их памяти, и они как были, так и остались аистами.

III

Печально бродили калиф и визирь по полям, не зная, как бы освободиться от колдовства. Они готовы были вылезти из кожи, чтобы вернуть себе человеческий вид, но все было напрасно – аистиная кожа вместе с перьями крепко приросла к ним. А вернуться в город, чтобы все видели их в таком наряде, было тоже невозможно. Да и кто бы поверил аисту, что он – сам великий багдадский калиф! И разве согласились бы жители города, чтобы ими правил какой-то длинноногий, длинноносый аист?

Так скитались они много дней, подбирая на земле зерна и вырывая корешки, чтобы не ослабеть от голода. Если бы они были настоящие аисты, они могли бы найти себе что-нибудь и повкуснее: лягушек и ящериц тут было сколько хочешь. Но калиф и визирь никак не могли примириться с мыслью, что болотные лягушки и скользкие ящерицы – это самое лучшее лакомство.

Одно было у них теперь утешение – они могли летать.

И они каждый день летали в Багдад и, стоя на крыше дворца, смотрели, что делается в городе.

А в городе царило смятение. Шутка сказать – средь бела дня исчез сам калиф и его первый визирь!

На четвертый день, когда калиф-аист и визирь-аист прилетели на багдадские крыши, они увидели торжественное шествие, которое медленно двигалось ко дворцу. Гремели барабаны, трубили трубы, пели флейты. Окруженный пышной свитой, на коне, убранном парчою, ехал какой-то человек в

красном золототканом плаще.

– Да здравствует Мизра, властитель Багдада! – громко выкрикивали его приближенные.

Тут калиф и визирь переглянулись.

– Теперь я все понимаю! – печально воскликнул калиф. – Этот Мизра – сын моего заклятого врага, волшебника Кашнура. С тех пор как я прогнал Кашнура из дворца, он поклялся отомстить мне. Он и торговца подослал, чтобы избавиться от меня и посадить на мое место своего сына.

Калиф тяжело вздохнул и замолчал. Визирь тоже молчал, повесив нос.

– Все-таки не следует терять надежду на спасение, – сказал наконец калиф. – Летим, мой верный друг, в священный город Мекку; может быть, молитва, вознесенная аллаху, снимет с нас колдовство.

Они поднялись с крыши и полетели на восток. Но летели они, как желторотые птенцы, хотя по виду были совсем взрослые аисты.

Часа через два визирь-аист совсем выбился из сил.

– О господин! – простонал он. – Я не могу угнаться за вами, вы летите чересчур быстро. Да к тому же становится темно, не мешало бы нам подумать о ночлеге.

Калиф не стал спорить со своим визирем, он и сам едва держался на крыльях.

К счастью, они увидели внизу, прямо под ними, какие-то развалины, где можно было укрыться на ночь. И они спустились на землю.

Все говорило о том, что когда-то на этом месте стоял богатый и пышный дворец. То там, то тут торчали обломки колонн, кое-где уцелели узорчатые своды.

Калиф и его визирь бродили среди развалин, выбирая место для ночлега, как вдруг визирь-аист остановился.

– Господин и повелитель, – прошептал он, – может быть, это и смешно, чтобы великий визирь, а тем более аист боялся привидений, но, признаюсь, мне становится как-то не по себе. Не кажется ли вам, что тут кто-то стонет и вздыхает?

Калиф остановился и прислушался. И вот в тишине он ясно услышал жалобный плач и протяжные стоны.

Сердце у калифа застучало от страха. Но ведь теперь он был не только калифом, он был еще и аистом. А всем известно, что аист – птица любопытная. Поэтому калиф-аист недолго раздумывая ринулся туда, откуда слышались эти жалобные стоны.

Напрасно визирь пытался помешать ему. Он умолял калифа

не подвергать себя новой опасности, он даже пустил в дело свой клюв и, точно щипцами, схватил калифа за крыло.

Однако калифа ничто не могло остановить, он рванулся вперед и, оставив в клюве своего визиря несколько перьев, исчез в темноте.

Но недаром визирь называл себя правой рукой калифа. И, хотя теперь у калифа не было ни правой руки, ни левой, визирь не покинул своего господина и бросился за ним.

Скоро они различили в темноте какую-то дверь.

Калиф толкнул дверь клювом и от удивления остановился на пороге. В тесной каморке, едва освещенной слабым светом, проникавшим сквозь крошечное решетчатое окошко, он увидел большую сову. Сова горько плакала. Из больших круглых глаз ее текли крупные, как орех, слезы.

Но, увидев калифа и визиря, она радостно вскрикнула и захлопала крыльями – совсем так, как хлопают в ладоши дети.

Потом она вытерла одним крылом слезы и, к великому удивлению калифа и визиря, заговорила на чистейшем арабском языке:

– Добро пожаловать, дорогие аисты! Как я рада вас видеть! Мне давно предсказали, что аисты принесут мне счастье.

Калиф поклонился как можно почтительнее, красиво изогнув длинную шею, и сказал:

– Прелестная совушка! Если я правильно понял твои слова, мы с тобою товарищи по несчастью. Но – увы! – напрасно ты надеешься на нашу помощь. Выслушай нашу историю, и ты поймешь, что мы сами нуждаемся в помощи так же, как ты.

IV

Когда калиф кончил свою грустную повесть, сова тяжело вздохнула и сказала:

– Да, я вижу, что несчастье, постигшее вас, не меньше моего. Вы, наверное, догадываетесь, что и я от рождения не была совой. Отец мой – властелин Индии, а я его единственная несчастная дочь. Злой волшебник Кашнур, который заколдовал вас, заколдовал и меня. Однажды он явился к моему отцу сватать меня за своего сына Мизру. Мой отец очень рассердился и приказал выгнать Кашнура. И вот тогда Кашнур поклялся отомстить моему отцу. Он переоделся в платье раба и проник во дворец. Как раз в это время я гуляла в саду, и мне захотелось пить. Он поднес мне какое-то питье, и не успела я сделать глоток, как стала отвратительной птицей, которую вы видите перед собой. Я хотела закричать, позвать на помощь, но от страха

лишилась голоса. А злой Кашнур схватил меня и принес сюда. «Здесь, – сказал он, – ты будешь жить до конца твоих дней, чтобы пугать всех зверей и птиц своим уродством. Впрочем, ты можешь не терять надежды на спасение, – добавил он со смехом. – Если кто-нибудь согласится взять тебя в жены – вот такую, какая ты сейчас, с круглыми злыми глазами, с крючковатым носом и острыми когтями, – ты снова станешь человеком. А пока явится к тебе избавитель, сиди здесь. Может быть, теперь ты пожалеешь о том, что твой отец не захотел выдать тебя за моего сына».

Тут сова замолчала и вытерла крылом слезы, которые снова закапали из ее глаз.

Калиф и визирь тоже молчали, не зная, как утешить несчастную принцессу.

– О если бы мне снова стать человеком! – воскликнул калиф. – Я отомстил бы за тебя этому отвратительному колдуну! Но что я могу сделать теперь, когда я сам – жалкая, длинноногая птица! – И он горестно опустил свой клюв.

– Государь! – воскликнула сова. – Мне кажется, не все еще потеряно. Забытое слово ты можешь узнать! И когда колдовские чары будут сняты с тебя, может быть, тогда и я избавлюсь от беды. Ведь недаром же мне было предсказано, что аист принесет мне счастье.

– Говори же скорее! Что я должен сделать, чтобы избавиться от колдовства? – воскликнул калиф.

– Слушай меня, – сказала сова. – Раз в месяц колдун Кашнур и его сообщники собираются среди этих развалин в подземном зале. Там они пируют и похваляются друг перед другом своими проделками, открывают друг другу свои тайны. Я часто подслушивала их. Может быть, и теперь кто-нибудь из них обмолвится и назовет забытое тобой слово.

– О драгоценнейшая сова! – – воскликнул калиф в нетерпении. – Скажи, когда они должны собраться и где этот подземный зал?

Сова помолчала с минуту и наконец сказала:

– Прости меня, великий калиф, но я отвечу тебе только при одном условии.

– Говори же, какое это условие! Мы готовы повиноваться тебе во всем!

И калиф вместе со своим визирем почтительно склонили перед ней головы. Тогда сова сказала:

– Прости мою дерзость, господин, но мне тоже хотелось бы избавиться от колдовских чар, а это возможно только в том случае, если один из вас возьмет меня в жены…

Услышав об этом, аисты несколько растерялись. Калиф

сделал знак визирю, и они отошли в дальний угол.

– Послушай, визирь, – шепотом сказал калиф, – это предложение не из приятных, но, по-моему, тебе следует согласиться.

– Великий калиф! – прошептал визирь в ужасе. – Вы забываете, что у меня есть жена! К тому же я старик, а вы еще молоды. Нет, нет, это вы должны жениться на молодой прекрасной принцессе!

– Откуда же ты знаешь, что она молода и прекрасна? – печально сказал калиф. У него даже крылья опустились, так он был огорчен.

Долго еще они спорили и уговаривали друг друга. В конце концов визирь прямо заявил, что лучше навсегда останется аистом, чем женится на сове.

Что было делать калифу? В другое время он приказал бы казнить непокорного визиря, но сейчас об этом было бесполезно говорить.

Он набрался мужества и, подойдя к сове, сказал:

– Прекрасная принцесса, я принимаю твое условие.

Сова была вне себя от радости.

– Теперь я могу открыть вам, что волшебники соберутся сегодня. Вы пришли как раз вовремя! Идемте за мной, я покажу вам дорогу.

И она повела их по темным переходам и полуразрушенным лестницам.

Вдруг навстречу им вырвался откуда-то яркий луч света.

Сова подвела их к пролому в стене и сказала:

– Стойте здесь. Но смотрите будьте осторожны: если вас увидят – все пропало.

Калиф и визирь осторожно заглянули через пролом. Они увидели огромный зал, в котором было светло как днем от тысяч горевших светильников.

Посредине стоял круглый стол, а за столом сидели восемь колдунов. В одном из них калиф и визирь сразу узнали того торговца, который подсунул им волшебный порошок.

– Ну сегодня мне есть чем похвастать! – говорил он, посмеиваясь. – На этот раз я провел самого калифа и его визиря. Клянусь аллахом, которым они клянутся, им никогда не вспомнить слова, которое может снять с них колдовские чары!

– А что же это за слово? – спросил один колдун.

– Слово очень трудное, его никто не может запомнить и никто не должен знать. Но вам я открою его – слово это: «Мутабор».

V

Аисты чуть не заплясали от радости, когда услышали заветное слово. Со всех ног – а ведь ноги у них были предлинные – они бросились бежать, так что бедная сова едва поспевала за ними на своих коротеньких ножках.

Выбравшись наверх, калиф с почтительным поклоном сказал ей:

– О мудрейшая сова, о добрейшая принцесса, тебе обязаны мы своим спасением. Позволь же мне в знак благодарности просить твоей руки.

Потом калиф и визирь поспешно повернулись к востоку и трижды поклонились солнцу, выходившему из-за гор.

– Мутабор! – воскликнули они в один голос.

И тотчас перья упали с них, клювы исчезли, и они стали такими, какими были всегда. От радости калиф даже забыл, что он хотел казнить визиря за непослушание. Повелитель и слуга бросились друг другу в объятия, они плакали и смеялись, дергали друг друга за бороды и ощупывали свои халаты, чтобы убедиться в том, что все это не сон.

Наконец они вспомнили про сову и обернулись.

И что же! Не сову с круглыми глазами и крючковатым носом увидели они, а красавицу принцессу.

Можете себе представить, как обрадовался калиф!

Если бы он был аистом, он, наверно, пошел бы сейчас плясать и выкидывать разные коленца, совсем так, как аистиха Щелкунья, виновница всех бед, которые свалились на его голову. Но теперь он был уже не аистом, а калифом, поэтому он приложил руку к сердцу и сказал:

– Все к лучшему! Если бы меня не постигло великое несчастье, я не узнал бы теперь величайшего счастья!

И вот, все трое, они отправились в Багдад. И хотя крыльев у них теперь не было, они летели как на крыльях.

Увидев калифа Хасида живым и невредимым, жители Багдада выбегали на улицу, чтобы приветствовать своего владыку.

Правда, и при Хасиде им жилось не очень сладко, но, с тех пор как во дворце поселился злой колдун, им стало еще хуже.

Хасид приказал тотчас схватить калифа-самозванца и его отца – колдуна Кашнура.

Старому колдуну отрубили голову, а его сына Мизру калиф заставил понюхать черного порошка, и тот превратился в аиста. Калиф посадил его в большую клетку и выставил клетку в сад.

Конечно, Мизра мог бы снова сделаться человеком – стоило ему только поклониться три раза на восток и сказать: «Мутабор».

Уж конечно, он хорошо помнил это слово, потому что ему было не до смеха.

Но Мизра даже не пытался вернуть себе человеческий вид. Он рассудил – и, пожалуй, рассудил правильно, – что если уж сидишь в клетке, то лучше быть птицей.

Так кончилось это приключение.

Калиф Хасид еще долго и счастливо жил со своей красавицей женой.

По-прежнему каждый день, в час послеобеденного отдыха, к нему приходил великий визирь, и калиф всегда охотно с ним беседовал.

Они часто вспоминали минувшие дни, когда они были аистами, и калиф пресмешно изображал, как расхаживал визирь на длинных птичьих ногах, весь обросший перьями, с большущим клювом. Калиф становился на кончики пальцев, неуклюже переступал с ноги на ногу, взмахивал руками, словно он тонул, и изо всех сил вытягивал шею. А потом поворачивался лицом к востоку и, низко кланяясь, приговаривал:

– Муртурбур! Бурмуртур! Турбурмур!

Жена калифа и его дети смеялись до слез над этим представлением. Да и сам визирь не мог удержаться от смеха. Он, конечно, не смел передразнивать своего повелителя, но, если калиф очень уж над ним потешался, визирь заводил разговор о том, как два аиста уговаривали друг друга жениться на страшной сове. Тут калиф сердито хмурил брови, и визирь сразу замолкал. Так не будем же больше вспоминать об этом и мы.

Маленький Мук

В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трепку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей. Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым; не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц – каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперед по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из нее высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало все тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать – кинжал ли прицеплен к Муку, или Мук прицеплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него, точно шальные. Мук с важностью кивал нам головой и медленно шел по улице, шлепая туфлями. Туфли у него были прямо огромные – таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: «Маленький Мук! Маленький Мук!» Мы даже сочинили про него такую песенку:

Крошка Мук, крошка Мук,
Оглянись скорей вокруг.
Оглянись скорей вокруг
И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится сознаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне

очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошел прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверью и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощание. Я чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решался вернуться домой. Наконец голод пересилил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

– Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука, – строго сказал мне отец. – Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал:

– Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

– Ты уже давно сносил свои детские башмаки, – говорил он карлику, – а все только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался один, без гроша. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

– Иди по свету, может, и найдешь свое счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку – все, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик, недолго думая, укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошел куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шел по большой дороге. Он очень устал и проголодался. Еды у него с собой не было, и он жевал коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой красивый город, украшенный флагами и знаменами. Маленький Мук собрал последние силы и пошел к этому городу.

«Может быть, я наконец найду там свое счастье», – говорил он себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, но Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти и отдохнуть.

Карлик уныло брел по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высунувшись, закричала:

Сюда, сюда —
Готова еда!
Столик накрыт,
Чтоб каждый был сыт.
Соседи, сюда —
Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки – много-много кошек и собак. Мук подумал, подумал и тоже вошел. Как раз перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них – котята-то уж, наверно, знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

– Что тебе нужно? – сердито спросила старуха.

– Ты звала обедать, – сказал Мук, – а я очень голоден. Вот я и пришел.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

– Откуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

– Накорми уж и меня заодно, – попросил Мук. Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

– Знаешь что, Мук? Оставайся-ка ты у меня служить. Работа у меня легкая, и жить тебе будет хорошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два кота и четыре кошки. Каждое утро Мук расчесывал им шерстку и натирал ее драгоценными мазями. За обедом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одеялом.

Кроме кошек, в доме жили еще четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с собаками возни было

меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скучно, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику все-таки жилось неплохо. Работы не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь – они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбросают, да еще посуду дорогую перебьют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лестнице, они мигом прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чем не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука. Пусть сколько хочет оправдывается – она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чем не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да все не платила.

«Вот получу с нее жалованье, – думал Маленький Мук, – сразу уйду. Если бы я знал, где у нее спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует». В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему еще больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал ее). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнатку; Мук пошел за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин – хрустальный, с золотыми рисунками. Он взял его в руки и начал рассматривать, и вдруг крышка кувшина – Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой, – упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось – надо было бежать: когда старуха вернется и увидит, что он разбил крышку, она изобьет его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его

собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие, – когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребенок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

«Эта тросточка все равно стоит здесь без дела, – подумал Мук. – Возьму уж и тросточку кстати».

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, прицепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал, и поворачиваться – ничего не помогало. Наконец он понял, что все дело в его новых туфлях. Это они толкали его вперед и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

– Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маху упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

«Милый Мук, ты еще не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза».

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался еще и еще раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

– Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на завалинке около какой-то лавки и стал думать,

как бы ему раздобыть хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

«Может быть, мои туфли принесут мне доход, – подумал он. – Попробую-ка я наняться к королю в скороходы».

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец, и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повел его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

– Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

– У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подобру-поздорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

– Господин начальник, – сказал Маленький Мук, – я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгоню вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался еще громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нем королю.

– Ну ладно, – сказал он, – так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближенные могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвастун карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был

смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук нисколько не смутился. Он с гордым видом оперся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

– Раз, два, три! – крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком.

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход все еще был далеко. Наконец и он добежал до конца и как мертвый повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

– Да здравствует победитель – Маленький Мук!

Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

– О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства! Возьми меня к себе на службу.

– Хорошо, – сказал король. – Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался – наконец-то он нашел свое счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело сплетничали про него королю, но король не хотел их слушать. Он все больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

«Если мне удастся найти клад, – раздумывал он, – эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своем саду большие богатства, когда к его городу подступили враги. Он, кажется, так

и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища».

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдаленном углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжел для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго еще трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твердое. Карлик наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним засверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел вытащить горшок из ямы, но не мог: не хватило сил. Тогда он напихал в карманы и за пояс как можно больше золотых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал деньги у себя в постели под периной и лег спать довольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал: «Теперь все переменится и мои враги будут меня любить».

Он принялся раздавать свое золото направо и налево, но придворные стали только еще больше ему завидовать. Главный повар Ахули злобно шептал:

– Смотрите, Мук делает фальшивые деньги.

Ахмед, начальник рабов, говорил:

– Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже давно тайком запускал руку в королевскую сокровищницу, кричал на весь дворец:

– Карлик украл золото из королевской казны!

Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга, Корхуз. Он всегда подавал королю кушанья и наливал вино в его кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришел к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

– Что с тобой, Корхуз? Почему ты такой грустный?

– Я грустный потому, что король лишил меня своей

милости, – ответил Корхуз.

– Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! – сказал король. – С каких это пор я лишил тебя своей милости?

– С тех пор, ваше величество, как к вам поступил ваш главный скороход, – ответил Корхуз. – Вы осыпаете его золотом, а нам, вашим верным слугам, не даете ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счету раздает деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архаза – своего казначея и Ахмеда – начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достает деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день вышло все золото, и он решил сходить в свою сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз – тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

– Где вы накрыли этого бесчестного карлика?

– Ваше величество, – сказал Архаз, – мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

– Правду ли они говорят? – спросил король карлика. – Откуда у тебя столько денег?

– Милостивый король, – простодушно ответил карлик, – я ни в чем не виноват. Когда ваши люди меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук все лжет, и страшно рассердился.

– Несчастный! – закричал он. – Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

– В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше, – ответил казначей. – Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

– Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! – закричал король. – А ты, казначей, пойди в сад, возьми все золото, которое найдешь в яме, и положи его обратно в казну.

Казначей исполнил приказание короля и принес горшок с

золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки.

Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз взглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

«Враги напали на мою страну. Я закопал в этом месте часть моих сокровищ. Пусть знает всякий, кто найдет это золото, что, если он сейчас же не отдаст его моему сыну, он лишится милости своего короля.

Король Сади».

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про нее.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и думал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему все-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же ее отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли все еще были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку – Маленький Мук был прикован к стене короткой железной цепью и никак не мог повернуться на каблуке.

Утром в башню пришел палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего, – надо открыть королю свою тайну. Ведь все-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-скороходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и все ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик все это выдумал.

– Ваше величество, – сказал тогда Маленький Мук, – обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своем саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошел до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

– Я обещал не убивать тебя и сдержу свое слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в темную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли,

но самого главного – как их остановить – не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад и как бешеный помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он хватался за кусты и деревья – туфли все тащили и тащили его вперед. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю. Наконец король выбился из сил и упал на землю. Опомнившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

– Так вот как ты обращаешься со своим королем! – закричал он. – Я обещал тебе жизнь и свободу, но, если ты через двенадцать часов еще будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убраться из дворца. Печально плелся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу.

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошел до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с дороги и вошел в лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лег на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды – спелые, мясистые, сочные. Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить.

Он подошел к пруду, наклонился над водой и весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

– Так мне и надо! – закричал бедный Мук. – У меня было в руках мое счастье, а я, как осел, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, все время ощупывая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук по привычке поднес руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

«Как же это могло случиться?» – подумал карлик. И вдруг он сразу все понял: первое дерево, с которого он поел ягоды,

наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог унести, и пошел обратно в страну жестокого короля. В ту пору была весна, и ягоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наполнил целую корзину ягодами с первого дерева и пошел к королевскому дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговок со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговок и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

– Ага, – сказал он, – вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушел. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потребовал завтрак. Он ел с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

– Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо еще впереди.

Все, кто был за столом, – придворные, принцы и принцессы, – напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо, полное спелых ягод, все в один голос воскликнули: «Ах!» – и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберег для себя – он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принялся их есть.

– Отец, отец, – вдруг закричала принцесса Амарза, – что сделалось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появилось такое же украшение.

– Доктора, доктора скорей! – закричал король. Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогали. Одному принцу даже сделали операцию – отрезали уши, но они снова отросли.

Дня через два Маленький Мук решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он купил себе большой черный плащ и высокий остроконечный колпак. Чтобы его совсем не могли узнать, он привязал себе длинную белую бороду. Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, карлик пришел во дворец и сказал, что может вылечить короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук предложил одному принцу попробовать его лечение. Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бросились к чудесному доктору. Но король опередил всех. Он молча взял карлика за руку, привел его в свою сокровищницу и сказал:

– Вот перед тобой все мои богатства. Бери что хочешь, только вылечи меня от этой ужасной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-скороходы. Он принялся ходить взад и вперед, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошел к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду. Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного скорохода.

– Злой король! – закричал Маленький Мук. – Так-то ты отплатил мне за мою верную службу? Оставайся же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко…

С тех пор Маленький Мук живет в нашем городе. Ты видишь, как много он испытал. Его нужно уважать, хоть с виду он и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я передал все это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

Якоб Гримм (1785–1863)
Вильгельм Гримм (1786–1859)

Бременские уличные музыканты

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен – он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, – видно, бежать устала.

– Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? – спрашивает ее осел.

– Ох, – отвечает собака, – стара я стала, что ни день, то все больше слабею, уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

– Знаешь что, – говорит осел, – я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдем вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

– Ну что, старина Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? – спрашивает его осел.

– Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, – отвечает кот, – стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, – вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

– Пойдем с нами в Бремен – ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они – сидит на воротах петух и кричит во все горло.

– Чего ты горло дерешь? – говорит осел. – Что с тобой приключилось?

– Да это я хорошую погоду предвещаю, – ответил петух. – Ведь нынче богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела

она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

– Вот оно что, петушок – красный гребешок, – сказал осел, – эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен – хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осел:

– Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

– Ну, осел, что тебе видно? – спросил петух.

– Да что, – ответил осел, – вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

– Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, – сказал петух.

– Да, да, если бы только нам туда попасть! – сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, наконец, нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привидение, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Поужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться – каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, все как будто спокойно, тогда говорит атаман:

– Нечего нам страху поддаваться, – и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно: он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

– Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четырем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

Госпожа Метелица

У одной вдовы было две дочери; одна была красивая и работящая, а другая – уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а другой приходилось исполнять всякую работу и быть в доме Золушкой.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

– Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

– Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю – я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

– Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла до последнего яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

– Милое дитятко, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете идти снег; я – госпожа Метелица.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к

госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у нее вдосталь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но наконец она поняла, что тоскует по родному дому, и, хотя ей было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

– Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх – к своим.

Госпожа Метелица сказала:

– Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. – Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и, когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

– Это тебе за то, что ты так прилежно работала, – сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец.

Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце:

Ку-ка-ре-ку!
Наша девица златая тут как тут.

И вошла она прямо в дом к мачехе; и оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха, и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услыхала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у нее тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

– Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю – я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

– Да что мне за охота пачкаться! – и пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне; и заговорила яблоня:

– Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!

Но ответила она яблоне:

– Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! – и двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у нее никакого страха – она ведь уже слыхала про ее большие зубы, – и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, – она все думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это наконец госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

– Это тебе в награду за твою работу, – сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!
Наша девушка-грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

Золотой гусь

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес – дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

– Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина – я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

– Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором, да угодил себе прямо в руку – пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

– Дам я тебе – мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

– Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

– Братья твои уже ходили, да только себе навредили, – куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

– Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

– Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки – я так голоден, и мне очень хочется пить.

Ответил Дурень:

– Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но, если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

– Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, я награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется. – Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он – сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота. Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни были три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

– Ради Бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними», – и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидал он такое шествие и говорит:

– Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? – И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

– Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить. – И он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как

тоже прилипли, – и стало их теперь семеро, бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

– Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

– Я могу в этом деле тебе помочь, – сказал Дурень. – Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба съесть.

Недолго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

– Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

– Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов; ну, тут лесной человек подошел и начал есть – и в один день вся

хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

– Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, – сказал он Дурню, – тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогой в лес: сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

– Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своей женой.

Сладкая каша

Однажды жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про ее горемычное житье и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» – и сварится в нем вкусная, сладкая пшенная каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» – и перестанет вариться в нем каша. Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» – и стала вариться в нем каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползет каша уже через край, и все варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползет каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь. Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» – перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проедать себе дорогу.

Три брата

Давным-давно жил на свете человек, было у него три сына, и все имущество его состояло из одного только домика, в котором он и жил. И хотелось каждому из сыновей после смерти отца получить этот дом, но отец любил всех троих одинаково и не знал, как ему поступить, чтобы никого из них не обидеть. А продавать дом он не хотел, потому что дом тот достался ему еще от прадедов; а то можно было его продать, а деньги между ними поделить. И вот надумал он, наконец, как ему поступить, и говорит своим сыновьям:

– Ступайте вы странствовать по белу свету, попытайте счастья, и пусть каждый из вас научится какому-нибудь ремеслу. А когда вернётесь домой, то дом получит тот, кто окажется лучшим мастером.

Сыновья этим решением остались довольны; и порешил старший из них стать кузнецом, средний – цирюльником, а младший – фехтовальщиком. Сговорились они о сроке, когда должны вернуться снова домой, и двинулись затем в путь-дорогу.

Случилось так, что каждый из них нашел себе опытного мастера, у которого он и мог хорошо выучиться ремеслу. Кузнецу пришлось подковывать королевских лошадей, и он подумал: «Ну, уж теперь дом я получу наверняка». Цирюльник брил всех знатных господ и тоже думал, что дом будет его. Фехтовальщик не раз получал удары, но он все это переносил терпеливо и духом не падал, думая про себя так: «Если ты будешь бояться ударов, то дома ты никогда не получишь». И вот пришел назначенный срок, и все они снова вернулись к своему отцу, но они не знали, как найти им случай, чтобы показать свое мастерство. Вот сидят они раз и между собой советуются. Сидят они и видят – бежит по полю заяц.

– Э-э, – говорит цирюльник, – а он кстати явился!

Взял он чашку и мыло, повертел помазком, взбил пену и, когда заяц подбежал ближе, намылил его на бегу и на бегу же выбрил ему бородку, и при этом не порезал его, и сделал все это так ловко, что не причинил ему никакой боли.

– Это мне нравится, – сказал отец, – если братья твои не превзойдут тебя в мастерстве, то дом будет твой.

А тут вскоре проезжала на полном ходу карета, и сидел в ней какой-то господин.

– Вот вы, батюшка, сейчас увидите, что я умею делать, – говорит кузнец.

Кинулся он вслед за каретой, сорвал у лошади на полном

ходу все четыре подковы и подбил ей тотчас на ходу четыре новых.

– Ты парень ловкий, – сказал отец, – дело свое ты исполняешь не хуже, чем твой брат; я уж и не знаю, кому мне дом отдать-то.

Тогда говорит третий:

– Дозвольте и мне, батюшка, доказать свое мастерство.

А тут как раз начал идти дождь. Вытащил он свою шпагу и стал ею размахивать над головой так, что ни одна капля не могла на него упасть; а когда дождь пошел еще сильнее и перешел, наконец, в ливень, и целые потоки уже лили с неба, стал он размахивать своей шпагой все быстрей и быстрей, и остался совершенно сухим, точно сидел он под крышей. Увидал это отец, диву дался и говорит:

– Ты показал самое большое мастерство, дом отдаю я тебе.

Братья, как и обещали друг другу, решением остались довольны, а так как они очень любили друг друга, то порешили жить в доме все вместе; и стали они заниматься каждый своим ремеслом – а делу были обучены хорошо, и мастера были опытные, вот и зарабатывали они много денег. Так жили они счастливо до самой своей старости все вместе, и когда один из них заболел и умер, то двое других стали о нем грустить, да так, что сами с горя заболели и вскоре умерли. А так как были они мастера опытные и крепко любили друг друга, то и похоронили их всех вместе в общей могиле.

Храбрый портняжка

Раз летним утром сидел портняжка на своем столе у окна, было ему весело, и шил он изо всех сил. А проходила по улице той крестьянка, выкрикивая: «Хорошее варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Приятно это было портняжке услышать, вытянул он свою хилую шею в окошко и крикнул:

– Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своею тяжелою корзиной к портному на третий этаж и стала все свои горшки перед ним развязывать. Он все их оглядел-осмотрел, каждый поднял, пригляделся, понюхал и сказал наконец:

– Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне, голубушка, четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

– Ну, да благословит Господь Бог это варенье! – воскликнул портной. – И да пошлет он мне бодрости и силы. – С этими словами он достал из шкафчика хлеб, откроил себе краюху и намазал ее вареньем.

– Оно будет, пожалуй, недурно, – сказал он, – но сперва закончу я куртку, а потом уж как следует и поем. – Положил он кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше, и на радостях стал он шить крупными стежками. А запах сладкого варенья между тем разнесся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почуяли это и целым роем слетелись на хлеб.

– Эй вы, кто вас сюда звал? – сказал портняжка и стал гнать непрошеных гостей. Но мухи немецкого языка не понимали, не слушались его, и налетело их еще больше. Тут у портняжки, как говорится, терпенье наконец лопнуло, он вышел из себя, кинулся, схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!», без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Взял он суконку, поглядел, сосчитал, и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь мух, убитых замертво. «Вот каков я молодец! – сказал он и сам удивился своей храбрости. – Надо, чтоб об этом весь город узнал». Тут выкроил портняжка наскоро пояс, сшил его и большими буквами вышил на нем: «Побил семерых одним махом». «Да что город, – продолжал он рассуждать дальше, – весь свет должен о том узнать», – и сердце его забилось от радости, точно бараний хвост.

И подпоясался портной поясом и собрался пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его

храбрости. Но прежде чем отправиться в путь-дорогу, стал по всему дому шарить, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашел он ничего, кроме головки старого сыра, и он взял ее с собой. У ворот увидал он птицу, поймал ее в кустах и тоже сунул заодно с сыром в карман. Затем он смело двинулся в путь-дорогу, – а был он легок да проворен и потому усталости не чувствовал. Путь привел его к горе, и когда взобрался он на самую вершину, то увидел он там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошел к нему, заговорил с ним и спросил:

– Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разглядываешь весь мир, привольный да широкий? Вот иду я странствовать по белу свету, хочу счастья своего попытать, не хочешь ли ты идти вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

– Эх ты, оборванец! Человек убогий!

– Как бы не так! – ответил портняжка, расстегнул свой кафтан и показал великану пояс: – Вот, можешь сам прочитать, что я за человек.

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» – и подумал, что речь-то идет о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать: вот взял он камень в руку и сдавил его так, что вода из него потекла.

– Вот и ты попробуй так же, – сказал великан, – если силы у тебя хватит.

– Это и все? – спросил портняжка. – Да это что – одна только забава. – И полез он в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал ее так, что сок стал из нее течь.

– Ну, что, – сказал он, – пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать, – он этого от человечка никак не ожидал. И поднял тогда великан камень и бросил его вверх, да так высоко, что он исчез из виду.

– Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

– Что ж, брошено хорошо, – сказал портной, – но камень, однако ж, снова на землю упал; а я вот брошу так, что он и назад не вернется. – И полез он в карман, достал птицу и подбросил ее вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

– Ну, а это как тебе, товарищ, нравится? – спросил портной.

– Бросать ты умеешь хорошо, – сказал великан, – но посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть. – И повел он портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и

сказал: – Если ты достаточно силен, то помоги мне вынести дерево из лесу.

– Ладно, – ответил маленький человек, – ты положи ствол к себе на плечи, а я подниму и понесу сучья да ветки, – это ведь будет куда потяжелей.

Взвалил великан ствол себе на плечи, а портной уселся на одну из веток, и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить все дерево, да в придачу еще и портняжку. И был портняжка весел и насвистывал песенку: «К воротам подъехало трое портных», словно тащить дерево было для него детской забавой.

Протащил великан тяжелую ношу недалеко, а дальше нести был не в силах и крикнул:

– Послушай, а дерево-то мне придется бросить!

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, точно он его сам нес, и сказал великану:

– Ты такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе; проходя мимо вишневого дерева, схватил великан его за верхушку, на которой висели самые спелые вишни, нагнул ее вниз, передал портному и стал его угощать. Но портняжка был слишком слаб, удержать дерева не смог, и, когда великан отпустил, оно поднялось, и портной взлетел вместе с ним вверх. Упал он благополучно на землю, а великан и говорит: «Что с тобой, неужто ты не в силах удержать этот маленький прутик?»

– Силы-то хватит, – ответил портняжка, – ты думаешь, что это что-нибудь значит для того, кто побил семерых одним махом? Это я прыгнул через дерево, ведь внизу охотники стреляют по кустам. А ну-ка, прыгни ты, если можешь.

Великан попробовал было, но через дерево перепрыгнуть он не смог и повис на ветвях, так что и тут портняжка одержал верх.

И сказал великан:

– Если уж ты такой храбрец, то пойдем вместе со мной в нашу пещеру, ты у нас переночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, а там сидят и другие великаны у костра, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый ее ест. Осмотрелся портняжка и подумал: «А здесь-то куда просторней, чем у меня в портняжной». Великан указал ему постель и сказал, чтоб он лег да как следует выспался. Но постель для портняжки была слишком велика, и он не лег на нее, а забрался в самый угол. Вот наступила полночь, и великан, думая, что портняжка спит глубоким сном, встал, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что кузнечика этого он

уже истребил. Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, а он вдруг выходит веселый и неустрашимый им навстречу. Тут великаны испугались и подумали, что он всех их перебьет, и второпях убежали.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и вот пришел наконец во двор королевского дворца и, почувствовав усталость, прилег на траву и уснул. В то время как он лежал, пришли люди, стали его разглядывать со всех сторон и прочли у него на поясе: «Побил семерых одним махом».

– Ох, – сказали они, – чего же хочет этот великий герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь могущественный человек. – Они пошли и объявили о том королю, думая, что на случай войны будет он здесь человеком важным и нужным и что отпускать его ни в коем случае не следует. Королю этот совет понравился, и он послал к портняжке одного из своих придворных, который должен был ему предложить, когда тот проснется, поступить к королю на военную службу. Посланец подошел к спящему, подождал, пока тот стал потягиваться и открыл глаза, и тогда уж изложил ему королевское поручение.

– Я за тем сюда и явился, – ответил портной, – что ж, я готов поступить к королю на службу. – Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение.

Но королевские воины отнеслись к портняжке плохо и желали его сбыть куда-нибудь подальше. «Да что из этого выйдет? – говорили они между собой. – Если мы с ним поссоримся, то он, чего доброго, на нас набросится и побьет семерых одним махом. Уж тут никто из нас против него не устоит». И вот порешили они так: отправились все вместе к королю и стали проситься в отставку.

– Где уж нам устоять, – сказали они, – рядом с таким человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится ему из-за одного терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться, чтоб больше его и на глаза не пускать. Но он не решился дать ему отставку: он боялся, что тот перебьет его, а заодно и придворных, а сам сядет на его трон. Долго он думал да раздумывал и наконец порешил сделать так. Он послал к портняжке и велел ему объявить, что как великому военному герою он хочет сделать ему некоторое предложение. В одном из лесов его королевства поселились два великана, что грабежами да разбоями, поджогами и пожарами великий вред учинили; и никто не осмеливается-де к ним приблизиться, не подвергаясь смертельной опасности. Если он этих двух великанов одолеет и убьет, то отдаст он ему свою единственную дочь в жены, а в

приданое полкоролевства; и поедут с ним сто всадников на подмогу. «Это было бы неплохо для такого, как я, – подумал портняжка, – заполучить себе в жены красавицу королевну да еще половину королевства в придачу, такое не каждый день выпадает на долю».

– О да, – сказал он в ответ, – великанов этих уж я покорю, а сотни всадников мне для этого и не надо: кто одним махом семерых побивает, тому двоих и бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехало следом за ним сто всадников. Подойдя к опушке леса, он сказал своим провожатым:

– Вы здесь оставайтесь, а я уж расправлюсь с великанами сам. – И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам. Вскоре увидал он двух великанов; они лежали под деревом и спали, и храпели при этом вовсю, так что ветки на деревьях качались.

Портняжка, не будь ленив, набил себе оба кармана камнями и взобрался на дерево. Долез он до половины дерева, взобрался на ветку, уселся как раз над спящими великанами и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долгое время ничего не замечал, но наконец проснулся, толкнул своего приятеля в бок и спросил:

– Ты что это меня бьешь?

– Да это тебе снится, – ответил он ему, – я вовсе тебя не бью. – И они снова улеглись спать; а портной взял камень и сбросил его на второго великана.

– Что это? – воскликнул второй. – Чем это ты в меня бросаешь?

– Ничем я в тебя не бросаю, – ответил первый и начал ворчать. Так ссорились великаны некоторое время, и когда оба от этого устали, они перестали ссориться и снова уснули. А портняжка начал свою игру снова: выбрал камень побольше и бросил его изо всей силы в грудь первому великану.

– Это уже слишком! – закричал тот, вскочил, как безумный, и как толкнет своего приятеля о дерево – оно так все и задрожало. Второй отплатил ему той же монетой, и они пришли в такую ярость, что стали вырывать с корнем деревья, колотить ими один другого, пока наконец оба не упали замертво наземь. Тут портняжка спрыгнул с дерева. «Счастье еще, – сказал он, – что не вырвали они того дерева, на котором я сидел, а то бы пришлось мне, пожалуй, перепрыгивать, точно белке, с одного дерева на другое, – ну, мы уж люди проворные!» Он вытащил свой меч и изо всей силы ударил и того и другого великана в грудь; вышел затем из лесу к всадникам и сказал:

– Дело сделано, прикончил обоих; однако пришлось мне трудненько: они, почуяв беду, целые деревья из земли вырывали,

чтобы защититься, но им это мало помогло, раз явился такой, как я, что семерых одним махом побивает.

– А вы не ранены? – спросили всадники.

– Обошлось благополучно, – ответил портной, – и волоса на голове не тронули. – Всадники не хотели ему верить и направились в лес. И увидали они там великанов, что плавали в собственной крови, а вокруг них лежали вырванные с корнем деревья.

И портняжка потребовал от короля обещанной ему награды, но тот уж и так раскаивался в своем обещании и стал снова придумывать, как бы это ему избавиться от такого героя.

– Прежде чем получить мою дочь в жены да половину королевства в придачу, – сказал он ему, – ты должен совершить еще одно геройское дело. Живет в лесу единорог, причиняет он большой вред, ты должен его поймать.

– Единорога я боюсь еще меньше, чем двух великанов; семерых одним махом – дело как раз по мне.

Взял он с собой веревку и топор, вышел в лес и велел людям, которые были даны ему на помощь, подождать его снова на опушке леса. Долго искать ему не пришлось; единорог вскоре явился и бросился прямо на портного, собираясь его тотчас насадить на свой рог.

– Потише, потише, – сказал портной, – так быстро дело не пойдет. – Он остановился и стал ждать, пока зверь подойдет к нему поближе, затем он проворно отскочил и спрятался за дерево. Единорог разбежался изо всех сил и вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что сил у него не хватило вытащить его снова, – так он и поймался.

– Теперь-то птичка у меня в руках, – сказал портной, вышел из-за дерева, накинул единорогу на шею веревку, затем отрубил топором рог, что застрял в дереве, и, когда все было в порядке, вывел зверя из лесу и привел его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требованье. Должен был портной ему для свадьбы поймать дикого кабана, что причиняет в лесу большой вред, и должны были помочь ему в том деле охотники.

– Ладно, – ответил портной, – это для меня все равно что детская забава. – Охотников с собою в лес он не взял, и остались они этим очень довольны, потому что дикий кабан не раз встречал их так, что у них и охота пропала за ним гоняться. Когда кабан заметил портного, он кинулся на него с пеной у рта и с оскаленными клыками, собираясь сбить его с ног; но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и тотчас выпрыгнул оттуда через окошко. Кабан вбежал за ним следом, а

портной обежал вокруг часовни да и захлопнул за ним дверь, – вот свирепый зверь и поймался, был он слишком тяжел и неловок, чтобы выпрыгнуть из окошка. Созвал портняжка охотников, чтобы те собственными глазами поглядели на пойманного зверя, а герой наш направился тем временем к королю, и как уж тому не хотелось, а сдержать свое обещанье пришлось, и отдал он ему свою дочь и половину королевства в придачу.

Знал бы он, что стоит перед ним не великий герой, а портняжка, было бы ему еще больше не по себе. И отпраздновали свадьбу с великой пышностью да малой радостью, и вот стал портной королем.

Через некоторое время услыхала ночью молодая королева, как супруг ее во сне разговаривает: «Малый, а ну, сшей ты мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином». Тут догадалась она, из какого переулка родом молодчик, рассказала она на другое утро о своем горе отцу и стала просить его, чтобы избавил он ее от такого мужа – ведь оказался он простым портным. Стал король ее утешать и сказал:

– В эту ночь ты своей опочивальни не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и когда он заснет, они войдут, свяжут его и отнесут на корабль, и будет он отвезен в дальние страны.

Королева осталась этим довольна, но королевский оруженосец, который все это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему обо всем замысле.

– С этим делом я управлюсь, – молвил портняжка.

Вечером лег он в обычное время в постель со своей женой; она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла снова в постель. А портняжка притворился, будто спит, и стал кричать громким голосом: «Малый, сшей ты мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увел из лесу единорога и поймал дикого кабана, – мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!» Услыхали слуги, что говорит портной, и напал на них великий страх, и убежали они прочь, будто гналось за ними по пятам яростное войско, и никто с той поры уже больше не отваживался тронуть портного.

И вот как был портняжка королем, так им на всю свою жизнь и остался.

Шарль Перро (1628–1703)

Кот в сапогах

Один мельник, умирая, оставил своим трем сыновьям наследство: мельницу, осла и Кота. С разделом недолго возились и обошлись без помощи суда, потому что судьи обобрали бы их до нитки.

Старший брат взял себе мельницу.

Второй – осла.

А младшему дали Кота.

Он был неутешен, что досталась ему такая дрянь.

– Братья, – говорил он, – могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, а мне, несчастному, когда я съем своего Кота и сошью из его шкуры рукавицы, придется умирать с голоду.

Только вдруг Кот, который слышал эти речи, но не подавал и виду, что их понял, и говорит спокойным, серьезным тоном:

– Не горюй, хозяин, а дай ты мне лучше мешок да закажи мне пару сапог, чтобы не больно было ходить по кустам. И увидишь, что ты не так обделен, как думаешь.

Владелец Кота не слишком поверил его обещаниям, но, вспомнив, что Кот мастер на разные хитрости (чтобы ловить мышей, например, он мог подвешиваться за лапы или прикидываться мертвым), подумал, что, может быть, Кот и в самом деле поможет ему в несчастье.

Когда Кот получил то, что он просил, он храбро надел сапоги, перекинул мешок через плечо, взял в передние лапки веревочки, которыми мешок задергивался, и пошел в лесок, где водилось много кроликов. В мешок он положил отрубей и травы. Растянувшись, как мертвый, Кот стал ждать, когда какой-нибудь молодой кролик, еще не искушенный в житейских проделках, сунется в мешок покушать брошенную туда приманку.

Едва он улегся, как уже мог праздновать победу. Молоденький глупый кролик вскочил в мешок, и Кот сейчас же и задернул веревочки.

Радуясь своей добыче, он пошел к королю и попросил аудиенции.

Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

– Государь, вот кролик. Господин маркиз Карабас (таким именем вздумалось Коту украсить своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика в подарок.

– Скажи своему барину, – отвечал король, – что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз Кот запрятался в пшеницу, опять со своим

мешком, и, когда туда зашли две куропатки, задернув веревочки, поймал их.

Потом он отнес свою добычу королю так же, как кролика. Король благосклонно принял и куропаток и приказал дать Коту на чай.

Таким образом Кот два или три месяца сряду носил королю дичь от имени своего хозяина. Вот однажды удалось ему узнать, что король собирается прокатиться по берегу реки с дочерью, самой хорошенькой принцессой на свете.

И говорит Кот хозяину:

– Если хочешь, послушайся моего совета и будешь тогда счастлив навеки. Ступай купаться, я укажу, в каком месте, а об остальном не заботься.

Маркиз Карабас послушался Кота, хоть и не понимал, для чего это нужно.

Вот плещется он в воде, а король едет мимо. Вдруг Кот как закричит:

– Помогите, помогите! Господин маркиз Карабас тонет!

Король высунулся из кареты на крик и, узнав Кота, который столько раз ему приносил дичь, приказал своим гвардейцам скорее бежать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот подошел к карете и доложил королю, что в то время, как его барин купался, мошенники унесли его платье, хоть он, Кот, и кричал «караул» изо всей силы. (А плут сам же спрятал платье под большой камень.)

Король сейчас же приказал смотрителям своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучший костюм.

Потом король принял маркиза со всеми почестями. Платье, которое ему принесли, подчеркивало его прекрасную фигуру (он был хорош собою и строен), и королевской дочери он очень понравился. Не успел маркиз Карабас бросить ей два-три почтительных взгляда и один немножко нежный, как она уже в него влюбилась.

Король пригласил его сесть в карету и прокатиться вместе.

Кот, радуясь, что намерение его начинает приходить в исполнение, побежал вперед. Попались ему крестьяне, косившие луг. Кот и говорит им:

– Эй вы, косари! Если вы да не скажете королю, что луг этот принадлежит господину маркизу Карабасу, смотрите у меня! Всех вас в порошок сотру!

Король действительно спросил косарей:

– Чей это луг?

– Господина маркиза Карабаса! – отвечали они во весь голос:

угроза Кота их напугала.

– У вас хорошее состояние, – заметил король маркизу Карабасу.

– Да, государь, – ответил маркиз, – этот луг дает мне весьма порядочный доход.

А Кот все бежит впереди. Встречаются ему люди на жатве, он и говорит им:

– Эй вы, жнецы! Если вы да не скажете, что все эти хлеба принадлежат господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок истолку!

Король, проезжая через несколько времени, пожелал знать, чьи это видны хлеба.

– Господина маркиза Карабаса! – отвечали жнецы.

И король порадовался этому вместе с маркизом.

А Кот все бежал впереди кареты и всем, кого только ни встречал, наказывал одно и то же.

Король был изумлен громадностью состояния господина маркиза Карабаса.

Наконец Кот прибежал в прекрасный замок, принадлежавший Людоеду, который обладал невиданными богатствами, ибо все земли, через которые ехал король, составляли угодья этого замка.

Кот, который заранее узнал о том, кто такой Людоед и какие за ним водятся таланты, попросил позволения представиться ему, говоря, что он не смел пройти мимо замка, не явившись к нему на поклон.

Людоед принял его так вежливо, как только Людоед может, и пригласил садиться.

– Сказывают, – начал беседу Кот, – что вы можете, например, превратиться в льва или слона?

– Это правда, – басом отвечал Людоед, – а чтобы показать тебе мое искусство, вот смотри, я стану львом.

Кот так испугался, видя перед собою льва, что вмиг забежал на крышу – не без труда и не без опасности из-за своих сапог, ведь в сапогах очень неудобно ходить по черепице.

Когда Людоед принял человеческий образ, Кот спустился с крыши и признался, что он был в большом страхе.

– Сказывают еще, – заговорил опять Кот, – но уж этому я не верю, – будто бы вы умеете обращаться и в самых маленьких зверьков, можете, например, превратиться в крысу или мышь? Откровенно скажу вам, я считаю это несбыточною вещью.

– Несбыточною? – заревел Людоед. – А вот увидишь.

И в ту же минуту он превратился в мышь, которая забегала по полу.

Кот как только ее увидел, так сейчас же бросился на нее и

съел.

Между тем король, заметив прекрасный замок Людоеда, пожелал в него войти.

Кот услышал стук экипажей по подъемному мосту, кинулся навстречу и говорит королю:

– Милости просим, ваше величество, в замок господина маркиза Карабаса.

– Как, господин маркиз! – вскричал король. – И замок этот принадлежит вам? Ничего не может быть красивее двора и строений! Посмотрим комнаты, если позволите?

Маркиз подал молодой принцессе руку и последовал за королем, который шел впереди. В большом зале их ожидала великолепная закуска, приготовленная Людоедом для своих приятелей, которые собирались навестить его в этот самый день, но не посмели войти, узнав, что в замке находится король.

Короля очаровали добрые качества господина маркиза Карабаса. Видя, каким маркиз обладает несметным богатством, король хватил пять-шесть стаканов вина, да вдруг и говорит:

– Не хотите ли, господин маркиз, быть моим зятем?

Маркиз не раздумывая согласился на такую большую честь и в тот же самый день обвенчался с принцессою.

Кот зажил большим барином и уж больше не ловил мышей, разве иногда для развлечения.

Красная Шапочка

Жила-была маленькая девочка. Была она скромная и добрая, послушная и работящая. Мать не могла нарадоваться, что у нее растет такая помощница: дочка помогала ей по хозяйству, а когда вся работа была сделана, читала матери что-нибудь вслух.

Всем нравилась эта милая девочка, но больше всех ее любила бабушка. Сшила она как-то из красного бархата шапочку и подарила ее внучке на именины.

Новая шапочка была девочке очень к лицу, и за то, что с того дня никакую другую она носить не хотела, люди прозвали ее Красной Шапочкой.

Однажды мать решила испечь пирог.

Замесила она тесто, а Красная Шапочка нарвала яблок в саду. Пирог вышел на славу! Посмотрела на него мать да и говорит:

– Красная Шапочка, ступай-ка навести бабушку. Положу я тебе в корзинку кусок пирога и бутылку молока, отнесешь это ей.

Обрадовалась Красная Шапочка, тут же собралась и отправилась к бабушке, которая жила на другом краю леса.

Мать вышла на крыльцо проводить девочку и стала ее напутствовать:

– С чужими, дочка, не разговаривай, с дороги не сворачивай.

– Не беспокойся, – ответила Красная Шапочка, попрощалась с матерью и отправилась через лес к дому, где жила бабушка.

Шла Красная Шапочка по дороге, шла, да вдруг остановилась и подумала: «Какие красивые цветы здесь растут, а я и не смотрю вокруг, как звонко птицы поют, а я словно и не слышу! Как же хорошо здесь, в лесу!»

Действительно, сквозь деревья пробивались солнечные лучи, на полянках благоухали прекрасные цветы, над которыми порхали бабочки.

И Красная Шапочка решила:

«Принесу-ка я бабушке вместе с пирогом еще и букет цветов. Ей, наверно, будет приятно. Еще ведь рано, я к ней всегда успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», – и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес.

Идет девочка по лесу, собирает цветы, поет песенку, вдруг навстречу ей злющий волк.

А Красная Шапочка вовсе его и не испугалась.

– Здравствуй, Красная Шапочка! – сказал волк. – Куда это ты собралась так рано?

– К бабушке.

– А что у тебя в корзинке?

– Бутылка молока и пирог, мы с мамой его испекли, чтобы порадовать бабушку. Она больная да слабая, пусть поправляется.

– Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

– Чуть подальше в лесу, под тремя большими дубами стоит ее домик.

– Счастливого пути тебе, Красная Шапочка, – пробормотал волк, а про себя подумал: «Славная девочка, лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но, чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он что есть духу помчался самой короткой дорогой к бабушкиному дому.

Идет Красная Шапочка по лесу, никуда не торопится, а серый волк уже стучится к бабушке в дверь.

– Кто там?

– Это я, Красная Шапочка, принесла тебе пирог и бутылку молока, открой мне, – ответил волк тонким голоском.

– Нажми на щеколду, – крикнула бабушка, – я очень слаба, подняться не в силах!

Нажал волк на щеколду, дверь отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старушку.

Затем волк надел ее платье, чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка все цветы собирала, и, когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней.

Подошла Красная Шапочка к домику бабушки, а дверь открыта. Удивилась она, зашла внутрь и крикнула:

– Доброе утро! – Но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит – лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она странно.

– Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши? – спросила Красная Шапочка.

– Чтоб лучше тебя слышать!

– Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

– Это чтоб лучше тебя видеть!

– Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

– Чтоб легче тебя обнять.

– Ох, бабушка, какой у тебя, однако, большой рот!

– Это чтоб легче было тебя проглотить!

Сказал это волк, вскочил с постели – и проглотил бедную

Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть.

Шел мимо охотник.

Услышал он доносившиеся из домика какие-то странные звуки и насторожился: не может быть, чтобы старушка так громко храпела!

Подкрался он к окошку, заглянул внутрь – а там в кровати волк лежит.

– Вот ты где, серый разбойник! – сказал он. – Я уже давно тебя разыскиваю.

Хотел охотник сначала застрелить волка, да передумал. Вдруг тот съел бабушку, а ее можно еще спасти.

Взял охотник тогда ножницы и вспорол брюхо спящему волку. Выбрались оттуда Красная Шапочка и бабушка – обе живые и невредимые.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила молока, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться.

Красная Шапочка же поняла, что всегда нужно слушаться старших и в лесу никогда не сворачивать с дороги.

Подарки феи

Жила когда-то на свете вдова, и были у нее две дочери. Старшая – вылитая мать: то же лицо, тот же характер, смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и старшая дочь, и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, злы, что все люди, и знакомые и незнакомые, старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца – добрая, приветливая, кроткая, да к тому же еще и красавица, каких мало.

Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла ее работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был, по крайней мере, в двух часах ходьбы, и приносить оттуда большой, полный доверху кувшин воды.

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

– Пейте на здоровье, тетушка, – сказала добрая девушка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтоб удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков воды и сказала девушке:

– Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память. (Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про нее рассказывают.) Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадет с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить ее за то, что она замешкалась у источника.

– Простите, матушка, – сказала бедная девушка. – Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ ее упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

– Смотрите-ка! – сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления. – Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга… Что это с тобой приключилось, дочка? (Первый раз в жизни она назвала свою меньшую тоже дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всем, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так

и сыпались при этом с ее уст.

– Ну, если так, – сказала мать, – надо мне послать к источнику и старшую дочку… А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиться.

– Ну вот еще! Охота мне тащиться в этакую даль! – отвечала злючка.

– А я хочу, чтобы ты пошла! – прикрикнула на нее мать. – И сию же минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

– Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиться? – сказала девушка дерзко. – Ну конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А впрочем, мне все равно. Пейте, если хотите…

– Однако вы не очень-то любезны, – сказала спокойно фея. – Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвется с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать кинулась к ней навстречу:

– Это ты, доченька? Ну как?

– А вот так, матушка! – буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

– Ах, боже мой! – вскрикнула мать. – Да что же это такое? Откуда?.. А, знаю! Это твоя сестра во всем виновата. Ну, поплатится же она у меня!.. – И она кинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил ее молодой принц, сын короля этой страны.

Возвращаясь с охоты, он нашел в чаще прекрасную девушку и, подивившись ее красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чем так горько плачет.

– Ах, сударь, – ответила красавица, – матушка прогнала меня из дому!..

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в нее. К тому же он рассудил, что дар, которым фея наделила красавицу, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увез девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Ну а старшая сестра с каждым днем становилась все противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала ее из дому. Несчастная нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

Спящая красавица

Жил-был король с королевой, и были они бездетны. Это их так огорчало, так огорчало, что и рассказать нельзя. Пили они всякие воды, обеты давали, ходили на богомолье, что ни делали, ничего не помогало. Однако королева-таки забеременела и родила дочь.

Справили богатые крестины. В крестные матери позвали всех волшебниц, какие только жили в королевстве (счетом их нашлось семь), для того, чтобы, по обычаю тогдашних волшебниц, каждая из них сделала маленькой принцессе какой-нибудь посул и чтобы таким образом принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестив принцессу, вся компания возвратилась в королевский дворец, где для волшебниц приготовили роскошное угощение. За прибором каждой из них положили великолепный футляр чистого золота, в котором находились ложка, вилка и ножик, усыпанные бриллиантами и рубинами. Уже садились за стол, как вдруг в зал вошла старая колдунья, которую не приглашали, потому что она уже больше пятидесяти лет не показывалась из своей башни и все считали ее умершею или очарованною.

Король приказал поставить и ей прибор, но неоткуда было взять для нее, как для других волшебниц, футляр из чистого золота, потому что таких футляров заказывали всего лишь семь, по числу семи приглашенных крестных. Старая карга вообразила, что это сделано ей в насмешку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна из молодых волшебниц, сидевшая возле старухи, услышала ее бормотание. Сообразив, что колдунья может сделать маленькой принцессе какой-нибудь недобрый посул, тотчас после обеда она пошла и спряталась за пологом кровати, для того чтобы говорить после всех и таким образом иметь возможность поправить зло, которое наделает колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессе свои посулы. Самая младшая пообещала, что она будет красивее всех на свете; вторая – что она будет умна, как ангел; третья – что она будет мастерица на все руки; четвертая – что она будет отлично танцевать; пятая – что голос у нее будет соловьиный, а шестая – что она с большим искусством будет играть на всяких инструментах.

Когда черед дошел до старой колдуньи, та затрясла головою (больше от злости, чем от старости) и сказала, что принцесса проткнет себе руку веретеном и от этого умрет. От такого

ужасного предсказания все гости затрепетали, и никто не мог удержать свои слезы.

Но тут молодая волшебница вышла из-за занавесок и громко произнесла:

– Успокойтесь, король с королевою! Дочь ваша не умрет! Правда, не в моей власти вовсе отменить то, чем пригрозила старая колдунья: принцесса проткнет себе руку веретеном. Но она не умрет от этого, а только заснет глубоким сном, который продолжится сто лет. Тогда придет молодой королевич и ее разбудит.

Однако, несмотря на это обещание, король со своей стороны попробовал устранить беду, напророченную колдуньей. Для этого он сейчас издал указ, которым под страхом смертной казни за неисполнение запретил всем и каждому в королевстве употреблять веретено или даже просто держать веретено у себя в доме.

Лет этак через пятнадцать или шестнадцать король с королевою поехали в свой увеселительный замок. Там принцесса, бегая по комнатам и поднимаясь с одного этажа на другой, взобралась раз под самую крышу, где – видит она – сидит в каморке старушонка и крутит веретено. Эта добрая старушка и слыхом не слыхала, что король наложил на веретено строгое запрещение.

– Что ты, бабушка, делаешь? – спросила принцесса.

– Пряду, дитятко, – отвечала старушка, которая ее не знала.

– Ах, как это славно! – сказала опять принцесса. – Как же это ты прядешь? Дай-ка, милая, посмотреть, может быть, и я тоже сумею?

Но как только она веретено взяла, так сейчас же руку им себе и проткнула и упала без чувств.

Старушонка перепугалась и давай кричать. Со всех сторон сбежались люди, стали брызгать принцессе в лицо водою, расшнуровывать ее, хлопать в ладони, тереть ей виски уксусом – нет, в себя принцесса не приходит. Тогда король, который тоже пришел на шум, вспомнил пророчество волшебниц и, увидев, что судьбы не минуешь, когда ее волшебницы предсказали, приказал положить принцессу в самом лучшем покое дворца на кровать из парчи, золота и серебра.

Точно ангел лежала принцесса, так была она красива, ибо обморок не испортил цвета ее лица: щеки были алые, губки, как кораллы. Только глазки закрылись… Но ровное дыхание доказывало, что она жива. Король приказал не тревожить сон принцессы, пока не придет ей час проснуться.

Когда с принцессой приключилась эта беда, добрая

волшебница – та, что спасла ей жизнь, заменив смерть столетним сном, – находилась в некотором царстве, в далеком государстве, верст тысяч за сорок оттуда, но ей сию же минуту принес известие карлик в семимильных сапогах (это были такие сапоги, которые отхватывали по семи миль каждым взмахом). Волшебница тотчас пустилась в дорогу и через час приехала в замок на огненной колеснице, запряженной драконами.

Волшебница одобрила все приказания короля, но так как она видела далеко вперед, то рассудила, что, проснувшись через сто лет, принцесса будет очень недовольна, если она очутится одна-одинешенька в старом замке. Поэтому волшебница вот так распорядилась.

Она коснулась своею волшебной палочкою всех, кто находился в замке (кроме короля с королевой), коснулась статс-дам, фрейлин, горничных, придворных, офицеров; коснулась дворецких, поваров, поварят, казачков, гвардейцев, швейцаров, пажей, камер-лакеев; коснулась также лошадей в конюшне с конюхами, больших дворцовых собак и Шарика, маленькой принцессиной собачки, которая лежала возле нее на кровати.

Как только она их коснулась, так все сразу и заснули, и все должны были проснуться вместе со своей госпожой, чтобы служить ей, когда ей понадобятся их услуги. Даже вертелы в печи, унизанные куропатками и фазанами, и те заснули, и огонь тоже. Все это исполнилось в одну минуту: волшебницы умеют хорошо колдовать.

Тогда король с королевой, расцеловав свою милую дочь, вышли из замка и приказали, чтобы никто не смел подходить к нему близко. Впрочем, это и не нужно было приказывать, ибо через четверть часа вокруг замка выросло столько больших и маленьких деревьев, столько перепутанного между собою шиповника и терновника, что ни человек, ни зверь не могли бы сквозь них пробраться. Замок совсем спрятался за этим лесом, виднелись одни верхушки башен, и то издалека. По видимости, и это устроила все та же добрая волшебница, чтобы сон принцессы не тревожили праздные зеваки.

Через сто лет после того сын короля, который правил тогда королевством и происходил из другой фамилии, охотился в этой стороне и, увидав из-за густого леса верхушки башен, спросил, что это такое? Все отвечали ему по-своему. Один говорил, что это старый замок, где водится нечистая сила, другой уверял, что здесь ведьмы празднуют шабаш. Большинство утверждало, что здесь живет людоед, который хватает маленьких детей и затаскивает их в свою берлогу, где и ест их без опаски, ибо ни один человек не может за ним погнаться, только он один умеет

пройти через лес дремучий.

Королевич не знал, какому слуху верить, как вдруг подходит к нему старый крестьянин и говорит:

– Принц-королевич! Годов тому с хвостиком пятьдесят слышал я от своего батюшки, что в замке том лежит принцесса красоты неописанной, что будет она там сто лет почивать, а что через сто лет разбудит ее суженый, молодой королевич.

От таких речей молодой королевич возгорел пламенем. Подумалось ему, что он-то и должен решить судьбу принцессы. И, жаждая любви и славы, захотел он сейчас же попытать счастья.

Как только он подошел к лесу, так все большие деревья, шиповник и терновник сами раздвинулись, давая ему дорогу. Он направился к замку, который виднелся в конце большой аллеи, куда он и вступил. Удивительным показалось королевичу, что никто из свиты не мог за ним следовать, ибо как только он прошел, так деревья сейчас и сдвинулись по-прежнему. Однако же он продолжал идти вперед: молодой да влюбленный королевич ничего не боится. Скоро добрался он до большого двора, где все представлялось взору в ужасном виде: везде тишина, везде лежат люди и животные… Однако, вглядевшись в красные носы и в пунцовые рожи швейцаров, королевич догадался, что они не умерли, а только уснули. И не совсем опорожненные стаканы с вином показывали, что заснули они за чаркой. Оттуда пошел королевич во второй двор, выложенный мрамором: поднялся по лестнице, вошел в караульный зал, где в два ряда стояла гвардия с ружьями на плечах. Прошел он множество комнат, в которых лежа и стоя спали придворные кавалеры и дамы. Наконец вступил в позолоченный покой и увидел на кровати с раздернутым пологом прекраснейшее зрелище: принцессу не то пятнадцати, не то шестнадцати лет и прелести ослепительной, небесной.

Королевич приблизился в смущении и, любуясь, стал возле девушки на колени. В эту самую минуту зароку пришел конец. Принцесса проснулась и, смотря на него таким ласковым взором, какого нельзя бы и ожидать от первого свидания, сказала:

– Это вы, принц-королевич? Как же долго я вас ждала!

В восхищении, королевич не знал, как выразить свою радость и благодарность. Речи его были бессвязны, оттого они и пришлись принцессе по сердцу: чем меньше красных слов, тем больше любви. По всей вероятности, добрая волшебница, в продолжение ее долгого сна, приготовила ее к свиданию приятными сновидениями. Так или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у них на сердце.

Тем временем все во дворце очнулись вместе с принцессой и

принялись за свои дела. А так как спали они долго, то всем захотелось кушать. Старшая статс-дама, тоже голодная, как и все, громко доложила принцессе, что обед готов.

А после обеда, чтобы не терять времени, старший капеллан обвенчал их в дворцовой церкви.

Цакариас Топелиус (1818–1898)

Зимняя сказка

Вбольшом дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли рядом две огромные сосны. Они были такие старые, такие старые, что никто, даже седой мох, не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками. Отовсюду были видны их темные вершины, высоко поднимавшиеся над чащей леса. Весной в густых ветвях старых сосен пел веселые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили лес.

Зимняя буря с шумом проносилась по чаще, сметала с веток снег, обламывала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твердо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий – это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке ютилась хижина, крытая дерном, и двумя маленькими оконцами глядела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой. У них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшой огород. Вот и все их богатство. А зимой крестьянин работал в лесу – рубил деревья и возил бревна на лесопильню, чтобы скопить несколько монет на молоко и масло.

У крестьянина и его жены было двое детей – мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку – Сильвия.

И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем, латинском языке значит «лес».

Однажды – это было зимой – брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверек или птица.

И верно, в один силок попался белый заяц, а в другой – белая куропатка. И заяц и куропатка были живы, они только запутались лапками в силках и жалобно пищали.

– Отпусти меня! – пролопотал заяц, когда Сильвестр подошел к нему.

– Отпусти меня! – пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда еще они не

слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

– Давай-ка и вправду отпустим их! – сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась осторожно распутывать силки.

Едва только заяц почуял свободу, как со всех ног поскакал в глубь леса. А куропатка полетела прочь так быстро, как могли нести ее крылья.

– Подопринебо!.. Подопринебо все сделает, о чем вы ни попросите! – крикнул заяц на скаку.

– Просите Зацепитучу!.. Просите Зацепитучу!.. И все у вас будет, чего только не захотите! – прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

– Что это они говорили? – сказал наконец Сильвестр. – Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

– И я никогда не слыхала таких странных имен, – сказала Сильвия. – Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронесся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

– Ну что, дружище, стоишь еще? – спросила одна сосна у другой. – Еще держишь небо? Недаром ведь лесные звери прозвали тебя – Подопринебо!

– Стою! Держу! – загудела другая сосна. – А ты как, старина? Все воюешь с тучами? Ведь и про тебя не зря говорят – Зацепитучу!

– Что-то слабею я, – прошелестело в ответ. – Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

– Грешно тебе жаловаться! Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет. Ты еще дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста восемьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

– Смотри, вон возвращается ветер, – прошептала сосна – та, что была помоложе. – Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споем с тобой про далекую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чем вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню…

– Да, нам с тобой есть о чем вспомнить, есть о чем порассказать, – сказала сосна – та, что была постарше, – и тихонько заскрипела. – Давай-ка поговорим с этими детьми. – И одна ее ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

– О чем это они хотят с нами поговорить? – сказал Сильвестр.

– Лучше пойдем домой, – шепнула Сильвия брату. – Я боюсь

этих деревьев.

– Подожди, – сказал Сильвестр. – Чего их бояться! Да вон и отец идет!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

– Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно! – сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну – ту, что была постарше, – но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

– Батюшка, – стал просить Сильвестр, – не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

– Батюшка, и эту не тронь! – просила Сильвия. – Ее зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку…

– Чего только ребята не выдумают! – засмеялся крестьянин. – Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз уж вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошел дальше, в глубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, чтобы услышать, что скажут им эти лесные великаны.

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно крутил мельничные крылья, что искры от жерновов дождем сыпались во все стороны. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

– Вы спасли нам жизнь! – говорили сосны Сильвестру и Сильвии. – Просите же теперь у нас все, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

– Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

– Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! – сказала Сильвия. – Тогда и птицы снова запоют в лесу…

– Ах, что за безрассудные дети! – зашелестели сосны. – Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и слава – все было бы у вас!.. А вы просите то, что случится и без вашей просьбы. Но ничего не поделаешь, надо выполнить ваши желания. Только мы сделаем это по-своему… Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошел ты, на что бы ни

взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твое желание, Сильвия, исполнится: куда бы ты ни пошла, о чем бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет цвести весна и таять холодный снег.

– Ах, это больше, чем мы хотели! – воскликнули Сильвестр и Сильвия. – Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки. А теперь прощайте! – И они весело побежали домой.

– Прощайте! Прощайте! – зашумели вслед им старые сосны.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и – странное дело! – в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца, сверкая на ветках, словно золото.

– Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! – крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обе стороны тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко в синеве неба послышалась первая песня жаворонка.

– Ах, как весело! – воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее светило солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

– Мне светит солнце! – закричал Сильвестр, вбегая в дом.

– Солнце всем светит, – сказала мать.

– А я могу растопить снег! – закричала Сильвия.

– Ну, это каждый может, – сказала мать и засмеялась.

Но прошло немного времени, и она увидела, что в доме что-то неладно. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них все блестело от яркого солнца. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это еще не все! Зиме конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своем насесте принялся петь во все горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

– Послушай, отец, – сказала жена, – боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

– Вот еще что придумала! – сказал крестьянин. – Ты лучше послушай, мать, какую новость я принес. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город прибудут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

– Что ж, я не прочь, – сказала жена. – Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед санями (хотя все небо было обложено низкими тучами), а березки кругом покрывались почками и зеленели (хотя мороз был такой, что птицы замерзали на лету).

Когда сани въехали на городскую площадь, народу там было уже видимо-невидимо. Все с опаской посматривали на дорогу и тихонько перешептывались. Говорили, что король и королева остались недовольны своей страной: куда ни приедешь – повсюду снег, холод, пустынные и дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всем виноват его народ, и собирался как следует всех наказать.

Про королеву рассказывали, что она очень замерзла и, чтобы согреться, все время топает ногами.

И вот наконец вдалеке показались королевские сани. Народ замер.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей. Король сидел, сердито нахмурив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам – туда-сюда – и весело рассмеялся, совсем так, как смеются все люди.

– Взгляните-ка, ваше величество, – обратился он к королеве, – как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо… Мне почему-то даже стало весело.

– Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать, – сказала королева. – Впрочем, мне тоже стало как будто веселее.

– Это, вероятно, потому, что ваше величество хорошо выспались, – сказал король. – Но, однако, эта пустынная страна очень красива! Посмотрите, как ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются вдалеке. Положительно, это прелестное место! Я прикажу построить здесь дворец.

– Да-да, непременно надо построить здесь дворец, – согласилась королева и даже на минуту перестала топать ногами. – Вообще здесь совсем не плохо. Повсюду снег, а деревья и кусты покрываются зелеными листьями, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь, чтобы лучше разглядеть короля и королеву. Сильвестр вертелся во все стороны – поэтому солнце

так и сверкало вокруг; а Сильвия болтала, ни на минуту не закрывая рта, – поэтому даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

– Что это за милые дети? – спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. – Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

– Послушайте, – сказала королева, – вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

– Благодарим вас, ваше величество, – сказала Сильвия, – но мы лучше останемся дома.

– Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей, – сказал Сильвестр.

– А нельзя ли их тоже взять во дворец? – спросила королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

– Нет, это невозможно, – ответили Сильвестр и Сильвия. – Они растут в лесу. Их зовут Подопринебо и Зацепитучу…

– Что только не придет в голову детям! – воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что даже королевские сани запрыгали на месте.

Король приказал распрягать лошадей, а каменщики и плотники принялись тотчас строить новый дворец.

Как ни странно, на этот раз король и королева были ко всем добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем по золотой монете. А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок крендель, который испек сам королевский булочник! Крендель был такой большой, что четверка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, которые были на площади, и все-таки остался еще такой большой кусок, что он едва поместился на санях. На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

– А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

– Это про колдовство-то? – сказал крестьянин. – Пустое!

– Да посуди сам, – не унималась жена, – где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказали? Уж поверь мне, тут не обошлось без

колдовства!

– Все это бабьи выдумки! – сказал крестьянин. – Просто дети у нас хорошие – вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были веселы и приветливы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Все вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось.

Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели весенние птицы.

Вскоре Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия – королевской садовницей.

Ни у одного короля ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада. Да и немудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушаться его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них все цвело так, что любо было смотреть!

* * *

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих друзей.

В лесу бушевала буря, в темных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню…

Но не успели они допеть свою песню, как внутри стволов что-то затрещало, заскрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей – триста девяносто три года. Что же тут удивительного, что ветры наконец их осилили!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мертвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И так много их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Давно уже я ничего не слышал о Сильвестре и Сильвии. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными

дарами всех детей, что живут на свете? Может быть, и так.

Недавно, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка. И сразу в сером, тусклом небе словно замелькал луч солнца, все кругом посветлело, на хмурых лицах прохожих появилась улыбка…

Вот тогда среди зимы и наступает весна. Тогда и лед начинает таять – на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди расцветают розы, а под высоким сводом неба поют веселые жаворонки.

Кнут-музыкант

Жил на свете мальчик по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком – и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки – это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода все время сосет под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать ее в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепешки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, ее тоже хватало ненадолго – весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберешь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на теплые вареные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десяток – и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул.

– Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! – весело залилась дудочка.

Кнут дунул еще раз, и дудочка жалобно затянула:

– Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела:

– Баю-бай! Баю-бай!

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, по никакой другой песенки она не знала.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды. В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина

Петермана!» – подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, как назло, не клевала.

После вчерашней бури море было неспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна – самая большая, самая высокая – подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

– Кнут, не нашел ли ты дудочку морской царевны? Она поет только три песенки. Когда она поет: «Тра-ла-ла!» – все смеются; когда она поет: «Баю-бай!» – все засыпают; когда она поет: «Ой-ой-ой!» – все плачут.

– Вот как! – сказал Кнут. – Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашел ее, но теперь-то уж ни за что не отдам. Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что – нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся ее разглядывать.

– Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела:

– Баю-бай! Баю-бай!

И вот – не прошло и минуты – у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, корюшка и прочая быстрохвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь на волнах. И уж столько ее было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» – подумал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но, когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикие утки, гуси, лебеди и другие незваные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу.

Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки.

– Хватай! Хватай! – кричали они наперебой так, что было слышно на полмили вокруг.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орел. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

– Вот я вам покажу, воры! – закричал он и, схватив полную

пригоршню камней, стал швырять в птиц.

Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы все равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но тут со стороны залива ударил выстрел, потом еще и еще. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду и так же, как рыбы, покачивались на волнах.

Скоро почти все птицы были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетелись в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями.

Сегодня охотники были очень довольны. Еще бы! Такой охоты у них в жизни еще не было!

– А, это ты, Кнут! – крикнул господин Петерман. – Как это тебе удалось подманить столько птицы?

– Да я вовсе не подманивал этих птиц, – сказал Кнут. – Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку!

– Видно, ты очень искусный музыкант, – сказал господин Петерман. – С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-Музыкант.

– Что ж, я согласен, – сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-Музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Маттсон.

– Послушай, Кнут-Музыкант, – сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу, – что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

– На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? – весело сказал Кнут.

– Пожалуй, ты прав, – согласился господин Петерман. – Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь, если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырех, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай – я не люблю ждать.

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – я приду ровно в четыре.

А сам подумал: «Тому, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать до четырех часов».

Наконец лодка, нагруженная дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошел домой.

– Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? – спросила бабушка.

– Наловить-то я ничего не наловил, а видеть – много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

– Плохо дело, Кнут! – сказала бабушка. – Сегодня на обед у

нас только и есть что четыре картофелины, две салаки и пол-ломтя хлеба.

– Пусть все это останется вам, бабушка, – сказал Кнут. – Я сегодня дома не обедаю. Господин Петерман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

– Смотри только не ходи через Киикальский лес, Кнут, – сказала бабушка. – Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее – идти берегом.

– Берегом очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

– Ну иди как знаешь. Да не думай о еде, а то еще больше захочется есть.

– Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики, – сказал Кнут и отправился в путь.

«Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!» – думал Кнут, и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку, которая вела прямо в Киикальский лес.

«Существительные бывают собственные и нарицательные… Что сие значит?» – спрашивал самого себя Кнут, пробираясь лесной чащей.

Но он еще не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького, сухонького старичка, который изо всех сил толкал тележку, нагруженную железными листами.

– А, здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! – сказал старичок. – Что это с тобой? Ты очень похудел!

– Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут-Музыкант?

– А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

«Это удивительно, – подумал Кнут. – Ведь даже я не знал еще сегодня утром, что меня зовут Кнут-Музыкант».

– Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? – снова спросил Кнут старичка. – Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

– Что ж, помоги, если хочешь, Музыкант, – сказал старичок.

Кнут налег на тележку, и они двинулись дальше в глубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

– Ну вот мы и дома, – сказал он. – Пойдем со мной, Кнут, и я угощу тебя на славу за то, что ты помог мне дотащить тележку.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку», – подумал Кнут и вслед за стариком полез в расселину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока

наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок – все тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

– Неужели вы здесь живете? – спросил Кнут.

– Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король, – сказал старичок. – И завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому позаботиться о моем сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами.

– Но, если я не ошибаюсь, вы привезли какое-то железо, – сказал Кнут.

– Не какое-то, мой мальчик, а листовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой железной руды. Листовое железо – мое самое любимое кушанье, особенно если его раскалить добела. Ну-ка признавайся, приходилось тебе когда-нибудь есть листовое железо, да еще раскаленное добела?

– Что-то не припомню, – ответил Кнут.

– Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! – сказал горный король. – Смотри, вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые. Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскаленного железа.

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – но я бы предпочел кусок свежевыпеченного хлеба и миску простокваши.

– Посмотрите-ка на него! – воскликнул горный король. – Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полезай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

– Нет уж! В печь я не полезу. Не очень-то приятно сгореть там, как щепка!

– Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулся он из рук старика и бросился бежать.

К счастью, он сразу нашел выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать ее с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевел дух.

«А ведь бабушка недаром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес», – подумал Кнут, шагая тропинкой. И, чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила

грамматики:

«Существительные бывают собственные и нарицательные… Что сие значит?»

Между тем в лесу становилось все холоднее и холоднее.

«Что сие значит?» – с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперек дороги высилась огромная снежная гора.

«Вот так штука! – подумал Кнут. – Среди лета – зима!..»

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалился в глубокую яму.

Когда Кнут поднялся на ноги, ни леса, ни тропинки не было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце. Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами из сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звездами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан – прямой, неподвижный, окоченевший. Борода у него была из ледяных сосулек, халат – из тонкого хрустящего льда, а башмаки – из замерзшего ягодного сока.

– Здравствуй, Кнут-Музыкант! – сказал великан. – Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

– Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка каленого железа, – ответил Кнут, стуча зубами от холода.

– И все-таки не следует горячиться, молодой человек, – сказал великан. – Я – снежный король и от всех своих подданных требую хладнокровия. Поэтому-то из них и получаются настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар… Эй, Снежное Чучело! Окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок – пусть промерзнет хорошенько!

– Постойте! – закричал Кнут. – Я и так уже промерз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

– Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, Снежное Чучело! – приказал великан. – Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришел бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул ее в рот и стал дуть изо всех сил.

– Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! – заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилось – не то от злости, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но почему-то ни с того ни с сего ему захотелось смеяться. Смех так и разбирал его. И чем

больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что сосульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже покатились со смеху и катались до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам чуть не смеялся, но все-таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не прекратился в огромный сугроб… Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда-то понес…

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лесной тропинке. Снег растаял, по всему лесу зашумели ручьи. Опять вернулось лето.

«Теперь буду глядеть в оба», – подумал Кнут, пробираясь лесом.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зеленую полянку. Тут было столько земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

«Пожалуй, не случится большой беды, если я полакомлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырех», – подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляникой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.

«Ну и дела! – подумал Кнут. – В этом лесу, кажется, все заколдовано, даже земляника».

Он наклонился к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки – эльфы. Ростом они были не выше кустиков земляники, и все – в красных юбочках и красных шапочках.

А на зеленой кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

– Здравствуй, здравствуй, Кнут-Музыкант! – сказала королева. – Так это ты распугал весь мой народ?

– Прошу простить меня, ваше величество, – сказал Кнут, кланяясь королеве, – но я принял ваших подданных за спелую землянику.

– Бедный мальчик! – воскликнула королева. – Ты, наверно, очень голоден?

– Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме каленого железа и замороженной ртути! – сказал Кнут.

– Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, – согласилась королева эльфов и, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: – Дайте ему маковую росинку и комариную ножку! Пусть бедняга хоть раз

поест досыта.

– Благодарю вас, – сказал Кнут. – Но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

– Ну и грубиян ты! – воскликнула королева. – Мало того, что ты явился в мое королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты еще смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они обступили Кнута со всех сторон и принялись опутывать его паутиной.

Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не смог сделать ни шагу, как будто его спеленали. Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он как подкошенный свалился в траву.

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда еще эльфы так не веселились! Они прыгали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нем, щекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

– Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! – пищали они ему в самое ухо.

«Плохо мое дело», – подумал Кнут.

И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

– Послушайте, маленькие эльфы, – взмолился Кнут, – для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника! Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Потому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили ее сначала вверх по руке Кнута, потом по его плечу, потом по шее, до самого подбородка. Тут они разом взялись за нее, подняли и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать вокруг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в нее легонько, и дудочка жалобно запела:

– Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

И сразу на полянке затих веселый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь. Кнут, хоть и не видел

ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие веселые существа так горюют.

– Послушайте, – сказал наконец Кнут, – если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас. А не освободите – так вечно и будете лить слезы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот наконец Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид!

Но все-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии еще разок пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула:

– Ой-ой-ой!..

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он еще раз дунул в дудочку, и громкая, веселая песня зазвучала над поляной.

– Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! – заливалась дудочка.

Что тут сделалось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе. Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

– Ну, мне пора идти, – сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. – До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

«С горным королем, со снежным королем и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?..» – думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошел не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

«А что, если я съем несколько ягодок? – подумал Кнут. – Кажется, это самая обыкновенная морошка – не ходит, не говорит, не плачет и не смеется».

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей. Раздвигая густые, мохнатые ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг – он так и обмер от страха – ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землей, зацепившись за ветку.

– Кто это осмелился потревожить меня после обеда? – хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. – А, это ты, Кнут-Музыкант! Ты что же, не знаешь, где находишься? Я – королева

леса. На семь миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикой, непроходимой чащи.

Стараясь говорить как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

– Что! Морошки? – зашумела ель. – Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу тебе дать семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

– Благодарю вас, – сказал Кнут, – но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек меда.

– Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, мой верный орел! Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на верхушке ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел спрыгнуть вниз, но не тут-то было – колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то легкое прикосновение – словно кузнечик пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил к нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше его самого.

– Играй! – сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута.

Кнут сжал дудочку губами и дунул в нее.

– Баю-бай! Баю-бай! – протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и, наконец, что-то бормоча о невежах, которые помешали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте…

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через деревья, поваленные сном, и вышел на проселочную дорогу.

Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шагу. Но как он ни спешил, а все-таки к обеду

опоздал.

Когда Кнут вошел в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку. Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который ее подстрелил, и повара, который ее зажарил.

– Добро пожаловать, Музыкант! – сказал господин Петерман, увидев Кнута. – Что же ты опоздал к обеду?

– Как же мне было не опоздать, когда я уже четыре раза был на званых обедах и отведал каленого железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! – весело сказал Кнут.

– Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! – воскликнул господин Петерман. – Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! – И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. – А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, – добавил господин Петерман для утешения, – поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

«Пожалуй, это будет потруднее, чем есть каленое железо и замороженную ртуть», – подумал Кнут. Но вслух сказал:

– Извольте! Если вам так хочется, я поиграю. – Он вытащил дудочку и легонько дунул в нее.

– Ой-ой-ой! – грустно затянула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слезы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

– Ой-ой-ой! – протяжно пела дудочка.

– Знаешь что, Кнут, – громко всхлипывая, сказал господин Петерман, – лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень веселая… – И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

– Ну что ж, если вы просите, я, так и быть, составлю вам компанию, – сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слезы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чем не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная. Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать гораздо веселее! Поэтому Кнут поспешил домой. Но свое слово он сдержал и принес бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две

мили.

И все-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.

Сампо-лопаренок

Жили-были когда-то лопарь и лопарка, муж и жена. А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут? Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на севере – севернее, чем шведы, норвежцы и финны. Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь: как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солнце, и тогда ночью, так же как днем, совсем светло. А потом полгода длится непрерывная ночь, и тогда даже днем на небе сверкают звезды.

Зима там тянется долгих десять месяцев – почти весь год, – а на весну, лето и осень остается всего только два месяца.

Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они – и взрослые и маленькие – где угодно проедут в своих небольших, легких, похожих на лодочки санях.

И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя?

Он напоминает низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога.

И, когда олень бежит, кажется, будто ветер проносится по горам и холмам, взметая снежные тучи.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: надо взять несколько длинных, тонких жердей, воткнуть их в снег, потом верхние концы жердей связать вместе и покрыть оленьими шкурами. Вот и все. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а чум.

Вверху оставляют небольшое отверстие – оно заменяет в чуме печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивается наружу.

Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие – оно служит дверью, через него можно забраться в чум и выбраться из него.

Вот как живут лопари! Вот какая это страна!

А теперь начнем сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена, лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Тено-йоки.

Место это пустынное и дикое, но лопарю и его жене оно

очень нравилось. Они были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звезд и такого красивого северного сияния, как в Аймио.

Здесь они построили себе чум.

Чум получился очень хороший – так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В нем было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу.

У лопаря и лопарки был маленький мальчик, которого звали Сампо. Но у него было еще другое имя.

Вот как это получилось.

Однажды к чуму подъехали какие-то чужие люди в огромных, неуклюжих шубах. Они привезли твердые белые кусочки снега. Такого снега лопари никогда раньше не видели. Этот твердый снег назывался сахаром. Он был очень вкусный и очень сладкий. Приезжие люди дали несколько кусочков сладкого снега Сампо, потрепали его по щеке и сказали: «Лопаренок! Лопаренок!» Больше они ничего не могли сказать, потому что никто из них не умел говорить по-лапландски. Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они, – Лопаренок.

Но старому лопарю это было не по душе.

– Разве Сампо плохое имя? – говорил он с досадой. – По-моему, это самое красивое имя. И оно еще принесет нашему сыну счастье и богатство. Вот увидишь, старуха, наш Сампо будет когда-нибудь первым человеком в Лапландии, повелителем пятидесяти чумов и хозяином тысячи оленей.

– Очень может быть, – говорила лопарка. – Но, по-моему, и Лопаренок неплохое имя.

И она называла сына Лопаренком, а отец называл его Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопаренком.

Сампо-Лопаренок был крепкий, коренастый мальчуган. У него были черные волосы, черные глаза и маленький вздернутый нос. Словом, он как две капли воды походил на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопаренку было всего семь лет, но не всякий и в пятнадцать бывает таким смелым и ловким. У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он, не задумываясь, съезжал с самого крутого холма, и свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свои собственные сани.

Ты бы видел, какой поднимался снежный вихрь, когда Сампо несся на своем олене по высоким сугробам! Вниз – вверх! Вверх – вниз! Маленького Лопаренка совсем не было видно, и только изредка в снежных облаках мелькала прядка его черных волос.

– Нехорошо, что мальчик ездит один куда ему вздумается, – сказала как-то мужу старая лопарка. – Того и гляди, на него нападут в горах волки или, еще того хуже, Золоторогий Олень. Не было еще человека, который мог бы справиться с Золоторогим Оленем.

Сампо-Лопаренок слышал все, что говорила мать, и сразу решил, что уж кто-кто, а он-то справился бы с Золоторогим Оленем.

– Вот бы мне такого оленя! – воскликнул Сампо-Лопаренок. – На нем, наверно, даже на Растекайс можно взобраться!

А надо тебе сказать, что Растекайс – самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии и ее голая вершина видна далеко кругом.

– Перестань болтать глупости! – прикрикнула лопарка на сына. – Растекайс – пристанище всякой нечистой силы. Там живет сам Хийси.

– Хийси? А кто это такой? – спросил Сампо-Лопаренок.

«Ничего-то он не пропустит мимо ушей, – подумала старая лопарка. – Пожалуй, не нужно было говорить ему про Хийси… А может, это и к лучшему! Не мешает немного припугнуть его, чтобы отбить охоту ездить на Растекайс. Очень уж он смелый!»

И она сказала:

– Хийси – это горный король, страшный, злой великан. Целый олень для него все равно что для нас один кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает сразу пригоршнями. Я бы не советовала тебе взбираться на Растекайс.

Сампо ничего не сказал. Но про себя подумал: «Вот бы посмотреть на этого Хийси! Издали, конечно!»

Было самое темное время года – ни утра, ни дня, ни вечера, всегда бесконечная ночь, всегда светит луна, всегда горят звезды, и на темном небе полыхает северное сияние.

Сампо так давно не видел солнца, что даже забыл, какое оно, солнце.

А когда отец и мать говорили о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы съесть его живьем.

«Пусть бы совсем не было лета, – думал Сампо, – только бы стало немного светлее! А то в темноте так трудно ходить на лыжах!»

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына:

– Поди-ка скорей сюда, Сампо, я хочу тебе показать кое-что.

Сампо выполз из чума.

– Посмотри вон в ту сторону, – сказал отец и показал рукой

на юг.

Далеко-далеко, на самом краю неба, Сампо увидел узенькую красную полоску, очень похожую на красноватые отблески северного сияния.

– Знаешь ли ты, что это такое? – спросил лопарь.

– Это южное сияние, – ответил Сампо.

Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

– Нет, – сказал старый лопарь, – это не южное сияние. Это предвестник солнца. Завтра или послезавтра оно взойдет. Да ты только погляди, как красиво освещена вершина Растекайса!

Сампо повернулся на запад: мрачная, темная вершина Растекайса алела, точно выкрашенная красной краской. И он снова подумал:

«Ах, как хорошо было бы посмотреть сейчас на великана Хийси! Издали, конечно!»

Но он ничего не сказал.

Весь этот день и полночи Сампо-Лопаренок только и думал о великане Хийси. Он даже не мог спать.

«Если бы хоть раз увидеть горного короля! Один только раз!»

Он думал и думал и наконец потихоньку выбрался из-под оленьих шкур и выполз из чума.

Мороз стоял такой, что все вокруг так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага.

Но Сампо-Лопаренок холода не боялся. На нем была меховая куртка, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы.

А когда на тебе такой наряд, никакой мороз не страшен!

Сампо-Лопаренок стоял около чума и смотрел на звезды, которые яркими огнями горели в небе.

И вдруг он услышал, как его маленький олень скребет копытом снег.

«А если я немного покатаюсь?» – подумал Сампо-Лопаренок.

Он так и сделал – запряг оленя в свои санки и помчался по огромному пустынному снежному полю.

«А не поехать ли мне в сторону Растекайса? – опять подумал Сампо. – Конечно, на самую гору я не буду взбираться, а только посмотрю, какая она вблизи».

Решено – и сделано.

Сампо-Лопаренок погнал своего оленя через замерзшую реку. С берега – вниз, на лед! А потом – вверх, на другой берег! А потом все дальше и дальше на запад, туда, где высится темная вершина Растекайса…

Веселая это была езда! С холма на холм, все вперед и вперед!

У Сампо даже в ушах свистело. Копытца оленя дробно постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы двигались навстречу.

И вдруг – раз! – сани перевернулись, и Сампо-Лопаренок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, бежал все дальше, а Сампо даже не мог крикнуть: «Тпрру!» – потому что рот у него был забит снегом (правда, так кричат, чтобы остановить лошадь, а не оленя, но это неважно).

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопаренок выкарабкался из сугроба.

Сначала все происшествие показалось ему даже забавным. И в этом нет ничего удивительного: он был цел и невредим и совсем не ушибся.

Сампо-Лопаренок огляделся по сторонам.

Всюду снег, снег, снежные поля, снежные горы… Одна гора была выше всех, и Сампо догадался – это Растекайс. Длинная черная тень от нее падала на снег.

Вот здесь, на этой горе, живет злой великан Хийси. Целый олень для него – то же, что для нас кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает пригоршнями.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопаренку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы, в теплом чуме, около отца с матерью!

Но как добраться до дому? Ведь, пока он будет искать дорогу, горный король увидит его и проглотит, словно жалкого, маленького комара.

Сампо-Лопаренок даже заплакал от страха.

Но посуди сам; стоит ли плакать, если слезы сразу же замерзают и, точно горошины, скатываются по мохнатой куртке? Сампо-Лопаренок подумал и решил, что не стоит, тем более что мороз с каждой минутой прохватывал его все сильнее и ему приходилось приплясывать на месте, чтобы не замерзнуть. А какие же могут быть слезы, когда пляшешь!

Скоро Сампо-Лопаренок немного согрелся и повеселел.

«Пойду-ка я к горному королю, – подумал он. – Если он захочет меня съесть – что ж, пусть ест. Конечно, было бы гораздо приятнее, если бы он съел волков, которые здесь рыщут. Они пожирнее, чем я, да и, кроме того, на мне ведь столько всего надето – и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги, – а у волка всего одна шкура!»

И Сампо-Лопаренок смело зашагал к Растекайсу. Он уже был у самого подножия горы, как вдруг услышал, что кто-то за его спиной тихо ступает по снегу.

Сампо-Лопаренок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный косматый волк.

Маленькое сердечко Сампо забилось сильнее, но он и виду не показал, что испугался.

– Эй, не вздумай съесть меня! – крикнул он волку. – Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И, если тебе дорога шкура, советую не трогать меня!

– Ну-ну, потише! – сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить по-человечьи). – Кто ты такой?

– Меня зовут Сампо-Лопаренок. А ты кто такой?

– Я вожак волчьей стаи его величества горного короля, – ответил волк. – Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и созывал подданных короля на праздник ночи. Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину, я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопаренок не стал долго раздумывать. Он вскочил на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

– Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говорил? – спросил по дороге Сампо.

– Неужели ты не знаешь? – удивился волк. – Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на Севере. Они сходятся сюда для того, чтобы проститься с ночью. И, пока длится этот праздник, никто никого не смеет обижать. Таков закон его величества горного короля Хийси. Потому-то я и не съел тебя. Твое счастье, Сампо-Лопаренок, что мы встретились в такой час, а то от тебя давно не осталось бы даже косточки.

– А что, горный король тоже никого сейчас не трогает? – спросил Сампо-Лопаренок.

– Ну конечно, – ответил волк. – Никто, даже сам король, не посмеет тронуть тебя. Целый час на Растекайсе царит мир. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росомахами… Но плохо тебе придется, если ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысяча медведей набросятся на тебя. А если ты даже уйдешь от них, тебе все равно не уйти от горного короля.

– Милый волк, не будешь ли ты таким добрым и не поможешь ли мне вовремя выбраться отсюда? – робко спросил Сампо-Лопаренок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

– Даже не надейся на это, мой дорогой Сампо! – сказал он. – Признаюсь тебе по совести, я первый схвачу тебя за горло. Я вижу, что ты неплохо откормлен, и я с удовольствием съем тебя на завтрак, когда праздник кончится.

«Не лучше ли мне вернуться назад?» – подумал Сампо.

Но было слишком поздно. Они уже взобрались на самую вершину Растекайса.

Так вот он какой, этот горный король! Сампо глядел на него во все глаза.

Горный король сидел на троне из каменных скал и свысока посматривал на своих подданных.

На голове у него была шапка из снежного облака.

Глаза у него были как две полные луны.

Его нос был похож на горную вершину.

Его рот был как расселина в скале.

Его борода была как застывший водопад.

Его руки были длинные и толстые, как стволы горных сосен.

Его пальцы были цепкие, как еловые ветви.

Его ноги были как утесы.

Его шуба была как снеговая гора.

Вот какой был горный король Хийси!

А если ты спросишь – неужели Сампо-Лопаренок мог в ночной темноте разглядеть горного короля? – я тебе отвечу: снег внизу так блестел, а вверху в небе играло такое яркое северное сияние, что все было видно, будто днем.

Возле горного короля толпились тысячи гномов и троллей.

Ты знаешь, какие они?

С головы до пят они совсем серые: у них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые щеки, серые руки, серые ноги… И они такие маленькие, что следы их ног на снегу легко принять за беличьи.

Сейчас гномы и тролли собрались на вершину Растекайса со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод, – с Новой Земли и Шпицбергена, из Исландии, из Гренландии и даже с Северного полюса. Все они очень боялись солнца и были бы рады, если бы солнце никогда не всходило. Раз уж оно зашло за пустынные горы, пусть там и остается!

Немного поодаль от королевского трона выстроились все звери – большие и маленькие, – какие только водятся в Лапландии: тут были свирепые медведи и коварные волки, хитрые росомахи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие оленьи блохи. Только комары не явились на праздник – они так замерзли, что не могли даже шевельнуть крылышками.

Сампо-Лопаренок слез потихоньку со спины волка и спрятался за высоким выступом скалы. Отсюда ему было все отлично видно, а его самого не видел никто.

Вот горный король тряхнул головой – и сразу в синем ночном небе еще сильнее заполыхало северное сияние. Оно охватило весь

небосвод длинными бледно-красными лучами. В воздухе послышался треск и гудение, словно загорелся лес и огонь с шумом взбегал по стволам сосен. Северное сияние то разгоралось, то угасало, то ярко вспыхивало, то бледнело, как будто ветер порывами проносился над снежными горами.

Горный король был очень доволен. Он ударил в ладоши, и в ответ ему загрохотали глухие раскаты горных обвалов, а эхо повторило их в глубоких ущельях.

Гномы и тролли завизжали от радости, а звери завыли от страха.

И вдруг над землей раздался громовой голос горного короля:

– Солнце не смеет больше показываться! Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

И послушное эхо повторило его слова:

– Так будет! Так должно быть!..

Гномы и тролли страшно обрадовались.

– Да здравствует вечная тьма и вечный холод! – кричали они изо всех сил. – Так хочет король! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были, пожалуй, согласны, чтобы вечный мрак и вечная тьма царили на земле. Горные крысы были того же мнения. А северные олени и другие звери ничего не имели против лета, хотя лапландские комары порядком изводили их в летние месяцы.

Что же касается маленькой оленьей блохи, то она решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

– Как же так? – пропищала блоха и подпрыгнула повыше, чтобы все ее видели. – Как же так? Ведь мы собрались здесь, на Растекайсе, чтобы проститься с ночью…

– Замолчи, жалкая тля! – заревел белый медведь. – Сегодня у нас праздник не такой, как всегда! Сегодня у нас будет настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдет! Солнце погасло! Солнце умерло!

– Солнце погасло! Солнце умерло! – завыли волки, и даже ледяные горы и каменные скалы содрогнулись от ужаса.

А тролли и гномы с Северного полюса принялись прыгать и хлопать в ладоши.

И снова над пустынной землей прогремел голос горного короля:

– Знайте все – солнце погасло! Солнце умерло! Все живое на земле будет теперь поклоняться мне – королю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопаренок не мог выдержать – он вышел из своего убежища и, задрав голову, крикнул:

– Ты лжешь, горный король! Ты лжешь! Солнце не умерло! Я

сам видел вчера на небе его гонцов! Солнце взойдет! И твоя борода растает, как только солнечные лучи покажутся над землей. Вот увидишь!

Это была неслыханная дерзость. Горный король весь потемнел от гнева. Черные снежные тучи сошлись над его головой.

– Кто ты такой? Как смеешь ты со мной спорить? – страшным голосом спросил горный король.

– Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду? – сказал Сампо-Лопаренок. – А если ты хочешь знать, как меня зовут, – изволь, я скажу тебе: отец зовет меня Сампо, а мать…

Но горный король не дослушал его:

– Для того чтобы проглотить тебя, мне достаточно знать, как зовет тебя отец!

И, забыв свой собственный закон, горный король протянул огромную ручищу, чтобы раздавить Сампо-Лопаренка.

Но тут вдруг северное сияние померкло и яркий красный луч ударил прямо в ледяное лицо горного короля.

Горный король зажмурился и опустил руку.

И тогда все увидели, что золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землей.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех больших и маленьких зверей и храброго Сампо-Лопаренка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца. И всем почему-то стало весело. Даже тролли и гномы с Северного полюса, которые больше всех хотели, чтобы солнце умерло, и те вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они все время отворачивались от солнца, но это было одно притворство. И дело кончилось тем, что на радостях они стали кувыркаться и ходить вверх ногами.

Даже горный король со страхом заметил, что у него самого оттаивает сердце. Но – что было еще хуже – начала таять его борода, и скоро она быстрыми ручьями побежала по его снеговой шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, – никто об этом не думал, даже Сампо-Лопаренок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детенышу:

– Пойдем, сын мой! Пора! Надо скорее уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопаренок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю

минуту.

Он поглядел по сторонам – олени уже почти все ушли.

И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Недолго думая, Сампо-Лопаренок вскочил на него верхом, и они понеслись во весь дух вниз по крутому склону горы.

В другое время Золоторогий Олень ни за что не позволил бы человеку сесть к себе на спину, но сейчас он не обратил на это никакого внимания.

– Что это за топот слышен позади нас? – спросил Сампо-Лопаренок, когда они были на середине горы.

– Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы растерзать нас на куски, – ответил Золоторогий Олень. – Но не бойся, еще ни одному медведю не удавалось схватить меня за копыто!

И он мчался через обрывы и пропасти – все вперед и вперед.

– Кто это так громко пыхтит позади нас? – спросил Сампо-Лопаренок, когда они были у самого подножия горы.

– Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьем, – ответил Золоторогий Олень. – Но не бойся, еще не было на земле волка, который бы догнал меня! – И он понесся так быстро, что его копыта едва касались земли.

– Что это за гром гремит позади нас? – опять спросил Сампо-Лопаренок. – Может быть, это горы обвалились?

– Нет, – ответил Золоторогий Олень, и каждая жилка у него задрожала. – Это сам горный король шагает своими семимильными шагами вдогонку за нами. Теперь мы пропали. От него никто не может уйти!

– Милый Золоторогий Олень, давай спрячемся где-нибудь, – сказал Сампо-Лопаренок.

– Нет, – ответил Золоторогий Олень, – от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем добежать до озера, где стоит домик школьного учителя, – мы спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

– Да разве школьный учитель сильнее горного короля? – удивился Сампо-Лопаренок. – Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

– Это верно, – сказал Золоторогий Олень. – Но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, поэтому-то он и сильнее его.

– Так мчись же, мой добрый Золоторогий Олень, скорее мчись по горам и долам, и, когда мы вернемся домой, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Но Золоторогого Оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого – не бежал, а летел.

Вот уже показался домик учителя…

Одним прыжком Золоторогий Олень перемахнул через ограду, ударом копыта открыл дверь и без сил упал на пороге…

Едва только дверь захлопнулась, как горный король уже бушевал во дворе. Он так колотил по стенам и крыше, что казалось, весь домик сейчас разлетится в щепы.

А учитель как ни в чем не бывало подошел к двери и спокойно спросил:

– Кто там стучит?

– Ты еще спрашиваешь, кто стучит? – закричал горный король. И от его страшного голоса затряслась земля, а домик пошатнулся. – Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, который посмел спорить со мной! Отдавай мне его! Я его сейчас проглочу!

– Ах, ваше величество, вам придется немного подождать, – вежливо сказал учитель. – Я должен надеть свой парадный костюм и повязать галстук, чтобы достойно встретить такого высокого гостя.

– Ладно уж! – прогремел горный король. – Да смотри поторапливайся, а не то я тебя тоже проглочу, хоть ты и без галстука!

– Нет-нет, как можно, ваше величество! – воскликнул учитель. – Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопаренка к себе и тихо спросил:

– Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

– А я никогда раньше и не бывал в школе, – ответил Сампо-Лопаренок. – Я живу на берегу реки Тенойоки.

– Как же ты попал сюда? – удивился учитель.

– Видите ли, я был на вершине Растекайса, – сказал Сампо-Лопаренок, – и мы с горным королем поспорили. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдет, а я сказал, что оно непременно взойдет! И я был прав. Но все-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

– Это, конечно, несправедливо, – сказал учитель. – А скажи мне, как тебя зовут?

– Мать зовет меня Лопаренком, а отец…

Но в это время стены домика опять зашатались.

– Ну, скоро ли ты будешь готов? – прогремел горный король.

– Сейчас, сейчас, ваше величество! – ответил учитель.

А сам подошел к печке, которая почти совсем погасла, и подбросил несколько поленьев. Пламя мигом вспыхнуло, и жаркий огонь загудел в трубе.

– Эй, ты! – заревел горный король. – Советую тебе

поторопиться, а не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занес ногу над крышей, но сразу же отдернул, потому что из трубы посыпались искры и великан так обжег себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась и вышел учитель.

Шея у него была повязана самым лучшим – в красную горошину – галстуком, а в руках у него была яркая лампа. Он поднял лампу как можно выше и почтительно сказал:

– Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать.

Но горный король не дал ему кончить.

– Как ты смеешь светить мне в глаза – мне, королю вечного мрака! – закричал великан и покрепче зажмурился. – Где мальчишка? Я спрашиваю: где мальчишка, который осмелился со мной спорить? Его зовут Сампо.

– Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. – И он еще выше поднял лампу.

– Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной! – загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся лампы, то открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушел, можно сказать, прямо у него из-под рук.

Тут уж горный король разбушевался не на шутку. Он топал ногами, тряс головой и в конце концов разразился такой метелью, что в один миг весь домик был занесен снегом до самой крыши. Только кончик трубы высовывался еще наружу, но скоро и его не стало видно…

Когда горный король решился приоткрыть глаза, кругом был мрак, холод и снег…

– Ну-ка теперь поспорь со мной! – закричал горный король и, прихрамывая, зашагал к себе на Растекайс.

С тех пор никто никогда не встречал горного короля. Видно, он не решается больше спускаться с вершины Растекайса.

А наутро взошло солнце, снег растаял, и маленький домик учителя снова стоял как ни в чем не бывало. Сампо-Лопаренок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свои сани. Сампо-Лопаренок запряг в них Золоторогого Оленя, и они помчались к берегам реки Тенойоки, домой, к родным местам.

Старый лопарь и лопарка уж и не надеялись увидеть сына живым. Маленький олень давно вернулся один, с пустыми санями. Как же тут было не подумать, что Сампо-Лопаренка съели

волки!

– Вот, отец, – говорила старая лопарка, утирая слезы, – хоть и назвал ты нашего сына Сампо, а не принесло ему это счастья…

– Это ты отпугнула от него счастье, – говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. – Не называла бы ты его другим именем, так и не случилось бы с ним беды…

Зато и обрадовались же они, когда Сампо-Лопаренок, живой и невредимый, подкатил к чуму, да еще на Золоторогом Олене!

– Видишь, жена, – сказал старый лопарь, – не зря все-таки назвал я нашего сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый!

– А разве я что говорю! – согласилась лопарка. – Только, по-моему, и Лопаренок хорошее имя. Да что имя! Был бы он хорошим человеком, так и счастье свое найдет!

И она по-прежнему называла сына Лопаренком, а отец называл его Сампо.

И снова они зажили все вместе.

Золоторогий Олень тоже остался у них. Правда, Сампо-Лопаренок кормил его простым овсом из деревянных яслей, но Золоторогому Оленю очень нравилось и это угощение.

А когда Сампо вырос и стал умным и храбрым, как школьный учитель, он сделал своему другу серебряные ясли и каждый день засыпал в них зерно чистого золота.

Но это уже совсем другая история, и о ней ты услышишь в другой раз.

Солнечный Луч в ноябре

Муравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца.

Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щелочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении. Потом хорошенько укрепить все входы и выходы на случай вражеского нападения.

Потом расчистить все муравьиные дорожки, чтобы на них не осталось ни одного сухого листка, ни одной иголки.

И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное – следить за облаками, чтобы не пропустить приближения зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки – а их на свете 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй-ка напиши это число! Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтильона 18 квадрильонов 400 триллионов 520 миллиардов 880 миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем – семь миллионов застывших капель, семь миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядшие стебельки трав и деревья оделись в темные, печальные платья, и только сосны и ели остались и своих зеленых шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры – резвые сыновья воздуха – сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою грустную песню, пока наконец сами не заснули под твердым ледяным покровом.

Всюду было холодно, пасмурно, печально…

И вдруг в это ненастное время блеснул Солнечный Луч. Он пробился сквозь темную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьев, на все 94 квинтильона букашек, жуков, пауков – сколько их в точности, я уже позабыл, – и в одно мгновение все кругом изменилось.

– Что это? – с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: «Осень пришла, я слышу свист бури…» Голос у него был хриплый, скрипучий, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

– Это ни на что не похоже! – снова сказал филин. – Я даже начинаю фальшивить. Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

– Это никуда не годится! – говорили они с возмущением.

Они с большим трудом только что кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул Солнечный Луч, и все жемчужины начали таять.

– Нет, это никуда не годится! – ворчали муравьи. – Убирали, убирали, и вот опять всюду слякоть и грязь!

Но, пока они ворчали, Солнечный Луч уже побежал дальше.

Он скользил по черной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок. Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумертвый от голода и холода.

«Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето», – подумал кузнечик, пригретый Солнечным Лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый Солнечный Луч как будто летел на трепещущих крыльях все дальше и дальше.

Вот он скользнул по замерзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что наточенными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно – то одной ногой, то другой – пробовали лед.

– Не нужно ли кого-нибудь согреть? – спросил Солнечный Луч.

– Нет, нет! – закричали ребята. – Нам и так жарко!

– Только, пожалуйста, лед не растопи! На коньках кататься так весело!

– Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, – сказал Солнечный Луч.

Около поникшей печальной березы он снова остановился.

– О чем ты горюешь? – спросил Солнечный Луч. – Может быть, я могу утешить тебя?

– Нет, – ответила береза, – меня не надо утешать. Ведь я знаю, что, когда придет весна, я снова зазеленею и стану еще лучше, еще красивее прежнего.

И Солнечный Луч опять побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и увидел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

– Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? – спросил Солнечный Луч.

– Да, да, как раз ты мне и нужен! – обрадовалась девочка. – Я посадила весной миртовый отросточек. Все время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

– Ну, этому горю легко помочь, – сказал Солнечный Луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слезы.

– До свидания! Весной я вернусь опять! – сказал на прощание Солнечный Луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но все-таки он не утерпел и заглянул еще в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где все было перевернуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате суетилась старушка и в десятый раз перекладывала все с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

– Вот они! – весело воскликнул Солнечный Луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

– Ах, да вот же они! – обрадовалась старушка. – Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Все тогда идет на лад!

А Солнечный Луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжелые, черные тучи уже затянули все небо, и только в одном месте оставалась щелочка, через которую Солнечный Луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый, – в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись, и темная завеса опустилась над землей.

Но Солнечный Луч не унывал – он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал свое путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.

Оскар Уайльд
(1854–1900)

Великан-эгоист

Каждый день, возвращаясь из школы, дети, как повелось, заходили в сад Великана поиграть. Это был большой красивый сад, и трава там была зеленая и мягкая. Из травы тут и там, словно звезды, выглядывали венчики прекрасных цветов, а двенадцать персиковых деревьев, которые росли в этом саду, весной покрывались нежным жемчужно-розовым цветом, а осенью приносили сочные плоды. На деревьях сидели птицы и пели так сладко, что дети бросали игры, чтобы послушать их пение.

– Как хорошо нам здесь! – радостно кричали дети друг другу.

Но вот однажды Великан вернулся домой. Он навещал своего приятеля – корнуэльского Великана-людоеда и пробыл у него в гостях семь лет. За семь лет он успел поговорить обо всем, о чем ему хотелось поговорить, ибо был не слишком словоохотлив, после чего решил возвратиться в свой замок, а возвратившись, увидел детей, которые играли у него в саду.

– Что вы тут делаете? – закричал он страшным голосом, и дети разбежались.

– Мой сад – это мой сад, – сказал Великан, – и каждому это должно быть ясно, и, уж конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть. И он обнес свой сад высокой стеной и прибил объявление:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН.
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ.

Он был большим эгоистом, этот Великан. Бедным детям теперь негде было играть. Они попробовали поиграть на дороге, но там оказалось очень много острых камней и пыли, и им не понравилось там играть. Теперь после школы они обычно бродили вокруг высокой стены и вспоминали прекрасный сад, который за ней скрывался.

– Как хорошо нам было там, – говорили они друг другу.

А потом пришла Весна, и повсюду на деревьях появились маленькие почки и маленькие птички, и только в саду Великана-эгоиста по-прежнему была Зима. Птицы не хотели распевать там своих песен, потому что в саду не было детей, а деревья забыли, что им пора цвести. Как-то раз один хорошенький цветочек выглянул из травы, но увидел объявление и так огорчился за детей, что тут же спрятался обратно в землю и заснул. Только Снегу и Морозу все это очень пришлось по душе.

– Весна позабыла прийти в этот сад, – воскликнули они, – и

мы теперь будем царить здесь круглый год!

Снег покрыл траву своим толстым белым плащом, а Мороз расписал все деревья серебряной краской. После этого Снег и Мороз пригласили к себе в гости Северный Ветер, и он прилетел. С головы до пят он был закутан в меха и целый день бушевал в саду и завывал в печной трубе.

– Какое восхитительное местечко! – сказал Северный Ветер. – Мы должны пригласить в гости Град.

И тогда явился и Град. Изо дня в день он часами стучал по кровле замка, пока не перебил почти всей черепицы, а потом что было мочи носился по саду. На нем были серые одежды, а дыхание его было ледяным.

– Не понимаю, почему так запаздывает Весна, пора бы уж ей прийти, – сказал Великан-эгоист, сидя у окна и поглядывая на свой холодный, белый сад. – Надеюсь, погода скоро переменится.

Но Весна так и не пришла, не пришло и Лето. Осень принесла золотые плоды в каждый сад, но даже не заглянула в сад Великана.

– Он слишком большой эгоист, – сказала Осень. И в саду Великана всегда была Зима, и только Северный Ветер да Снег, Град и Мороз плясали и кружились между деревьев.

Однажды Великан, проснувшись в своей постели, услышал нежную музыку. Эта музыка показалась ему такой сладостной, что он подумал, не идут ли мимо его замка королевские музыканты. На самом-то деле это была всего лишь маленькая коноплянка, которая запела у него под окном, но Великан так давно не слышал пения птиц в своем саду, что щебет коноплянки показался ему самой прекрасной музыкой на свете. И тут Град перестал выплясывать у него над головой, и Северный Ветер прекратил свои завывания, а в приотворенное окно долетел восхитительный аромат.

– Должно быть, Весна все-таки пришла наконец, – сказал Великан, выскочил из постели и глянул в окно.

И что же он увидел?

Он увидел совершенно необычайную картину. Дети проникли в сад сквозь небольшое отверстие в стене и залезли на деревья. Они сидели на всех деревьях. Куда бы Великан ни бросил взгляд – на каждом дереве он видел какого-нибудь ребенка. И деревья были так рады их возвращению, что сразу зацвели и стояли, тихонько покачивая ветвями над головками детей. А птицы порхали по саду и щебетали от восторга, и цветы выглядывали из зеленой травы и улыбались. Это было очаровательное зрелище, и только в одном углу сада все еще стояла Зима. Это был самый укромный уголок, и Великан увидел там маленького мальчика.

Он был так мал, что не мог дотянуться до ветвей дерева и только ходил вокруг него и горько плакал. И бедное деревце было все до самой верхушки еще покрыто инеем и снегом, а над ним кружился и завывал Северный Ветер.

– Взберись на меня, мальчик! – сказало Дерево и склонило ветви почти до самой земли.

Но мальчик не мог дотянуться до них – он был слишком мал.

И сердце Великана растаяло, когда он глядел в окно.

– Какой же я был эгоист! – сказал он. – Теперь я знаю, почему Весна не хотела прийти в мой сад. Я посажу этого маленького мальчика на верхушку дерева и сломаю стену, и мой сад на веки вечные станет местом детских игр. – Он и в самом деле был очень расстроен тем, что натворил.

И вот он на цыпочках спустился по лестнице, тихонько отомкнул парадную дверь своего замка и вышел в сад. Но как только дети увидели Великана, они так испугались, что тут же бросились врассыпную, и в сад снова пришла Зима. Не убежал один только маленький мальчик, потому что глаза его были полны слез, и он даже не заметил появления Великана. А Великан тихонько подкрался к нему сзади, осторожно поднял с земли и посадил на дерево. И дерево тотчас зацвело, и к нему слетелись птицы и запели песни, порхая с ветки на ветку, а маленький мальчик обхватил Великана руками за шею и поцеловал. И тогда другие дети, увидав, что Великан перестал быть злым, прибежали обратно, а вместе с ними возвратилась и Весна.

– Теперь этот сад ваш, дети, – сказал Великан и взял большой топор и снес стену.

И жители, направляясь в полдень на рынок, видели Великана, который играл с детьми в самом прекрасном саду, какой только есть на свете.

Весь день дети играли в саду, а вечером они подошли к Великану, чтобы пожелать ему доброй ночи.

– А где же ваш маленький приятель? – спросил Великан. – Мальчик, которого я посадил на дерево? – Он особенно пришелся по душе Великану, потому что поцеловал его.

– Мы не знаем, – отвечали дети. – Он куда-то ушел.

– Непременно передайте ему, чтобы он не забыл прийти сюда завтра, – сказал Великан.

Но дети отвечали, что они не знают, где живет этот мальчик, так как ни разу не видели его раньше, и тогда Великан очень опечалился.

Каждый день после уроков дети приходили поиграть с Великаном, но маленький мальчик, который так полюбился Великану, ни разу больше не пришел в сад. Великан был теперь

очень добр ко всем детям, но тосковал о своем маленьком друге и часто о нем вспоминал.

– Как бы мне хотелось повидать его! – то и дело говорил Великан.

Год проходил за годом, и Великан состарился и одряхлел. Он уже не мог больше играть в саду и только сидел в глубоком кресле, смотрел на детей и на их игры да любовался своим садом.

– У меня много прекрасных цветов, – говорил он, – но нет на свете цветов прекраснее, чем дети.

Как-то раз зимним утром Великан, одеваясь, выглянул в окно. Он теперь не испытывал неприязни к Зиме, – ведь он знал, что Весна просто уснула, а цветы отдыхают.

И вдруг он стал тереть глаза и все смотрел и смотрел в окно, словно увидел чудо. А глазам его и вправду открылось волшебное зрелище. В самом укромном уголке сада стояло дерево, сплошь покрытое восхитительным белым цветом. Ветви его были из чистого золота, и на них висели серебряные плоды, а под деревом стоял маленький мальчик, который когда-то так полюбился Великану.

Не помня себя от радости, побежал Великан вниз по лестнице и ринулся в сад. Быстрым шагом прошел он по траве прямо к ребенку. Но когда он подошел совсем близко, лицо его побагровело от гнева, и он спросил:

– Кто посмел нанести тебе эти раны?

Ибо на ладонях мальчика он увидел раны от двух гвоздей, и на детских его ступнях были раны от двух гвоздей тоже.

– Кто посмел нанести тебе эти раны? – вскричал Великан. – Скажи мне, и я возьму мой большой меч и поражу виновного.

– Нет! – ответствовало дитя. – Ведь эти раны породила Любовь.

– Скажи – кто ты? – спросил Великан, и благоговейный страх обуял его, и он пал перед ребенком на колени.

А дитя улыбнулось Великану и сказало:

– Однажды ты позволил мне поиграть в твоем саду, а сегодня я поведу тебя в свой сад, который зовется Раем.

И на другой день, когда дети прибежали в сад, они нашли Великана мертвым: он лежал под деревом, которое было все осыпано белым цветом.

Замечательная Ракета

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дожидался целый год, и вот наконец она прибыла. Это была русская Принцесса, и весь путь от самой Финляндии она проделала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, голову ее покрывала крошечная шапочка из серебряной ткани, и Принцесса была бела, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

– Она похожа на Белую розу! – восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

– Ваш портрет прекрасен, – прошептал он, – но вы прекраснее во сто крат!

И щеки маленькой Принцессы заалели.

– Она была похожа на Белую розу, – сказал молодой Паж кому-то из придворных, – но теперь она подобна Алой розе.

И это привело в восхищение весь двор. Три дня кряду все ходили и восклицали:

– Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза! – И Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пунцового бархата, расшитого мелким жемчугом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

– Совершенно ясно, что они любят друг друга, – сказал маленький Паж. – Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши!

И Король вторично удвоил ему жалованье.

– Какой почет! – хором воскликнули придворные.

* * *

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец розы, а Король вызвался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто ни разу не осмелился сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

– Восхитительно! Восхитительно!

* * *

Программа празднеств должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

– Фейерверк? А на что это похоже? – спросила Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по террасе.

– Это похоже на Северное сияние, – сказал Король, который всегда отвечал на все вопросы, адресованные к другим лицам, – только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что, по крайней мере, знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и, как только Королевский пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

– Как прекрасен мир! – воскликнула маленькая Шутиха. – Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось совершить путешествие. Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освобождаться от предрассудков.

– Королевский сад – это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха, – сказала Большая Римская Свеча. – Мир огромен, и

меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

– То место, которое мы любим, заключает в себе для нас весь мир! – мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который на первых порах был крепко привязан к старой сосновой дощечке и гордился своим разбитым сердцем. – Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня нисколько не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помнится, когда-то я… Впрочем, теперь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

– Чепуха! – сказала Римская Свеча. – Романтика никогда не умирает. Это как луна – она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром бумажная гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой.

– Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла, – прошептал он. Он принадлежал к тому сорту людей, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое сухое покашливание, и все оглянулись.

Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

– Кхе! Кхе! – кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонтана, который продолжал покачивать головой и шептать:

– Романтика умерла.

– Внимание! Внимание! – закричал Бенгальский Огонь.

Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

– Умерла безвозвратно, – прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда смотрела поверх головы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

– Какая удача для сына Короля, – сказала она, – что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо. В самом деле, если бы даже все это было

обдумано заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь Принцам всегда везет.

– Вот так-так! – сказала маленькая Шутиха. – А мне казалось, что все как раз наоборот; это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

– Вас-то, может, и будут, – сказала Ракета. – Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я – другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались – а вдруг она не вернется обратно. Но она вернулась, потому что у нее был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно-эффектным – она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отозвались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала ее триумфом Пилотехнического искусства.

– Пиротехнического – хотели вы сказать, Пиротехнического, – отозвался Бенгальский Огонь. – Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

– А я говорю Пилотехнического, – возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задирать маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

– Итак, я говорила, – продолжала Ракета, – я говорила… о чем же я говорила?

– Вы говорили о себе, – отвечала Римская Свеча.

– Ну разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

– А что это такое – чувствительная особа? – спросила Петарда у Римской Свечи.

– Это тот, кто непременно будет отдавливать другим мозоли, если он сам от них страдает, – шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

– Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? – осведомилась

Ракета. – Я же не смеюсь.

– Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, – отвечала Петарда.

– Это весьма эгоистическая причина, – сердито промолвила Ракета. – Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость – высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, например, что сегодня ночью со мной что-нибудь случится, – представляете, какое это будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что касается Короля, то я знаю, что он не оправится после такого удара. Право, когда я начинаю думать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, я едва удерживаюсь от слез.

– Если вы хотите доставить другим удовольствие, – вскричала Римская Свеча, – так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть!

– Ну конечно, – воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрянул духом, – это же подсказывает простой здравый смысл!

– Простой здравый смысл! – возмущенно фыркнула Ракета. – Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно, при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А что касается того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Единственное, что меня поддерживает в течение всей жизни, – это сознание моего неоспоримого превосходства над всеми, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смеетесь и веселитесь так, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

– Как так? – воскликнул маленький Огненный Шар. – А почему бы нет? Это же самое радостное событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна невеста.

– Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! – сказала Ракета. – Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет – одна пустота. А что, если Принц и Принцесса поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы может

родиться сын, маленький, белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать – потерять единственного сына! Это же ужасно! Я этого просто не переживу.

– Но они же еще не потеряли своего единственного сына, – сказала Римская Свеча. – Никакого несчастья с ними еще не произошло.

– А разве я говорила, что они потеряли? – возразила Ракета. – Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову – по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

– Что верно, то верно! – вскричал Бенгальский Огонь. – По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще никогда не доводилось видеть.

– А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, – сказала Ракета. – И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

– Да ведь вы даже незнакомы с ней, – буркнула Римская Свеча.

– А разве я сказала, что я с ней знакома? – возразила Ракета. – Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь – хорошо знать своих собственных друзей.

– Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, – сказал Огненный Шар. – Вот что самое главное.

– Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, – возразила Ракета, – а я вот возьму и заплачу, если мне захочется. – И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

– Должно быть, это действительно очень романтическая натура, – сказал Огненный Фонтан, – ведь она плачет абсолютно без всякой причины. – И он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

– Вздор! Вздор! – Они были чрезвычайно здравомыслящие

особы, и, когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут взошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться им, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одиннадцать и, наконец, двенадцать, и с последним ударом часов, возвестивших полночь, все вышли из дворца на террасу, а Король послал за Королевским пиротехником.

– Повелеваю зажечь фейерверк, – сказал Король, и Королевский пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада. За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

– Пшш! Пшш! – зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

– Бум! Бум! – вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

– Прощайте! – крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

– Хлоп! Хлоп! – вторили ему Петарды, которые веселились от души. Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не удостаивала разговором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

– Ура! Ура! – закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

– Вероятно, они приберегают меня для особо торжественного случая, – сказала Ракета. – Это несомненно так. – И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

– По-видимому, это делегация, – сказала Ракета. – Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства. – И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях. Но слуги даже не

заметили ее, и только когда они уже собрались уходить, она случайно попалась на глаза одному из них.

– Гляньте! – крикнул этот слуга. – Тут какая-то негодная Ракета! – И он швырнул ее за ограду, прямо в канаву.

– Негодная Ракета? Негодная Ракета? – воскликнула она, перелетая через ограду. – Этого не может быть! Превосходная Ракета – вот что, должно быть, сказал этот человек. Негодная и Превосходная звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же. – И с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.

– Не очень-то приятное место, – сказала она, – но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький Лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

– А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что ж, в конце концов, грязь лучшее, что есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

– Кхе! Кхе! – произнесла Ракета и раскашлялась.

– Какой у вас приятный голос! – воскликнул Лягушонок. – Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего многоголосого хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома, и, как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть – все слушают нас. Да не далее как вчера жена фермера говорила своей матушке, что она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, – это доставляет большое удовлетворение.

– Кхе! Кхе! – сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

– Нет, в самом деле, какой восхитительный голос, – продолжал Лягушонок. – Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Щука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими – и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

– По-вашему, это называется беседой? – сказала Ракета. – Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хороша беседа!

– Кто-то же должен слушать, – возразил Лягушонок, – а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

– Но я люблю разногласия, – сказала Ракета.

– Ну что вы, – миролюбиво заметил Лягушонок. – Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно одинаковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей. – И маленький Лягушонок поплыл прочь.

– Вы чрезвычайно нудная особа, – сказала Ракета, – и очень дурно воспитаны. Я не выношу людей, которые, подобно вам, все время говорят о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм – чрезвычайно отталкивающее свойство, особенно для людей моего склада, – ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом, вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам встретится еще когда-нибудь образец, более достойный подражания. И раз уж представился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправляюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочетались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

– Нет никакого смысла говорить ему все это, – сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой камышины. – Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

– Тем хуже для него, – отвечала Ракета. – Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает, – мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня это одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

– Тогда вам, безусловно, необходимо выступать с лекциями по Философии, – сказала Стрекоза и, расправив свои прелестные газовые крылышки, поднялась в воздух.

– Как это глупо, что она улетела! – сказала Ракета. – Я уверена, что ей нечасто представляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. – И

тут она еще чуть глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

– Кряк, кряк, кряк, – сказала Утка, – какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить, это от рождения или результат несчастного случая?

– Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, – отвечала Ракета, – иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше невежество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь к небу и пролиться на землю золотым дождем.

– Велика важность, – сказала Утка. – Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

– Я вижу, уважаемая, – воскликнула Ракета высокомерно-снисходительным тоном, – я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества. Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы! Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не питаю симпатии к полезной деятельности какого бы то ни было рода, а уж меньше всего – к такой, какую вы изволили рекомендовать. По правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спасения люди, которым ничего другого не остается делать.

– Ну хорошо, хорошо, – сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту. – О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

– Да ни за что на свете! – воскликнула Ракета. – Я здесь гость, почетный гость, и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

– Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью, – заметила Утка. – Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу. Однако незаметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

– Ну а я создана для общественной жизни, – сказала Ракета, –

так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Стоит нам где-нибудь появиться, и мы тотчас привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но, когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

– Ах! Возвышенные предметы – как это прекрасно! – сказала Утка. – Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. – И она поплыла вниз по канаве, восклицая: – Кряк, кряк, кряк.

– Куда же вы! Куда! – взвизгнула Ракета. – Мне еще очень многое необходимо вам сказать. – Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв. – Я очень рада, что она оставила меня в покое, – сказала Ракета. – У нее необычайно мещанские взгляды. – И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество – неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

– Это, вероятно, делегация, – сказала Ракета и постаралась придать себе как можно более величественный вид.

– Гляди-ка! – крикнул один из мальчиков. – Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала. – И он вытащил Ракету из канавы.

– Грязная Палка! – сказала Ракета. – Неслыханно! Грозная Палка – хотел он, по-видимому, сказать. Грозная Палка – это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из придворных Сановников.

– Давай положим ее в костер, – сказал другой мальчик. – Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

– Но это же восхитительно! – воскликнула Ракета. – Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

– Ну, теперь мы можем немножко соснуть, – сказали мальчики. – А когда проснемся, котелок уже закипит. – И они раскинулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

– Ну, сейчас я взлечу! – закричала она, напыжилась и распрямилась. – Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко… Пшш! Пшш! Пшш! – И она взлетела вверх. – Упоительно! – вскричала она. – Я буду лететь

вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел.

Тут она почувствовала странное ощущение щекотки во всем теле.

– А теперь я взорвусь! – закричала она. – И я охвачу огнем всю землю и наделаю такого шума, что ни о чем другом никто не будет говорить целый год. – И тут она и в самом деле взорвалась. Бум! Бум! Бум! – вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто ничего не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

– Господи помилуй! – вскричала Гусыня. – Кажется, начинает накрапывать… палками! – И она поспешно плюхнулась в воду.

– Я знала, что произведу сенсацию, – прошипела Ракета и погасла.

Мальчик-звезда

Как-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробиваясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и на деревьях лежал толстый снежный покров. Когда Лесорубы продирались сквозь чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

– Уф! – проворчал Волк, прыгая между кустами, поджав хвост. – Какая чудовищная погода. Не понимаю, куда смотрит правительство.

– Фью! Фью! Фью! – просвиристели зеленые Коноплянки. – Старушка-Земля умерла, и ее одели в белый саван.

– Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд, – прошептали друг другу Горлинки. Их маленькие розовые ножки совершенно окоченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на вещи.

– Вздор! – проворчал Волк. – Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. – Волк обладал очень трезвым взглядом на вещи и в споре никогда не лез за словом в карман.

– Ну, что касается меня, – сказал Дятел, который был прирожденным философом, – я не нуждаюсь в физических законах для объяснения явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съежились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы – одни среди всех живых существ – были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совершенно твердыми, но это нисколько не тревожило Сов; они таращили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

– У-уу! У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дуя на замерзшие пальцы и топая по обледеневшему снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как

мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, их вязанки хвороста рассыпались, и пришлось им собирать их и заново увязывать; а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благоприятствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в Долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а Долина показалась им серебряным цветком, и Луна над ней – цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

– С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

– Ты прав, – отвечал его товарищ. – Одним дано очень много, а другим – совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная и необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатилась по небосводу между других звезд, и, когда изумленные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось, что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

– Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! – разом закричали оба и тут же припустились бежать – такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами… и что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало что-то, сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а

увидели только спящее дитя.

И один Лесоруб сказал другому:

– Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи. Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но другой Лесоруб ответил так:

– Нет, нельзя совершить такое злое дело – оставить это дитя замерзать тут на снегу, и, хоть я не богаче тебя и у меня еще больше ртов просят хлеба, а в горшках тоже не густо, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитить от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень подивился про себя такой его глупости и мягкосердечию.

А когда они пришли в свое селение, его товарищ сказал ему:

– Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

– Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку, – и, пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что это ее муженек возвратился домой, целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

– Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем, – и он не переступил порога.

– Что же это такое? – воскликнула жена. – Покажи скорее, ведь у нас в дому пусто, и мы очень во многом нуждаемся. – И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

– Увы мне! – горестно прошептала жена. – Разве у нас нет собственных детей? Что это тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? – И она очень рассердилась на мужа.

– Да ты дослушай, ведь это Дитя-звезда, – отвечал муж и рассказал жене всю удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним и бранить его и закричала:

– Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого

ребенка? А кто позаботится о нас? Кто нам даст поесть?

– Но ведь Господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание, – отвечал муж.

– А мало воробьев погибают от голода зимой? – спросила жена. – И разве сейчас не зима?

На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

– Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

– В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет стужа, – сказал муж.

И жена не ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала его в сундук.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были как лепестки нарцисса, а губы – как лепестки алой розы, и глаза – как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все они низкого происхождения, в то время как он знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увечным, но швырял в них камнями и прогонял их из селения на проезжую дорогу и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и высмеивал всех, кто был жалок и безобразен, и выставлял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у

водоема в фруктовом саду священника и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря:

– Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

И старик священник не раз посылал за ним и пытался научить его любви ко всем божьим тварям, говоря:

– Мотылек – твой брат, не причиняй ему вреда. Птицы, что летают по лесу, – свободные создания. Не расставляй им силков для своей забавы. Бог создал земляного червя и крота и определил каждому из них его место. Кто ты такой, что осмеливаешься приносить страдания в сотворенный Богом мир? Ведь даже скот, пасущийся в лугах, прославляет Божье имя.

Но Мальчик-звезда не внимал ничьим словам, только хмурился и усмехался презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими как хотел. И его сверстники слушались его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-звезда ни повел их, они следовали за ним, и, что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем он был их вожаком, и они стали столь же жестокосердны, как он.

* * *

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях, босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови, словом, была она в самом бедственном состоянии. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-звезда и сказал своим товарищам:

– Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-звезда, подбежал к нему и

стал его бранить, говоря:

– Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-звезда покраснел от злости, топнул ногой и сказал:

– А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын и не обязан тебя слушаться.

– Это верно, – отвечал Лесоруб, – однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И когда нищая услыхала эти слова, она громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней, и, когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и сказала Лесорубу:

– Верно ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

– Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

– А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? – воскликнула женщина. – Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

– Все верно, – отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука, в котором они хранились, и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

– Этот ребенок – мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прошу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла весь мир.

И Лесоруб с женой вышли из дома и стали звать Мальчика-звезду и сказали ему:

– Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

– Ну, а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

– Я – твоя мать.

– Ты, должно быть, лишилась рассудка, – гневно вскричал

Мальчик-звезда. – Я не твой сын, ведь ты же нищенка, ты уродлива и одета в лохмотья. Ну-ка убирайся отсюда, чтобы я не видел твоего мерзкого лица.

– Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу, – вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки. – Разбойники украли тебя и оставили погибать в лесу, – плача, проговорила она. – Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать, – золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя, пойдем со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только стенания женщины, рыдающей от горя.

Наконец он заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

– Если это правда, что ты моя мать, – сказал он, – лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как это ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше не видел.

– Увы, сын мой, – вскричала женщина. – Неужели ты не поцелуешь меня на прощание? Ведь я столько претерпела мук, чтобы найти тебя.

– Нет, – сказал Мальчик-звезда, – ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядев на него, начали смеяться над ним и сказали:

– Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами. – И они выгнали его из сада. Тогда Мальчик-звезда задумался и сказал себе:

– Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив.

И он пошел к водоему и поглядел в него, но что же он увидел! Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву и заплакал и сказал:

– Не иначе как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я возгордился перед ней и был с ней жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь

свет, пока не найду ее. А до тех пор я не буду знать ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

– Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

– Нет, я был жесток к моей матери, и в наказание со мной случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду свою мать и не вымолю у нее прощенья.

И он побежал в лес и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на груду листьев и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его одиночество и охраняла его сон, да гадюка медленно проползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. И всех, кто бы ни повстречался ему на пути, он спрашивал, не видали ли они его матери.

Он спросил Крота:

– Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

– Ты выколол мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

– Ты взлетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

– Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле ели одна-одинешенька, он спросил:

– Где моя мать?

И Белочка отвечала:

– Ты убил мою мать, может быть, ты разыскиваешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-звезда опустил голову, и заплакал, и стал просить прощения у всех божьих тварей, и углубился дальше в лес, продолжая свои поиски. А на третий день, пройдя через весь лес, он вышел на опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили его и бросали в него камнями, и крестьяне не позволяли ему даже

соснуть в амбаре, боясь, что от него может сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с виду, и приказывали работникам прогнать его прочь, и ни одна душа не сжалилась над ним. И нигде не мог он ничего узнать о нищенке, которая была его матерью, хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз казалось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда он принимался звать ее и бежать за ней, хотя острый щебень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но он не мог ее догнать, а те, кто жил поблизости, утверждали, что они не видели ни ее, ни кого-либо похожего с виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету, и нигде никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, расположенному на берегу реки и обнесенному высокой крепостной стеной, и приблизился к воротам, и, хотя он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже, скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

– Что тебе нужно в нашем городе?

– Я разыскиваю мою мать, – отвечал он, – и молю вас, дозвольте мне войти в город, ведь может случиться, что она там.

Но они стали насмехаться над ним, и один из них, тряся черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

– Воистину твоя мать возрадуется, увидав тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи. Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке древко с желтым стягом, сказал ему:

– Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

– Моя мать живет подаяниями, так же как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дозволь мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукрашенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

– Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

– Ну нет, – рассмеявшись, сказал тот, – мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услыхав эти слова, сказал:

– Я заплачу за него эту цену. – И, заплатив ее, взял Мальчика-звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она отворилась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

– Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

– Пей.

И когда Мальчик-звезда поел и попил, старик ушел и запер дверь темницы на ключ и закрепил железной цепью.

* * *

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего в гробнице на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-звезду и сказал:

– В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты – из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Поспеши, на закате солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб, и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина. – И он завязал глаза Мальчику-звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, заставив подняться на пять медных бронзовых ступенек, отворил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он

полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось насладиться красотой леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колол его своими острыми, как кинжал, колючками, и Мальчику-звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача, ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик, – казалось, кто-то взывает о помощи. И, позабыв про свою беду, он побежал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, который попал в силок, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-звезда сжалился над Зайчонком, и освободил его из силка, и сказал ему:

– Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

– Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя?

И Мальчик-звезда сказал ему:

– Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он побьет меня.

– Ступай за мной, – сказал Зайчонок, – и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-звезда последовал за маленьким Зайчонком, и что же он увидел? В дупле большого дуба лежала монета из белого золота, которую он искал, и Мальчик-звезда несказанно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

– За услугу, которую я оказал тебе, ты отблагодарил меня сторицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

– Нет, – отвечал Зайчонок, – как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой. – И он проворно поскакал прочь, а Мальчик-звезда направился в город.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях, словно угли, и, когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему так:

– Подай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду. Ибо они изгнали меня из города, и нет никого, кто бы сжалился надо мной.

– Увы! – вскричал Мальчик-звезда. – У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и, если я не отнесу ее моему хозяину, он прибьет меня, потому что я его раб.

Но прокаженный стал просить его и умолять и делал это до тех пор, пока Мальчик-звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

– Ты принес монету из белого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

– Нет, у меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его колотить, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба, и сказал:

– Ешь. – И поставил перед ним пустую чашку и сказал: – Пей. – И снова бросил его в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

– Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, ты навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но не мог нигде найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал, и, пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

– Почему ты плачешь? И чего ты ищешь в лесу?

И Мальчик-звезда отвечал:

– Я ищу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и, если я не найду ее, мой хозяин побьет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

– Следуй за мной! – крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру. А на дне озера лежала монета из желтого золота.

– Как мне благодарить тебя? – сказал Мальчик-звезда. – Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

– Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, – сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-звезда взял монету из желтого золота, положил ее в свой кошелек и поспешил в город. Но прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени,

крича:

– Подай мне милостыню, или я умру с голоду!

Но Мальчик-звезда сказал ему:

– У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но, если я не принесу ее моему хозяину, он побьет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

* * *

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

– Ты принес монету из желтого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

– Нет, у меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

– Если сегодня ты принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал, и, пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

И Зайчонок сказал ему:

– Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Так что перестань плакать и возрадуйся.

– Как могу я отблагодарить тебя! – воскликнул Мальчик-звезда. – Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды.

– Но ты первый сжалился надо мной, – сказал Зайчонок и проворно ускакал прочь.

А Мальчик-звезда вошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город. Но когда прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, взывая к нему:

– Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

– Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

* * *

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

– Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

– Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-звезда заплакал и сказал себе:

– Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

– Ты наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-звезда сказал им в ответ:

– Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме гребень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

– Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-звезда посмотрел в щит, и что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо его стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел.

А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

– Было давнее пророчество, что в день этот придет к нам тот, кому суждено править нами. Так пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-звезда отвечал им:

– Я недостоин этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо должен я вновь отправиться странствовать по свету, и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял прокаженный.

И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

– О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения. Мать моя, я дал тебе ненависть. Одари же меня любовью. Мать моя, я отверг тебя. Прими же свое дитя.

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к прокаженному и припал к его стопам, говоря:

– Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-звезда и сказал:

– О мать моя, это страдание мне не по силам. Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш бор.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

– Встань!

И прокаженный положил руку на его голову и тоже сказал:

– Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева. И Королева сказала ему:

– Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

– Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды, и возложили на его голову корону, и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города, который стоял на берегу реки. И он был справедлив и милосерд ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не дозволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.